

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Тамбовский
АЛЬМАНАХ

№ 27

ТАМБОВ • 2024

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ № 27

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России
Издаётся с 2005 года

Главный редактор

Мещеряков Ю.А. (Тамбов), *секретарь Союза писателей России,
председатель правления Тамбовского регионального отделения.*

Редакционная коллегия

- Аршанский В.С. (Мичуринск), *член Союза писателей России, заслуженный
работник культуры РФ, Почётный гражданин Тамбовской области.*
- Бережной С.А. (Белгород), *секретарь Союза писателей России,
главный редактор альманаха «Пересвет».*
- Беридзе Ю.В. (Москва), *член Союза писателей России,
главный редактор газеты «Российская кооперация».*
- Дорожкина В.Т. (Тамбов), *член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры РФ, почётный профессор ТГУ
имени Г.Р. Державина, Почётный гражданин города Тамбова.*
- Желтова Н.Ю. (Тамбов), *литературовед, доктор филологических наук,
Профессор.*
- Знобищева М.И. (Тамбов), *член Союза писателей России, литературовед,
кандидат филологических наук.*
- Иванов Г.В. (Москва), *первый секретарь правления Союза писателей России,
председатель исполкома Международной литературной премии
имени Сергея Есенина.*
- Кочуков С.К. (Тамбов), *член Союза писателей России,
Почётный гражданин Тамбовского района.*
- Курбатова Т.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России,
руководитель литературного объединения «Радуга».*
- Луканкина Е.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России.*
- Лютый В.Д. (Воронеж), *член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Подъём».*
- Николаева А.Н. (Тамбов), *член Союза писателей России,
кандидат исторических наук.*
- Пешкова С.Н. (Липецк), *член Союза писателей России, руководитель
Липецкого регионального отделения СМЛ.*
- Пронина Л.А. (Тамбов), *доктор философских наук, профессор, директор
Тамбовской областной универсальной научной библиотеки
имени А.С. Пушкина.*

ISBN 978-5-6051826-9-6

ISBN 978-5-6051826-9-6

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское отделение

Да свершится!

Господь! Прошу, услышь меня!
Внемли смиренному моленью!
Прошу защиты, не забвенья,
Частицу Твоего огня.

Прошу, пусть мир освободится
От пут обмана и порока,
Пусть доброта, а не жестокость
Навеки в мире воцарится.

И пусть сердца людей, как птицы,
Стремясь к божественному свету,
Укроют крыльями планету.
Услышь, Господь, нас! Да свершится.

Татьяна КУРБАТОВА

Сергей ЛЁВИН

Хроника Синь-камня

Рассказ

– Хотите верьте, хотите нет, а он, кажись, опять чуток вырос. Может, всего-то на столько, – Иван показал пальцами расстояние сантиметра в четыре, – но вырос. Если каждый день к нему ходишь, незаметно, а когда с месяц-другой рядом не бываешь, сразу в глаза бросается.

Иван Безусов, любезно согласившийся выступить в роли моего провожатого к самому знаменитому «обитателю» Самойловки, небольшого села в Печаловском районе на севере Тамбовской области, с первых минут нашего знакомства проявил себя замечательным собеседником. Его словоохотливость лишь возросла, когда я презентовал ему поллитровку недорогой «Пшеничной», предусмотрительно приобретённой по акции в супермаркете. Каждый раз, отправляясь по редакционному заданию в одну из окрестных деревень, я непременно захватывал с собой этот образец универсальной валюты, и она всегда действовала безотказно. В редкие моменты, когда редактора нашей газеты внезапно накрывал приступ необъяснимой щедрости и он выделял мне служебное авто с водителем, я на месте с удовольствием распивал пузырь с интервьюируемым – тогда беседа, как правило, получалась и доверительней, и откровеннее, и задушевнее.

Сегодня мне настолько не повезло, и до Самойловки пришлось ехать на своей «Шевроле Ниве», что возможность распития исключало автоматически. Безусов, скорее всего, был этому только рад. Он возглавлял в селе квартальный комитет, то ли второй, то ли третий срок входил в состав районного Совета народных депутатов, когда-то трудился заместителем главы района – в общем, личность активная и заметная. В сельсовете, когда я позвонил рассказать о своей командировке, сразу дали его телефон. Сказали, лучшего знатока по местной истории не найти.

Как и договорились, Иван Сергеевич встретил меня на трассе в назначенный час, сел в кабину и начал на пальцах показывать дорогу к заповедному

камню. Небольшого роста, но при этом плотной комплекции, с по-казацки пышными усищами и непослушно вихрящимися пепельными волосами, он напомнил мне Павла Верещагина из «Белого солнца пустыни». Такая же неуёмная энергетика и природное обаяние.

При виде старых деревянных домиков, равномерно рассредоточенных вдоль центральной улицы, тянувшейся вдоль всей Самойловки, на душе у меня, как нередко в таких поездках, погрузнело – это была самая настоящая уходящая натура, причём уходящая безвозвратно вместе с доживающими свой век обитателями. Все эти аккуратные резные ставенки, где безнадежно выцвели когда-то яркие краски, грубо сколоченные будки с брехливыми псами, грядки с картошкой, смородиновые кусты, покосившиеся колодезные журавли – в этой картине таилось нечто невероятно родное, милое сердцу и в то же время печально и неуклонно угасающее, прощающееся навсегда.

Даже сам Иван Безусов – житель коренной, возвращённый на этих бескрайних чернозёмных просторах, с трудом вписывался в унылый сельский пейзаж, казался чужеродным, пришлым и городским. Он и сам признал, что всё больше времени проводит в Тамбове, где у него небольшой бизнес, мебельный цех и пара рукастых рабочих, а сюда наведывается проведать пожилую мать. Сейчас старушка захворала, и он неделю с небольшим жил в её доме – том самом, где когда-то провёл детство и юность.

Всё это Сергеич рассказал, пока мы, оставив машину на обочине гравийки, не торопясь – спешка здесь казалась неуместной – приблизились к объекту моего журналистского паломничества.

– История у камня, конечно, интереснейшая, – сказал Безусов, доставая из кармана куртки красную пачку ныне уже ставшей раритетом моршанской «Примы» и прикуривая. – Если не слишком торопитесь, могу рассказать всё, что знаю. А знаю немало. И от матери наслышан, которая в Самойловке учительницей сорок лет, считай, проработала, и от старожилов местных. Да и от себя кой-чего добавлю. Для статейки материала – копай не хочу! За все долгие годы, что глубина тут лежит, много чего с ней приключалось – хорошего и не очень. Да она и сама судьбы людские меняла: кому добром на добро отвечала, а кому и злом на зло. Любопытно вам такое?

– Конечно-конечно, – я успел сделать несколько снимков валуна с разных ракурсов и теперь, зачехлив фотоаппарат, достал блокнот и ручку. Диктофоны не любил, предпочитая работать по старинке. – Времени у меня вагон и маленькая тележка, на работу сегодня возвращаться не хочу. Так что можете во всех подробностях...

– Во всех не во всех, а чем богат, поделюсь. Давайте присядем тогда. Разговор небыстрый будет.

Неподалёку от камня виднелась врытая в землю деревянная лавочка. На ней и обосновались. Иван достал презентованную «Пшеничную», тактично предложил, на моё страдальческое покачивание головой расстраиваться не стал. Извлёк из объёмного кармана ветровки крупное зелёное яблоко и пластиковый

стаканчик (всегда он его с собой носит, что ли, подумал я), наполнил его почти до края и одним махом проглотил горькую. Потом добродушно посмотрел на меня:

– Теперь можно и рассказ начинать. Самое время. Двести лет назад, считай, первый примечательный случай произошёл, чуть больше даже, в 1807 году...

Эпизод первый: драматический

Место для будущей усадьбы Пётр Демидович Коломенский подыскивал долго. То там, то здесь всё ему вроде бы нравилось: от безграничного, ласкающего взор среднерусского пейзажа с глубокими синими озерами да берёзовыми рощицами, что по выразительности ничем не уступал изображениям на модных в столице полотнах Фёдора Алексеева и Семёна Щедрина, до умиротворяющего душу запаха свежести и тонкого, едва различимого аромата полевых цветов. Казалось, впору не там, так здесь начать стройку, но общее впечатление все-пременно портила какая-нибудь неприятная деталь.

То в раскидистый вековой дуб на участке, что глаз накануне так радовал, молния угодит и развалит могучее дерево надвое. То приедет Пётр Демидович на облюбованную накануне поляну, а там после дождя аккурат по центру лужа преогромная образовалась, и земля вокруг неё топкая, для работ непригодная. Плюнет Коломенский в сердцах – и давай вновь по округе на лошади гарцевать: высматривать подходящий антураж.

Наконец, выбрал. Место – красота, загляденье! Вид с небольшого возвышения на речку, как раз здесь излучиной живописно изгибающуюся, наполнял сердце теплом и спокойствием. К тому же порыбачить можно, что немаловажно – очень Пётр Демидович занятие сие любил.

Вскоре закипела работа. Часть крепостных направил на закладку усадьбы – с пилами да топорами, рубанками да молотками занялись стройкой. Чуть поодаль конюшню стали возводить. Другие в то же время будущий сад закладывали: яблони, груши, вишню, смородину, крыжовник сажали, чтобы через несколько лет можно было не только вдоль деревьев и кустарников с приятностью прогуляться, но и плодов припасти на долгую зиму.

В точности за два года всё завершили. В ещё пахнувший недавно срубленным деревом просторный дом въезжали всей большой семьёй – сам Пётр Демидович с супругой Екатериной Фёдоровной, мать его Акулина Ивановна и три дочери: Настасья и Аглая на выданье, а также Наталья с мужем – подающим надежды писателем Евгением Запьянцевым, чьи вирши к этому времени пару раз пропечатали в патриотическом московском журнале «Русский вестник», основанном писателем Сергеем Глинкой, который благоволил молодому дарованию из провинции. С особым восторгом в новый дом заселялся их первенец – пятилетний живчик Алексей, в котором дедушка, понятное дело, души не чаял. Первый внучок, наследник – да ещё и мальчишка улыбочивый, светлый, неутомный, искренне радующийся всему вокруг: яркому солнцу, прозрачному небу, речушке за окном. Ангелочек, а не ребёнок!

Зажили счастливо, мирно – не случайно новоселье под Яблочный Спас подгадывали. Отец Фотий из соседнего села, где проходили службы в небольшом храме, приезжал освятить жилище. И в тёплый, пронизанный солнечными лучами август комнаты и коридоры просторного дома с просторной мансардой, располагающей к вечерним чаепитиям на свежем воздухе, наполнились голосами, смехом, беспечными беседами за семейными ужинами. А к концу осени устроили первый званый приём – небольшой, но торжественный, с приглашёнными музыкантами. Ибо две дочери пока оставались без женихов...

На том вечере Аглая привлекла внимание тридцатилетнего соседского помещика Никифора Степановича Сантылова. Он ангажировал её на танец, потом ещё на один. И ещё. Вскоре, уже в феврале, всем домочадцам на радость сыграли пышную свадьбу.

«Совсем налаживается жизнь! – с удовлетворением думал Пётр Демидович, надеясь втайне, что через пару-тройку лет коридоры усадьбы будут звенеть от топота детских ножек. – Всё ещё впереди!»

Однако судьба проявляла к нему благосклонность лишь до поры до времени, и в июле 1810-го в ворота постучалась беда. Крепко так постучалась, основательно, тяжёлым кулаком. Словно тараном.

Ближе к закату Наталья собралась позвать Алёшеньку к ужину, но дома его не нашла. Обошла все комнаты – никто мальчонку с обеда не видел. Спросила у крепостных во дворе – один мужичок указал, что побежал сорванец к речке – «скупнуться, видать». Стояла очень жаркая и сухая погода, когда вода хорошо прогрелась, и можно было поплавать в удовольствие. Обычно в начале августа, к Ильину дню, речка становилась прохладной и для купания негодной. Потому и ребяшня, и взрослые старались поймать последние погожие деньки, пока тёплая вода радовала тело.

Начались поиски. Вскоре на берегу нашли одежду Алёши, лежащую на большом камне у самой воды. Мальчишки же – ни следа. Искали весь вечер – кричали, звонили в колокола. Как совсем стемнело, зажгли факелы, вдоль русла запалили костры. Всё впустую – ребёнок не появился. А под утро в пяти верстах вниз по реке обнаружили холодное тельце, выброшенное волной на илестый берег.

Родители были неутешны: все глаза исплакали. Не меньше страдал Пётр Демидович, сражённый тяжким и внезапным испытанием. В его густую шевелюру, гусарские усы и кустистые баки проникла проседь, лицо расчертили морщины. Сдал он и физически: резко похудел, стал прихрамывать – дала знать о себе травма колена, полученная бывалым наездником ещё в детстве.

После похорон он почти перестал выходить из кабинета, где целыми часами молча сидел за массивным дубовым столом, иногда яростно чертил что-то на бумаге, а после раздражённо сминал листы и бросал в камин. Родным по поводу своих загадочных занятий ничего не пояснял.

Только спустя месяц объявил, что в память о погибшем внуке хочет построить рядом с усадьбой церковь. Благословение получил уже. Сознался, что

пробовал нарисовать проект сам, но ни один из набросков его не удовлетворил – всё не то было, знаний не хватало, опыта. Потому Коломенский решил заказать чертёж архитекторам из самого Санкт-Петербурга, не пожалел денег. А пока дело закрутилось, распорядился доставить с берега валун, на котором нашли одежду мальчика, раз уж этот камень стал последним, кто «видел» Алёшу живым.

С превеликим трудом, вырыв аршинной глубины колею, тяжеленную глыбу когда с помощью лошадиных упряжек, а когда, надрывая жилы, вручную, навалившись гурьбой, переместили на сто пятьдесят сажений и установили на возвышении в центре сада, где запланировали строительство. Отец Фотий отслужил молебен, окропил валун святой водой, осенил крестом.

Поставили крестик и возле камня – самый простецкий, деревянный, что простоял здесь три года, пока не начали возводить храм, наречённый Алексеевским – в память о безвременно почившем рабе Божиим.

Однако ещё до того, как вновь застучали топорами плотники и начали замешивать состав каменщики, как привезли из столицы золочёный купол, к валуну стали приходить на поклон крестьяне не только из Самойловки, но и из других окрестных деревушек – разнёсся слух о его чудодейственной силе. Якобы любую хворь исцеляет и силами немощных наполняет. И даже конкретные случаи приводили – так, у одного мужичка в руке острая боль прошла от вывихнутого минувшей зимой сустава, у другого рана на запястье затянулась после одного прикосновения. А ведь не заживала, истекая гноем, в течение трёх мучительных недель. У семьи одной младенчик от верной смерти спасся – жар никак сбить не могли, лекарь бессильно разводил руками. Спасибо прабабке Серафиме: отнесла дитя, которое к тому часу даже материнскую грудь брать отказывалось, к камню, приложила, и тепло всё излишнее из тельца прямо в валун и перетекло. Ожил ребёночек, загулил, заулыбался.

После говорили, что камень то тепло в себе хранит и при нужде людям его дарит – только уже как целительную, нутрянную силу.

Да и после того, как построили неподалёку церквушку – справную, аккуратную да светлую, – люди продолжили идти за помощью к валуну, веря в его силу, которая с годами только крепла.

Нередко приходил сюда и Пётр Демидович – теперь полностью седой, опирающийся на массивный дубовый бадик – сам похожий на старое кряжистое дерево, потрёпанное годами и ветрами. Замкнуться в себе он, человек сильный и волевой, не позволил, и боль от потери любимого внука вскоре отчасти сгладило рождение новых наследников, с которыми он возился с не меньшей любовью.

Однако каждый раз, когда старший Коломенский видел во сне Алёшу, а случалось это нередко, то рано поутру, на самой заре он шёл к камню, садился возле, тихо плакал и подрагивающей рукой гладил по шершавой поверхности, чувствуя, как ему казалось, лёгкую пульсацию глыбы и непонятно откуда возникшее в ней после прохладной ночи тепло...

* * *

– Такая вот история! – Безусов опрокинул в себя то ли третий, то ли четвёртый стакашок и подмигнул мне. – Говорят, с той поры чудеса и начались. Существует, кстати, версия происхождения валуна. Будто камень этот – для наших чернозёмных просторов да равнин и впрямь редкий, нетипичный, непонятно откуда здесь оказавшийся – перекочевал сюда на леднике. Приволок тот его на своём панцире в доисторические времена, а сам растаял. Но, сами понимаете, версия ничем не подкреплённая, хоть на правду и похожа. Да и не будет, Константин Николаич, никаких доказательств. Никогда.

– Я слышал ещё про язычников, – добавил я.

– И такие слухи ходили. Якобы в дохристианские времена камень являлся объектом идолопоклонничества наших предков. Предполагали даже, что служил он жертвенным алтарём. Только домыслы всё это. Когда люди встречаются с чем-то по-настоящему удивительным, уникальным, волшебным даже, то непременно стараются всё объяснить рационально, найти обоснование, препарировать. В рамки втиснуть – любимое дело! Такая уж она, человеческая натура! Вот и появляются слухи то о кровавых культах забытых богов, то о том, что валун этот – не что иное, как надгробие древнего захоронения не то богатыря, не то волхва, не то князя киевского, разбойничьей стрелой в здешних краях однажды убиенного. Приезжал однажды из Саратова эксцентрик – так тот вообще пытался меня убедить, что это окаменелое яйцо динозавра, представляете?!

– А вы сами давно за ним присматриваете?

– Да я не то чтобы присматриваю – так, наблюдаю, чтобы порядок был. Лет тринадцать уже. Иногда мусор убираю – встречаются нехорошие люди, которые сюда, словно на пикник, приезжают, а потом бутылки пустые да пакеты драные оставляют. Будто на свалке побывали! Но чудес при мне особенных не случалось – разве что, кажется, растёт он мал-помалу. Впрочем, я вам об этом говорил. Сам же, как человек сугубо рациональный, в атеистической семье сызмальства воспитанный, склоняюсь, что обман зрения... Выдача желаемого за действительное. Хочу вам, кстати, ещё одну историю рассказать. Вы же ещё не опаздываете в свою редакцию?

– До пятницы я совершенно свободен, – бодро процитировал я Пятачка, и мы с Иваном Сергеевичем одновременно рассмеялись.

– Ну, раз так, слушайте. До выходных постараюсь как-нибудь управиться...

Эпизод второй: военный

Сложное настало время: страшное, жёсткое, беспокойное, переломное. Либо согнёшься под его железным натиском, съёжишься, скрючишься, потеряешься и в итоге сдохнешь, как собака паршивая, никто и крестика на могилке не поставит, либо закалишься, станешь сильнее и яростнее, а при благоприятном стечении обстоятельств ещё и распрямишься во весь рост, поднимешься над самим собой – прежним.

Аркадий Голиков оказался в числе тех, для кого период всеобщего раздора и раскола стал важнейшим, судьбоносным – хоть и тяжёлым невыносимо, и мучительным, но – открывающим вход в новую, возвышенную, полную планов и свершений жизнь. Чтобы войти в неё победителем вместе со своими друзьями-товарищами, надо было много препятствий преодолеть, не одну пару крепких башмаков стоптать и не одну шашку затупить о кости неприятельские.

Аркадий вступил в ряды Красной армии и отправился воевать, когда ему не исполнилось и пятнадцати. Летом 1921-го в возрасте семнадцати лет он уже занимал должность командира 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом – приказ о назначении подписал сам командующий войсками в Тамбовской губернии Михаил Тухачевский.

Задача перед юным красноармейцем стояла сложнейшая: он участвовал в подавлении так называемого «антоновского» восстания, всколыхнувшего, разбередившего всю Тамбовщину и набиравшего в свои ряды всё больше и больше единомышленников, превращавшегося в реальную угрозу для молодой советской власти.

Каждый участник этой безжалостной и по сути своей братоубийственной войны защищал свою правду. Крестьяне выступали против продотрядов, которые лишали их практически всего, что было заработано собственным тяжёлым трудом. Особенно болезненной продразвёрстка оказалась после засухи 20-го года, когда из двенадцати миллионов пудов собранного хлеба изъятию подлежали одиннадцать с половиной. Как тут было выживать?! Чем детей кормить?!

В тот же год, в последних числах августа, вспыхнули первые волнения, и повстанческие отряды начали прирастать противниками нового режима, не признающими социалистическое правительство. Фамилия одного из лидеров бунтовщиков эсера Александра Антонова и дала впоследствии название восстанию.

Советам было необходимо во что бы то ни стало установить порядок в стране, переживающей разрушительные последствия с начала Первой мировой, а затем гражданской войны, бьющейся в судорогах и утопающей в крови собственного народа. Против мятежников бросили карательные отряды, но летящий вниз по склону горы снежный ком с алыми прожилками, неуклонно набирающий вес и становящийся всё опаснее, остановить было делом нелёгким.

К концу мая 1921 года войска, призванные укротить бунтующих крестьян и их сторонников, сплотили свыше сорока тысяч красноармейцев. Бои вспыхивали один за другим, и если красные задействовали мощное вооружение: тридцать пять тысяч штыков и восемь тысяч сабель плюс около полутысячи пулемётов и более шестидесяти артиллерийских орудий, то мятежникам помогали лишь дремучие леса, в которых те превосходно ориентировались. Могли и спрятаться в случае массовой атаки, и нанести неожиданный удар в спину.

К середине лета того же 21-го года число военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии, вступивших в непримиримое противоборство с антоновцами, достигло пятидесяти пяти тысяч – по сути, население целого города, все жители которого – вооружённые, озлобленные мужчины. Ситуация в корне

переломилась. Километр за километром углублялись красноармейцы в лесные чащи, то и дело вступали в сражения с партизанскими отрядами и громили любое сопротивление. Войска к тому времени усилили татарскими, венгерскими, латышскими и даже китайскими частями Красной армии.

В один из дней этого кровавого лета бойцы 58-го полка после очередного проведённого накануне изнурительного боя расположились на пару суток в деревне Самойловка – подсчитать потери и зализать раны. Сам Аркадий остановился в доме местного старосты Никифора Коваленко, мужика, как ему показалось, ненадёжного, мутного: вился ужом, неуклюже лебезил, стараясь угодить нежданным и явно нежеланным постояльцам, а в глубине глаз прятались искры пламени – то ли неприязни, то ли ненависти. И нашим, и вашим называется...

«Присмотрюсь пока. Если дурость какую совершит, вздёрнем на сосне перед всем селом», – заключил Голиков про себя и решил на эту тему больше не думать. Сейчас его больше заботила стратегия дальнейшего продвижения во враждебные территории.

Временный лазарет расположили в самом большом сельском доме – бывшей родовой усадьбе семьи Коломенских. Сами хозяева ещё в восемнадцатом году покинули Россию от греха подальше, предчувствуя эпоху грядущих расправ, и сейчас жили в Париже, подальше от революционных пожаров. Сейчас из здания доносились стоны – кого из бойцов штыком пырнули, кому шашкой досталось, а кому и вилами.

В лазарете всем заправлял главный полковой врач Евгений Сигарев – интеллигентнейший, всегда подтянутый, безупречно аккуратный человек лет тридцати пяти, настоящий доктор от Бога. Правда, за последнее время он сам на себя стал не похож от хронического недосыпа, и очередные столкновения с бунтовщиками лишь добавляли ему забот – количество раненых и изувеченных солдат множилось практически ежедневно. Аркадий симпатизировал врачу, с которым всегда мог и обсудить дела насущные, и спросить житейского совета, и подискутировать о творчестве Чехова или Достоевского.

Поздним вечером, ближе к полуночи, Голиков заглянул в госпиталь. На входе столкнулся с молоденькой медсестрой – мертвенно-бледной девушкой, почти ребёнком, несущей медный таз, в котором в бурой жидкости плавала багрово-чёрная ступня. Сестра даже не подняла глаз на Аркадия – видимо, все силы уходило на то, чтобы не упасть в обморок. Он не стал её окликать, сразу прошёл к Сигареву.

– Вечер добрый. Как вы, Евгений Никитич?

– Спасибо, Аркадий Петрович, нормально, справляемся. Только операцию завершил. Рядовому Картункову пришлось ампутацию провести – гангрена после недавней травмы началась. Пытался ногу спасти, но оказалось невозможно, воспаление вверх по лодыжке начало распространяться. Пришлось выбирать между смертью и... – он развёл руками. – Нам бы средств лекарственных каких, а то у меня в арсенале одни инструменты остались. Даже оперировать без наркоза приходится, спиртом заменяем, ударной дозой.

– Хорошо, попробуем решить. Сделаю запрос завтра же. Или, точнее, уже сегодня.

Голиков подошёл к прооперированному. Тот лежал в забытьи, мелко вздрагивая укороченной ногой и распространяя вокруг густой спиртовой запах. Он, к счастью, заглушал другой – более страшный: разложения и смерти.

– Двенадцать бойцов перебинтовал, одному пулю из предплечья извлёк – к счастью, вошла в мягкие ткани, кость не задела, – продолжал монотонно рассказывать доктор. – Рядовому Афанасьеву еле-еле кровь успел остановить да перевязку сделать – руку топором отсекли, ироды.

– Хорошо... То есть ничего хорошего нет, конечно. Ничего... Что человек жив остался, хоть и калека, вот что хорошо. Придёт в себя, домой отправится, к родным. Там поддержат его. А так, если посмотреть, гибель вокруг одна, кровь, злоба, ненависть всеобщая. Замкнутый круг какой-то... Но ничего, Евгений Никитич, недолго антоновской гадине осталось, попомните мои слова. Раздавим её, и начнётся здесь новая жизнь, гораздо лучше этой. Они же сами не понимают, что делают, против чего борются. И ведь не достучишься до каждого же, не объяснишь! Потому только так, огнём и мечом. Иначе пока не получается, – развёл руками Голиков.

Сигарев тяжело вздохнул, снял очки и протёр их куском марли. Тщательно, не спеша, будто принимал какое-то важное решение. Потом повернулся к комотряда.

– Аркадий Петрович, раз уж у нас есть несколько минут, разрешите с вами поделиться?

– Говорите, конечно.

– Даже не знаю, с чего начать. Но и не сказать не могу, сами поймёте. В общем, мне, а вы меня знаете как человека исключительно рационального, довелось сегодня наблюдать нечто, не поддающееся логическому объяснению – ирреальное. Может, выйдем в сад и прогуляемся немного, вы не против?

– Нет-нет, я как раз хотел предложить вам пойти на свежий воздух. Здесь очень трудно дышать, – признал Голиков, у которого от концентрированного запаха крови, рвоты и спирта начала кружиться голова.

– Здесь неподалёку есть церковь старая и возле неё большой камень. Местные говорят, он более ста лет на этом месте лежит. Так вот, меня сегодня одна женщина из этого села настойчиво уговаривала сводить туда моих раненых. Якобы исцеляет камень многие болезни и вообще чудеса творит.

– Мракобесие, – устало выговорил Голиков. – У них, почитай, в каждой второй деревне то колодец с живой водой, то дуб многовековой, церковь освящённый в день Георгия Победоносца и потому раны у воинов исцеляющий, то ещё какие чудеса по аналогии с библейскими.

– Так-то оно так, я и сам значения не придаю, но... Подходит ко мне где-то в четверть пополудни помкомроты Заворыкин и от счастья лучится. Выглядит это, по меньшей мере, странно, поскольку ещё этим утром я осматривал его рану от штыковой лопаты, которая занесла в разрез комья земли, и решал, ампутиро-

вать руку или дать организму шанс, сам склоняясь всё же к первому варианту. И вот стоит передо мной воспрявший Заворькин, о камне расчудесном восторженно вещает, а я своими глазами наблюдаю, что опухоль вокруг раны спала, кожа вместо багрово-чёрного приобрела нормальный розовый оттенок, а от нагноения даже следа не осталось! Как банально ни звучит, Аркадий Петрович, медицина не может объяснить этот факт! А вот, кстати, и сам виновник нашей прогулки.

Неподалёку на поляне горел костёр, возле которого кто на пеньке, а кто на траве сидели красноармейцы. Раздавались голоса, иногда смех, но негромкий – к концу дня усталость брала своё.

Света от огня вполне хватило, чтобы оценить и размер глыбы, и её необычный цвет. Освещённая пляшущим пламенем, она казалась влажной – бока исполина поблёскивали, напоминая картинку из учебника с изображениями древних ящеров.

– Говорят, что этот Синь-камень, так его здесь называют, помимо того, что раны лечит, ещё и желания исполняет, – почему-то почти шёпотом сказал Сигарев. – Не хотите прикоснуться? Просто так, интереса ради.

– Нет, – коротко ответил Голиков.

Постоял несколько секунд, пристально глядя в каменную поверхность, а затем внезапно, повинувшись внутреннему порыву, положил руку на глыбу и явственно ощутил даже не тепло – исходящий от неё волнами жар. Это было невероятно приятное ощущение, оно успокаивало расшатанные нервы, проникало через кровеносную систему глубоко по всему телу, разливая блаженную истому и облегчая мысли. Будто яростные крики «в атаку!», вопли и стоны раненых, брызжащая кровь, которую равнодушно впитывал чернозём, переполнившее эти окаянные дни безумие, отравившая само существование всеобщая ненависть – всё это осталось далеко, в позавчерашнем кошмарном сновидении, которое вот-вот выветрится из памяти и сгинет навсегда.

«Пусть эта бойня закончится побыстрее, пожалуйста», – подумал Аркадий, и камень немедленно откликнулся горячей волной, прокатившейся по ладони.

После, обернувшись к Сигареву, он медленно произнёс – теперь вслух:

– Нет, ничего нет. Никакого эффекта. Выдумки всё это, Евгений Никитич. Суеверия. Камень как камень.

И, развернувшись, Голиков пошёл к дому старосты, продолжая чувствовать растекающиеся по венам волны восхитительно-ободряющего огня.

* * *

– Спустя несколько лет наш Аркадий Петрович станет известен уже не как красный командир, а как популярнейший детский писатель. Помните «Тимура и его команду», «Школу», «Р.В.С.»? Только знать его будут по псевдониму – Гайдар, – Безусов закончил рассказ, а вместе с ним и бутылку. – Такие дела. Есть даже предположение и, как мне кажется, небезосновательное, что свой хрестоматийный «Горячий камень», который вы с уроков литературы наверня-

ка должны помнить, он как раз с нашего Синь-камня и срисовал. Разве что в размерах его значительно приуменьшил в сюжетных целях да полностью в голубой цвет выкрасил.

– Интересно. Действительно, интересно! А я ведь и не предполагал, что Гайдар воевал в наших лесах, – не удержался я.

– Лишь краеведы об этом знают и любители истории. Этот факт биографии Аркадия Петровича широко не афишировался. Слишком уж противоречивые события происходили здесь в начале 20-х. Слишком неоднозначные. Да вы и сами всё понимаете: про газовые атаки, химическое оружие и массовое уничтожение крестьян наверняка слышали.

– А вы, Иван Сергеевич, помнится, в самом начале нашей беседы ещё о какой-то гневной силе камня упоминали...

– Было дело, но... Это... Как бы освежить, – Безусов красноречиво скосил глаза на пустую бутылку.

– Ах, вы про это. Вообще не проблема! Где здесь ближайший сельмаг, не подскажете?

– Зачем подсказывать? Я вас туда провожу. Пока туда-сюда прогуляемся, познакомлю и с этой историей – не так давно здесь приключившейся.

Эпизод третий: мистический

Трактор ревел дурниной. Из-под прокручивающихся вхолостую громоздких колёс вылетали, как снаряды, крупные, с кулак и даже больше, комья чернозёма, выдранные вместе с травой – только успевай уворачиваться! Лязгали, натягиваясь в струны, тяжёлые цепи, опутавшие валун, впервые за полтора века сдвинутый с привычного места.

День стоял весенний, пасмурный, дождливый – дрянь, мерзопакость, а не погода! Специально такую погоду поджидал Фёдор Григорьевич Полозов, директор местного спиртзавода и секретарь партийной ячейки, чтобы не наблюдалось в пределах видимости спятивших на почве религии паломников и никто не мешал скрыть с глаз людских этот сумасбродный пережиток прошлого. А то, понимаешь, ходят толпами, глазают, молятся, крестятся – тьфу на них на всех!

Ещё и в Тамбове как-то прознали – наверняка без добрых людей не обошлось, – что у него, воинствующего коммуниста, под носом, в двух шагах от завода подведомственного, где планы пятилеток выполнялись строго по графику, а полколлектива имели партбилеты, буйно и вольготно процветает этакое средневековье. И в областном центре намекнули: непорядок, примите-ка меры. Иначе...

По первой решил Полозов каменюку разломать. Кувалды захватил, мужиков позвал самых крепких на селе, да надёжных – чтобы ни звука лишнего, ни-ни! И, пока в окрестностях из-за ненастья малахольных не наблюдалось, попытались сообща на несколько частей её расчленивать. Куда там! Долбишь её, глыбину эту, а ей хоть бы хны!

Тогда порешили с местной МТС, что в здании бывшего Алексеевского храма располагалась, пригнать недавно прибывший в село «Беларусь» МТЗ 50К – агрегат мощный, основательный, надёжный, с четырёхцилиндровым дизельным движком и полноприводной модификацией. Не машина – зверь!

Рулил «Беларусью» Серёга Перфильев, трактор посторонним не доверяющий, ибо в один миг испортят, за ними станется. Ухаживал, как за девкой на выданье. Того и гляди, поженятся, подшучивали приятели.

Повозившись и вдосталь наматерившись, опутали валун цепями, закрепили понадёжнее, насколько смогли, и поволокли. Неподальёку, метрах в трёхстах, прудик имелся заболоченный – к нему и направились под всё усиливающимся дождём, по колено в грязи.

Полозов командовал, Перфильев жал на газ, трое страховали – Семён узкоглазый по прозвищу Калмык, Рома Антоненко да Иван Дугин, все заводские работники.

Ближе к обеду завершили дело. Камень, который столкнули с отвесного бережка впятером, булькнув напоследок, ушёл под воду, а следы от смявших свежую траву шершавых боков его да от тракторных колёс ливнем замыло – тот и на следующий день не прекратился, будто оплакивал глупую глыбину.

Как хватились кликуши-идолопоклонники артефакта своего, поздно оказалось. Был да сплыл – вот и весь сказ, забрал его ваш Господь к себе на небушко, посмеивался в усы Полозов. И начальству в область доложить не преминул: так, мол, и так, нелепый инцидент исчерпан, никакой тебе метафизики, одна скучная повседневность. А верующие поохали-поахали и перестали на поляну ходить – опустевшая, словно осиротевшая, интереса в селе она теперь не представляла.

...Ровно месяц прошёл – Роман Антоненко сгорел вместе со своим домом. То ли папироску не потушил и заснул в кровати, то ли с печкой начудил чего, кто знает... Благо, хоть неженатый был, а то бы вся семья погибла, и такое случалось.

Ещё спустя пару месяцев, в июле, утонул Иван Дугин. Как с ним этакая беда приключилась, недоумевали всей Самойловкой. Мужик физически крепкий, непьющий, в юношестве разряд по плаванию имел. Решили, виной всему судорога. Она и малых, и старых губит, не разбираясь. Если посредине речки ногу сведёт, можешь и не выплыть.

Осенью, где-то в середине сентября, Серёга Перфильев вызвался помочь приятелю Саньке Корнееву, озаботившемуся постройкой нового дома – жена на сносях была, и жилплощадь требовалось расширять. После трудового дня поколесил не на МТС, как предписывал регламент, а на окраину села, где его поджидал дружбан. «Беларусь» требовалась в качестве надёжной тягловой силы: выкорчевать три особо крупных пня, портящих участок под будущую стройку. Да и спиленные тополя, уже с обрубленными сучьями, разделённые бензопилой на несколько огромных чурбанов, требовалось в сторону передвинуть, дабы работам не мешали.

Первый пенёк выскочил из чернозёма, словно гнилой зуб из десны – чисто всё прошло, гладко. А вот второй оказал сопротивление – трактор тарыхтел,

едва не вставая на дыбы. Звенели опутавшие пень цепи, взбрыкивал движок, но земля ни в какую не отпускала глубоко проникшее в её недра корнями дерево.

Сергей матерился в кабине так громко и яростно, что временами заглушал шум двигателя. Потом, после десятка бесплодных минут, заглушил мотор, спрыгнул на землю и пошёл к другу, бессильно разводящему руками – типа, а я-то здесь при чём?

– Лопату неси! Подкапывать будем. Да давай по-быстрому, пока совсем не стемнело! – перспектива застрять здесь допоздна Перфильева не вдохновляла. Да и начальство за такую задержку казённой техники по головке не погладит.

Саня побежал за инструментом, привязанным к багажнику недавно приобретённого «запорожца», и вдруг остановился, услышав взревевший движок и странный смешанный звук: клацанье металла, свист рассекаемого воздуха и ещё будто мясник разделяет на колоде свиную тушу. Тут же окрестности всколыхнул крик, истошный, вгрызающийся в голову. «Вовек не забуду, даже не представлял, что человек так громко орать может», – будет потом рассказывать Корнеев.

А тогда он обернулся и увидел, как катается на земле скорченный и разбрызгивающий струйками кровь Перфильев, а неподалёку от укороченного тела лежат его ноги, отдельно. И ведь сумел не растеряться! Кинулся к приятелю, на ходу стаскивая рубашку, порвал её на части и соорудил жгуты, как учил в школе военрук – бывший фронтовик. Борясь с дурнотой, перетянул ими туго, насколько хватило сил, тело поверх зияющих жутких ран, уменьшил кровоток. А затем подхватил Сергея, который показался ему лёгким, словно ребёнок (на адреналине-то!), и, положив продолжающего голосить – теперь, правда, намного тише – Перфильева на заднее сиденье «запора», помчался в сельскую больничку.

Если бы спервоначалу за врачом поехал, не успел бы привезти, не спасли бы тогда человека, а так – остался Сергей жив. Хоть и инвалидом безногим, зато не в земле сырой да под плитой гранитной.

Слух об инциденте пролетел шальной птицей через всё село, и поздним вечером того же дня домой к Полозову пришкандыбал Семён Калмык. Незлобно пнул сапогом исходящего брёхом барбоса, раскланялся с хозяйкой, а потом позвал директора покурить на двор и, долго и безуспешно чиркая спичкой по коробку, процедил:

– Что, Фёдор Григорьевич, никак мы с тобою на очереди следующие?

– Типун тебе на язык, Семён! Ты чего говоришь такое?! Самому не стыдно?!

– А ты будто сам не понимаешь? Дурачка-то из себя не строй, начальник, не на работе чай. Это же каменюка подлая мстит нам, как пить дать. Двух уже прибрала, одного калекой оставила. Вертать её на место надо, да побыстрее, иначе несдобровать нам, как есть говорю.

– Ты, Калмык, похоже и впрямь калмык. Ну как глыба каменная может человека убить, как?! Особенно когда она в болоте лежит и тиной зарастает!

– Я, Григорьич, того не знаю, но то, что трактор Перфильевский сегодня сам собой завёлся, а цепь натянутая с пенёчка, который он выкорчевать пытался,

в тот самый момент соскочила, когда Серёга рядом с ней стоял, это точно. Сашка Корнеев мне полчаса назад всё, как есть, рассказал – он своими глазами видел! Его до сих пор трясёт!

– Мало ли что ему примерещилось! Пьяный, небось, был! – возмутился Полозов. А у самого внутри стало ой как беспокойно. Ещё когда Дугин вслед за Антоненко скоропостижно покинул бранный мир, закралась крамольная мыслишка, что смерть их неслучайна. И, поселившись в голове, проникала всё глубже, разъедала, не давала покоя. И вот – нате вам, продолжение последовало. Хотя на сей раз и без летального исхода, оптимизма всё равно ни на грош: будет теперь Серёга всю жизнь без ног мыкаться, сопьётся на хрен или, того хуже, в петлю залезет. Жена-то его – красавица Алёна вряд ли с таким «обрубком» останется. А в одиночку он точно не выдюжит, сломается.

– Ты, Калмык, не кипиши, – сказал Полозов примирительно. – Я подумаю, что нам с тобой с этой напастью сделать. Безвыходных ситуаций не бывает.

Однако план, как вернуть глыбину на место, не запятнав при этом репутацию, придумать он так и не успел – через пару недель Калмыка в пьяной драке пырнул ножом в живот собутыльник, и Семён истёк кровью.

Убийца вскорости явился в сельское отделение милиции с повинной: плакал, страдал искренне: я, говорил, в жизни мухи не обидел, а тут сам не знаю, что нашло. Сцепились из-за ерунды какой-то, и слово за слово закипели оба. «Будто сознание помутилось: в голове туман, водоворот тошнотворный, а потом вижу – стою посреди кухни с ножом окровавленным, а Семён на полу лежит, дёргается – кончается уже», – давал он показания участковому.

Собутыльник отправился в отсидку за убийство, а у Полозова начались серьёзные проблемы с нервами. Всё чаще его накрывала параноя: по дороге он ездил со скоростью не больше пятидесяти, даже если свободная трасса просматривалась вплоть до самого горизонта, с выпивкой на всякий пожарный завязал окончательно, избегал шумных компаний, обходил стороной не только речку, но и лес, и даже ямы на дорогах – мало ли что.

По ночам во сне часто видел камень – краснее прежнего, похожий на огромное человеческое сердце, которое ритмично пульсирует, разливая вокруг себя призрачный свет.

Жена и дети чувствовали, что мысли у него беспокойны, но в душу не лезли, а вот на производстве стали присматриваться. Видимо, кто-то снова стукнул наверх про директора, который стал чудить. Приехала из области очередная внеплановая комиссия с проверкой. Ходили, осматривали цех, конвейер, территорию в целом – всё хорошо, отлажено, без замечаний, но с директором завода и впрямь произошла перемена: был рассеян, отвечал невпопад, погружённый в раздумья. В общем, взяли на всякий случай на карандаш – до первого сбоя в работе.

«А, может, и правда вернуть глыбину? – не раз думал Полозов. – Пусть себе бабки ходят молятся. Кому от этого плохо? – но тут же осекался. – Тогда я сам признаю потустороннюю сущность камня, а значит, сдамся. Таким же

мракобесом стану, как все эти малахольные, кто к нему на поклон ходили. Нельзя же так себя обманывать!»

Так и терзался, становясь угрюмее и нелюдимее, пока в канун нового 1968 года не подавился за праздничным столом куском мяса. Сидел, ужинал, и вдруг попала жирная да перчёная свинина в дыхательное горло и перекрыла кислород. Так за столом и помер – супруга Наталья помочь не сумела: растерялась и только смотрела, как посерело его лицо, выпучились глаза, да рот ещё разевался, как у рыбы. И не могла понять, что за слова пытается он протолкнуть из себя в последние секунды жизни.

Много позже, когда окончились похоронные хлопоты, были выплаканы литры слёз и прослушаны на поминках все взволнованно-пафосные речи от товарищей по партии и соратников по труду, когда она осознала, что отныне её статус из «жена», увеличившись всего на одну букву, переменялся на «вдова», однажды среди ночи Наталья проснулась с криком – и поняла...

«Верните камень, – вот что так и не смог внятно произнести её муж перед смертью. – Верните камень»...

* * *

– А его и правда вернули, как видите, но целых тридцать лет спустя, – покрасневший от выпитого, но по-прежнему находящийся в безупречной ораторской форме Безусов давно перестал предлагать разделить с ним стакашок и методично приканчивал литр. – Как сейчас помню, произошло это шестого мая 1997 года, в День святого Георгия Победоносца. Людей много собралось со всего Печаловского района и области даже, архиепископ Тамбовский и Мичуринский Евгений из центра приезжал – освятить вновь обрётённую верующими реликвию.

– Как же нашли его, если свидетелей того похищения в живых не осталось?

– Вы, видно, запомнили, Константин Николаич... Перфильев-то, хоть и безногий, до сих пор жив-здоров. Древний дед совсем, однако в своём уме и трезвой памяти. Он спустя годы сам к вере православной пришёл, захотел грех тяжкий с души снять. Много писем отправил с просьбами восстановить справедливость и камень из воды поднять – в областную администрацию, а в 90-е уже – в патриархат. Даже президенту писал, да только быстро письмо пишется, а долго дело делается. Потому, пока дошли руки до того озерца, пока по старым фотокарточкам определили приблизительное место, где он лежал, чтоб вернуть, так сказать, по адресу. Пока камень извлекли – техники понадобилось, мама не горюй, он же не меньше тонны весом! Эх... Но, главное, сделали всё по совести. Сейчас паломники каждый день, считай, приходят и приезжают – кто на машине, а кто и на велосипеде. А в мае шестого числа ежегодно праздник здесь проходит большой, православный. Журналисты вроде вас вот тоже часто навещаются – правда, редко, кто выслушать так внимательно хочет. В основном, галопом по Европам: щёлкнул камерой своей, записал про таинственные смерти – это ваша

братия больше всего любит – и обратно. А тут ведь, дорогой мой человек, спешка не нужна. Она испортит всё может. Тут разговор задушевный требуется – вот как у нас сегодня получился.

– Спасибо, Иван Сергеевич. Невероятно интересно, правда. И познавательно, – я протянул ему руку, и она тут же утонула в его широченной мозолистой ладони. – Я даже не предполагал, насколько.

– Да нема за что! – заулыбался Безусов. – Как говорится, всегда пожалуйста! Вы-то сами не хотите случаем к камню прикоснуться? Раз уж есть такая оказия. Когда ещё в следующий раз приедете...

– Есть такая мысль, но, вы уж простите великодушно, мне хотелось бы немного побыть одному...

– Понимаю, понимаю. Оно и правильно! Да и мне домой пора – мать, наверное, совсем сына потеряла, волнуется. Ей же всё равно, что мне пятьдесят в прошлом году стукнуло. Так что, Константин Николаич, спасибо за общение с угощением и до новых встреч!

– До новых! – я проводил взглядом его слегка пошатывающийся силуэт и обернулся к камню.

Стремительно вечерело, и в закатных лучах глыба, будто свернувшийся калачиком хамелеон, казалась то синей, то красной, то бурой, то светло-серой. Я подошёл к ней вплотную, ощущая трепет: сколько поколений довелось повидать этому пришельцу из прошлого, сколько таких красивых до дрожи багряных закатов...

Камень лежал передо мной и словно ждал. И я, прогоняя сомнения, решил: протянул руки и положил ладони на его бок.

Валун был тёплым. Более того, он казался совершенно живым, будто неглубоко под приятной на ощупь шершавой поверхностью раскинулась сеть капилляров и артерий, а в самом центре каменного тела расположилось большое и мощное древнее сердце, перегоняющее кровь медленно – не чаще удара в час, а то и в сутки, ибо спешка здесь неуместна, немыслима, невозможна.

В миг этого прикосновения я с изумлением обнаружил, что деревенский мир вокруг замер: перестали щебетать птицы, разноголосый стрёкот насекомых в траве смолк, даже ветер затих, и застыли недвижимыми богатырями древесные кроны.

Всеобъемлющая, абсолютная, противоестественная даже тишина – словно специально, чтобы просящий мог максимально точно сформулировать желание, не размениваясь по мелочам, выпрашивая деньги или повышение на службе, или новую иномарку...

И, стоя в этой полной, растворённой в воздухе тишине, как в вакууме, я тихо-тихо, одними губами прошептал самое важное, сокровенное:

– Пожалуйста, пусть мой сынишка выздоровеет...

Из цикла «Котовские рассказы»

Лёшка Цыган

Рассказ

Десятилетнему мальчишке из интеллигентной семьи в конце восьмидесятых для счастья требовалось немного: пара закадычных друзей, таких же хорошистов, редкая книга из читального зала, которую библиотекари по большому благу разрешали взять на дом, и, главное, не угодить в лапы к шпане, которой в нашем промышленном городке водилось с избытком.

Хулиганье вольготно обитало в каждом уголке Котовска, классифицируясь на «пионерских», «кирпичанских», «шанхайских» и прочих – именуемых в честь улицы или микрорайона, где размещался прайд. Чтобы чувствовать себя более-менее в безопасности, ребёнку моего возраста желательно было «ходить» с одной из группировок. Когда останавливали на улице, первым делом спрашивали: «С кем ходишь?» Я, понятное дело, ни с кем – не то воспитание, не та среда. Поэтому старался не попадаться – благо, жил в благополучном доме, заселённом преимущественно пенсионерами или молодыми парами с дошколятами.

Но однажды родители огорошили – переезд! После смерти бабушки решили разменять две квартиры – её и нашу – на одну побольше, в «сталинке» на улице Котовского (с фантазиями у топонимической комиссии, видимо, было туго). И как-то быстро всё провернулось, месяц на всё про всё, и мы уже на новом месте, всего в паре кварталов от прежнего – и в другом мире.

В трёхэтажном доме – три подъезда, по шесть просторных, с высокими трёхметровыми потолками трёхкомнатных квартир в каждом. Это была коммуналка, но то ли после начала перестройки, то ли немного раньше жильцы по-деньжистее стали выкупать комнаты у соседей, высвобождая себе пространство побольше да поудобнее.

За стеной у нас обитало семейство евреев – лет через семь они дружно эмигрировали в Штаты. Глава ячейки общества с гордым именем Яков, которого все соседи, тем не менее, панибратски называли Яшкой, работал тренером по настольному теннису в местной спортшколе, крепко выпивал по праздникам и не только, а ещё, часто и подолгу возясь с велосипедом в сараюшке, расположенном во дворе дома, откликался, когда тётя Надя этажом ниже звала домой кота – его тёзку. Самым смешным было, когда звучало громкое «Я-а-а-аш!», и головы поворачивали оба и одновременно – сидящий вихрастый еврей и пушистый чёрный кот, пробегающий мимо по одному ему известным делам.

А вот напротив... Напротив нас жила семья с ребёнком – моим ровесником. Он был небольшого роста, коренаст, смугл, с чёрными вороньими глазами и того же цвета непослушными волосами, торчащими в разные стороны так, словно выражали протест расчёскам как классу. Звали его Лёшка Цыган, с ударением почему-то на первом слоге. На родителей: вечно замотанную тётю Зину в очках с

толстыми линзами и дядю Юру – Дядьюру – субличного лысеющего автослесаря – отпрыск не походил ни капли.

Как же я его боялся! Взгляд исподлобья, вечно насуспенный, недовольный вид – даже по лестнице он поднимался и спускался нервно, прыжками через две или три ступеньки, будто скрываясь от кого-то или, напротив, преследуя. Страшнее всего казалось столкнуться нос к носу. Иногда это происходило – в одном подъезде неизбежно! – и никто не здоровался, не кивал «привет». Я пронёсся мимо вихрем, да и Цыган не снижал спринтерской скорости. Ш-ш-ш! – только ветер по лестничной площадке.

Усугубляли страх перед чужаком рассказы покойной прабабушки, которая, когда я был совсем маленьким, пугала меня цыганами: говорила, те ловят на улицах непослушных детей и варят из них мыло. А взрослых объегают, дурманя разум гипнозом. В общем, завидев в городе цыганок в цветастых нарядах, я инстинктивно старался перейти на другую сторону улицы или вовсе сделать крюк, обойдя квартал.

Однажды мама доверительно сообщила мне, что Лёшка не родной ребёнок – его взяли из детдома. Он и правда цыганёнок, настоящие родители его жили в посёлке с экзотическим названием Калиныч между Котовском и Тамбовом. В семье произошла трагедия: кто-то погиб, или покончил с собой, или зарезали по пьянке – чёрт его знает, что там у этих цыган происходит, кровь горячая, темперамент не хуже чем у итальянцев. В общем, совсем маленького Лёшу определили в детдом, откуда его забрали тётя Зина с Дядьюрой. У них самих детей завести не получалось – лишь повзрослев, я понял, что иногда одного желания мало, и существует множество проблем, о которых пацаньятам знать не надобно. Говорят, Лёшка сразу подбежал к тётя Зине, обнял её колени и прошептал: «Мама». Персонал ахнул – в заведении считалось, что ребёнок немой...

Не дружественное, но и не военное сосуществование между двумя десятилетками, обитающими дверь в дверь, продолжалось долго. Я не пытался делать шаг навстречу, Цыгану этого тоже не требовалось.

Но однажды произошёл случай, который всё изменил.

Я плёлся домой из школы сквозь дворы с непременными сараями, таща набитый учебниками рыжий кожаный дипломат, с которым, кажется, ходил в ту же школу четвертью века ранее мой отец. И тут раздался свист. Я знал, что ничего хорошего он не предвещает, но всё-таки обернулся.

Ко мне приближалась компадка из пяти пацанов: двое примерно моего возраста, остальные постарше, класса из шестого или седьмого. Один курил папиросу – видимо, лидер.

– Эй, шкет, ты чьих будешь? – слегка растягивая слова, спросил один из взрослых.

– Я... Я...

– С кем ходишь?

– С «пионерскими», – зачем-то соврал я. Очень неубедительно. Сам бы не поверил.

– Жилу знаешь?

Я, естественно, не мог знать Жилу. Или Чичу, или Дрюшлака – клички у шпаны были сплошь дурацкие, часто образованные из искажённых фамилий или качеств «носителя»: Чича – Чичканов, Жила – умеющий жульничать – жить, Дрюшлак вообще от имени Андрей.

Надо было что-то отвечать, и я решился:

– Знаю.

– Он нам два червонца торчит. Гони ты за него, раз знаешь.

– У меня нет.

– А если найдём?

Я с ужасом вспомнил, что в кармане лежит мятая десятка и пара рублей мелочью – НЗ на воскресную поездку в Тамбов, где я мечтал прикупить в коллекцию пару новых плакатов. Стены моей комнаты тогда были завешаны цветастыми постерами со Шварценеггером, Сталлоне, Ван Даммом и Брюсом Ли. На центральном рынке областного центра их продавали глухонемые парни, демонстрирующие цену пальцами и потешно мычащие.

Деньги, в общем, немалые. И целевые!

– Харэ телиться, шмонай его! – скомандовал старший, которому надоело моё топтание на месте.

Малые тут же подскочили: один крепко схватил меня за руку с портфелем и начал заламывать её за спину, а второй полез в карман. Не знаю, что на меня нашло, но я взбунтовался, резко вывернулся и угодил дипломатом – весьма увесистым! – по башке одному из гоп-стопщиков.

– Дерётся, сучонок! – весело удивился предводитель, выплюнул бычок и внезапно очень сильно и больно саданул меня кулаком между глаз.

В голове зашумело, выступили слёзы. Я больше не чувствовал в себе ни грамма смелости: только страх и горечь, что вляпался в передрагу.

Компания тем временем проворно и профессионально обшаривала мои карманы, попутно награждая тумачами да затрещинами – больше профилактическими, не в полную мощь, но чудовищно обидными.

Я вовсю ревел, не заботясь о репутации, и почти ничего не слышал. Подковырки хулиганов звучали белым шумом сквозь всхлипы и шмыганья носом. Но тут до меня донеслось:

– Эй, вы чего впятером на одного?!

Оторвав взгляд от земли, я увидел... Цыгана. Он выглядел решительно: прислонил ранец к тополиному стволу и стоял в паре метров от нас, сжав кулаки.

– Ты кто такой, а? С кем ходишь?! – отвернулся от меня вожак.

– С «южанскими».

– А чего здесь потерял? Чё ваще такой борзый?!

– Впятером на одного только гондоны наезжают.

– Пацаны, вали его! – крикнул кто-то, я не разобрал.

Лёшка поднял кулаки на уровне плеч, встал в боксёрскую стойку. «Он же в секцию ходит!» – вспомнил я и увидел, как он наносит противникам точные и весомые удары.

Однако пятеро непрофессионалов – всё же не один, даже тренированный спортсмен. Из рассечённой брови потекла кровь, кто-то подло саданул Цыгана ногой под колено, и тот сгорбился, получая мощные тычки в корпус и голову.

Сбоку раздалась ругань – матерная, грязная. Из-за сарая вышла пара старшекласников. Кажется, они жили в нашем районе и Лёшку знали. Точно!

– Наших бьют! – крикнул один из них. И закипела драка!

Поняв, что до меня здесь никому нет дела и я вряд ли понадобится в ближайшем будущем, я схватил дипломат и помчался домой, не оглядываясь...

Тем же вечером я впервые позвонил в дверь напротив. Открыл Цыган: с заплаканным веком и распухшей губой, но бодрый и со смешинкой в чёрных глазах.

– Спасибо, – тихо сказал я.

– Да чего там. Заходи, у меня отец вчера видик у дядьки взял на пару дней, фильм есть новый: «Кобра», боевик. Давай вместе смотреть – одному скучно.

Вскоре мы стали с Лёшкой друзьями не разлей вода. И хотя он продолжал ходить с «южанскими», а я не вылезал из библиотеки, нам это не мешало.

Лишь через семь лет, когда я поступил в вуз и начал каждый день мотаться из Котовска в Тамбов и обратно, а Цыган, окончив местный технарь, устроился на завод электриком, наша дружба растворилась в суете и заботах взрослой жизни.

Но я до сих пор помню тот страх перед смуглым цыганёнком из квартиры напротив и чувство невероятного облегчения и радости, когда этот почти совсем не знакомый человечек ринулся мне на выручку, невзирая на то, что хулиганов было пятеро, а он – один...

Елена ЗАЙЦЕВА

Не прогневи небесный свет

Стихи

* * *

Не прогневи небесный свет,
На немоту свою пеняя.
Быть может, заповедь иная
Придёт, неожиданная, в ответ.

Молчи и слушай в тишине,
Как снег, звеня, ложится наземь,
Как струны мироздания разом
Звучат в одном коротком дне.

Одним аккордом сотворив
Несотворимое доньше,
Подобно роднику в пустыне,
Озвучат таинство зари.

Журчанье тонкого луча,
Разливы солнечного света,
В снегу хрустальная монета –
Прозренья хрупкая печать.

Подкинь её и загадай:
Как упадёт – орёл иль решка?
Необъяснимая насмешка
Скупого высшего суда?

И что б ни выпало тебе,
Прими как должно, без укора.
Пусть даже хрупкая опора –
Уже подарок от небес.

Порой длиннее многих лет
Миг невесомый и незримый,
Твоим молчанием хранимый
Поющий и звенящий свет.

* * *

В минувшем или в том, что будет,
Сыскать бы верное, своё...
Бог с ним, что изменяют люди,
Не изменило бы чутьё.

Не изменило бы желанье
Брести нехоженой тропой.
За драгоценной Божьей данью –
Ползком, наощупь, как слепой.

Один. Никто тебе не пара.
Так надо. В дружбе и любви
На расстояние удара
Подходят только лишь свои.

Подходят ближе – ненароком? –
Так, чтоб клинком легко достать
Души, израненной до срока,
Все уязвимые места.

...Так было. Так же снова будет –
Судьбой намечены штрихи.
Бог с ним, что изменяют люди.
Не изменяли бы стихи.

* * *

Моих друзей, о Боже, сохрани,
Пусть от меня вдали они сегодня.
Но дружбы флаг – он мной однажды поднят,
И я его под ветром удержу,
Поскольку этой дружбой дорожу.
Моих друзей, о Боже, сохрани!

Мне важно знать, что где-то есть они.
Хоть обо мне в кругу забот забудут –
На миг один – о них я помнить буду.
Увижу я в тумане берега,
В трясине твердь нащупает нога...
Друзей моих, о Боже, сохрани!
Мне б только знать, что где-то есть они.

Сон-трава

Зацветает опять сон-трава.
Синева, уходящая в сумрак,
Полутени лазури и умбры,
Позабытые с горя слова.

Сон-трава зацветает. Прострел –
Острой болью. А с виду тихоня.
С виду мягок, пушист и не понят.
И, казалось бы, душу согрел.

Сон-трава зацветает опять.
На мохнатых цветах – капли-росы.
Ты во сне не придёшь. Словно бросил
Средь весны без тебя замерзать.

Среди синих цветов – жёлтый блик,
Словно солнечный луч заблудился.
Ты же снова весной родился,
На безмолвный откликнулся крик.

Сон-трава, зацвела сон-трава...
Утону в этих синих озёрах,
В серебристо-лазурных узорах...
Сон-трава, сон-трава, сон-трава...

Летняя мечта

Пока крадётся солнце сквозь листовы витраж,
Пока в траве о чём-то важном шепчут птицы,
Залечь под куст смородинный, сомкнув ресницы,
Вдыхая запахов таинственный купаж.

Вмиг о насущном и безрадостном забыть,
И разминуться вмиг с печалью своими.
Влезть под зелёное разлапистое вымя
И горсть смородины душистой надоить.

* * *

В бледных разводах света –
Хрупкий узор созвездий.
Лето почти в отъезде.
Август – уже не лето.

Лето уже под горку –
Жаль, что слегка поспешно –
С чаяньем безутешным,
С привкусом дыма горьким,

С яблочным щедрым Спасом,
С мёдом и звездопадом.
Тут уж и осень рядом –
Не ошибаясь часом.

Осень таится где-то –
Кронами в позолоте,
Клином гусей в полёте.
...Август – уже не лето.

Ноябрины

*

Осенние свечи сгорают в тиши.
Осенние краски ещё хороши –
Ещё не погасли, укрытые тленом,
Не смыты, не скованы серости пленом.
Бессолнечны, катятся дни в суете.
Опавшие листья – что лица – не те,
Не милы, не любы. Ни радость, ни боль.
На мелких царапинах – снежная соль.
Слова не досказаны. Смята бумага.
Не видно в тумане неверного шага.
Смятенное время, увы, не спешит.
...Осенние свечи сгорают в тиши.

*

Осенней дорогой идти да идти.
Три месяца осень, но дольше шести.
На полке забытой – былая пропажа:
Опавшей листвою, распущенной пряжей.
Из старых запасов на новый наряд
Добра и тепла наберётся навряд.
Но спицы в руках и пестрящий клубок,
И вяжется путь – перекрёсток дорог.
Находки, ошибки, тупик и ухабы –
Ещё на дороге удача была бы!
Не самый счастливый отрезок пути...
Осенней дорогой идти да идти.

*

Осенней свечой в полуночном окне
Мерцает надежда. И ясно вполне:
Ещё на пути не осилив и снега,
К весне строят путники планы побега.
Осенние краски ещё хороши,
Но хочется света для бедной души!
И чёрный графит в белизне пустоты,
В пространстве бумаги рисует цветы.
Ещё не дождавшись от солнца привета,
Вдали тонкой кистью намечено лето.
Нет места в рисунке беде и войне.
...Мерцает свеча в полуночном окне.

* * *

*Ещё не пышет осень позолотой
И дождик не царапает окон.*
Ю. Пчелинцев

Ещё не пышет осень позолотой
И дождик не царапает окон,
Зато уже ночами странный кто-то
Невидимый заводит патефон.
И чем-то ностальгически знакомым
Тревожит сердце ночи напролёт,
Из тёплого уюта сонных комнат
В предел далёкий манит и зовёт.
Не вспомнить утром трепета мелодий,

Тех, что печалью наполняют сны.
Но слышен лёгкий шаг, каким уходит
Тепло, прощаясь с нами до весны.
...А до утра кого-то вдруг не станет,
Кого-то путь холодный уведёт...
И крики беспокойной птичьей стаи
Звучат, как приглашение в полёт.

* * *

*Не каждый бриллиант живёт в оправе,
Он тоже может быть среди камней.
Ю. Пчелинцев*

Не каждый бриллиант живёт в оправе,
Он тоже может быть среди камней.
Но гравию он в твёрдости не равен,
Во много раз он крепче и сильнее.
Пусть не судьба лучу играть на гранях.
Не найденный среди других пород,
Он на себя всю тяжесть мироздания
Берёт, не расколовшись, и несёт.

Юрий ПЧЕЛИНЦЕВ

И плачет оттепелью верба

Стихи

* * *

А ты ходил, шагами совпадая
С секундной стрелкой. Чёткой. Громовой.
Шептал: «Ведь молодость – она предтеча мая,
А старость – с непокрытой головой».

Ходил по кухне. Вторили тарелки,
Звенящие от топота шагов.
И запах огурцов, солёно-терпкий,
Похож был на нектар седых богов.

Красиво падали с оконных стен вуали,
За горизонт неспешно плыл закат.
Дремали неразгаданные дали,
В которых сумерки серебряно шуршат.

Всё угасало нежно, незаметно,
Но звёзды проявлялись вопреки.
А мир, что был привычно кругосветный,
Кончался где-то в отблесках реки.

Позволено осмыслить, как прекрасна
Уже сто раз увиденная даль.
А все, что было, вовсе не напрасно.
И быть весне! – так повелел февраль.

* * *

А за луною – сразу солнце.
Сто миллионов километров
Сплошного солнца.
Радий, стронций
С косматым звёздно-серым ветром
Летят туда через туманность,
Где бесконечность входит в точку,
Где правит миром многогранность,
Творя из ДНК цепочки.

Так необычно! Но красиво.
Все звезды, точно, одиноки.
Ну что ты прячешься стыдливо
За ненаписанные строки
Стихов и тихо лезешь в прозу?
Она красива, монотонна.
Сегодня в ночь опять морозно.
Снегов на землю мегатонны

Обрушатся, как хаотичность,
Но будут таять, таять, таять.
А утро принесёт привычно
Горячий кофе. Кайф из рая.
Я не рифмую, я вникаю
И образы ищу и слышу:
На что похожа ярость мая?
Как в тишине скучают крыши?

Какой запомнил я улыбку,
Что ты когда-то подарила?
Каким бывает дождик зыбкий,
И что вчера мне говорила...
Весна идёт. Её вдыхаю
Всем телом, каждой клеткой кожи.
В душе снежинки затихают,
И стужи затихают тоже.

* * *

Слились в единое дома,
дороги, облака, афиши,
февраль, который еле дышит,
и белым сводит нас с ума.

Глядятся окна друг на друга,
и сквозь занудную метель
Срывает форточки с петель
скользящий ветер. Он по кругу

летит туда, где и не ждут,
и где чердачные пространства
спят в закоулках постоянства,
в сетях задумчивых минут.

И меркнут целые кварталы
в ночном безгласии зимы.
Вот в этом всём живём и мы,
глядя то сны, то сериалы.

И это жизнь. Что говорить?
Февраль – одно из многоточий.
Он прежний, старый, новый, прочий,
Такой, который должен быть.

* * *

– Сигарету?
За углом,
там, где в арках ждут дворы,
Мы покурим. Что потом?
А потом опять миры
В каждом сердце, в каждом новом
Положении часов,
В ярком всполохе бордовом,
Когда солнце на засов
Закрывает окна на ночь,
Приглашает тишину.
А уложенные навзничь
Сны буравят глубину.
А ещё, шаги услышав
В наклонённости теней,
Этим чудом город дышит,
Тем живёт.
Подсчётом дней
Только разрушают люди
Ход и плавность бытия.
То, что было, то, что будет.
Этим всем грешу и я.

* * *

Что картины? Точки, точки,
Непонятные мазки.
Я рисую на листочке
Неприятие тоски.

Карандаш тупит немного,
Солнце толстое, как блин.
А бескрайняя дорога
Всё бежит среди рябин.

Нарисую. Очень нужно.
Просто чувствую душой.
Мой посыл. Он весь воздушный,
Что всё будет хорошо.

Пусть ещё так мало света
В череде январских дней.
Дни бегут, и скоро лето.
Я художник, мне видней!

* * *

Что больше, крови или снега?
Мешок в ладони с оберегом.
Полуразжатая ладонь.
Глаза стеклом буравят небо,
И плачет оттепелью верба.
Пусть плачет. Ты её не тронь.

А там, где жизнь за сытым миром,
Кумиры и антикумиры!
Герои только на словах!
Скажите, как? В окопах, братцы,
Смогли бы вы не... испугаться...
И побороть животный страх?

В окопах нет полемик. Нет!
Там виден тот и этот свет.

* * *

Какой же жирный снег, а лёд скользучий.
Сегодня собирал себя шарнирно.
Упал, но посчитал себя везучим,
Когда поднялся в свой уют квартирный.

А улица немного содрогнулась
От этого паденья. Что поделать?
Мальчишка проходящий улыбнулся.
Он, может, ангел безучастно белый?

Хотя... возник и был доступно рядом.
Так стало неуютно, зябко, сыро.
А где-то – стрекот пуль и рёв снарядов,
В других частях, больных войною мира.

Со стоном тихо падали солдаты
В промозглый полулёд окопной жижи.
И толпы ангелов, небритых, бородатых,
Сидели в блиндажах к буржуйке ближе.

И только лишь седой дежурный вестник
Выкрикивал, кому идти наружу.
Святые часто выходили вместе
Спасать ещё одну людскую душу.

Мир без войны. И мир, войной пропахший,
Где даже ангелам, порой, бывает страшно.

* * *

Немного строк в сухом архивном деле.
Жил. Воевал. Награды. Позывной.
Где похоронен. Личный номер. Еле
Заполнена страница.
Упокой,
Господь, отважную людскую душу.
Так интересно, а она там спит?
Бывает, трусит?
Я, бывает, трушу,
Когда есть риск, что быть могу убит.
Страшней всего – покрыть себя позором
И врать себе, чтоб только оправдать

Предательства двуличным разговором
Самим с собой и беспредельно врать!
Капли в декабре и снег, как вата,
А за окном – в архиве благодать.
Но только тень убитого солдата
Всё заставляет думать и читать.

* * *

– Я пошёл, слышь, братишка, прикрой.
Старший группы рванул.
Я второй.
Зажимаю цевьё автомата.
Ноги – словно набухшая вата.
Поднимаюсь, бегу что есть сил.
Я бежал. Ничего не просил
У Него.
Только фразы на «ё...».
Словно острое зверя чутьё
Не давало попасть на прицел.
Вот ложбина. Туда. И я цел.
Где-то должен быть мой командир.
Уже сзади. В нём несколько дыр.
Снова этот мучительный сон.
Поищу. Где-то спрятан жетон.

Василий АНУРЬЕВ

Тебе к лицу ромашковый венок

Стихи

Ностальгия

Есть такая болезнь – ностальгия,
В ней тоска и светла, и чиста.
Всё не еду я к вам, дорогие,
Дорогие родные места.

Всё не еду... Простите, простите,
Виноват, получается, я.
Там берёзки – мои, а не чьи-то,
Там Россия не чья-то – моя.

Помню, сыпал пшеницу синицам,
Было это, бог весть, как давно,
Желтогрудые бойкие птицы
Прилетали ко мне на окно.

Мне за птиц было больно и страшно,
А зерно своровать – много ль дел?
Отрок ласковый, зла не познавший,
В стужу лютую я их жалел.

Палисадник, окно и синицы
Или май – сад в цвету как в снегу...
Стала часто мне родина сниться,
Не могу больше ждать, не могу!

Я приеду...
Тропинкой знакомой,
Что не каждому глазу видна,
Прокрадусь, –
Ни крылечка,
Ни дома...
Сад заглох...
И вокруг тишина.

* * *

В среброзвонном бору
Я бродил поутру
По траве изумрудно-зелёной,
Ветер песни мне пел,
Небосвод голубел
Сквозь высокие тёмные кроны.

Было радостно мне,
И мечтал я о Ней,
О единственной лучшей на свете.
И я верил в мечту,
Я шептал: я найду, –
Так в мечту верят только лишь дети.

Мне шагалось легко,
Я дышал глубоко
Землянично-смолистым настоем,
Полный жизненных сил
Я всю Землю любил,
Покорённый её красотой.

Юность, юность моя,
Ты в какие края
Унеслась быстrokрылою птицей?
Пусть смятение чувств
Не вернётся, но пусть
Мне тот бор среброзвонный приснится.

* * *

Пришло мученье, Боже правый!
Душа тревогой стеснена,
Хмельной живительной отравой
Поит цветистая весна.

И, окунувшись в море света,
И, впитывая этот свет,
Я снова становлюсь поэтом
И вновь несу любовный бред.

Вновь яркость обретают чувства,
А в голове – одни грехи!
Совсем нехитрое искусство
Писать фривольные стихи.

Но увлечён потоком жизни,
Я воскресая для любви
И знаю я: простит Всевышний
Все прегрешения мои.

Весна не ведает об этом,
До смертного ей дела нет,
Она дарит теплом и светом,
Поэт ты или не поэт.

Осеннее пессимистичное

В окно листвой стучится осень,
Не за горами холода,
Над речкою туман белёсый,
А в речке стылая вода.

В лесах обрывки паутинок,
В лесах торжественно-светло,
И вслед за клином журавлиным
На юг отчалило тепло.

Ах, эта осень, эта осень,
Пора неторопливых дум,
Ответит осень на вопросы
И просветлит смущённый ум.

Я ждал её. И вот дождался.
Так почему же я не рад?
Пожаром золотым метался
По саду ливень – листопад.

Мне только кажется всё чаще,
Что всё что было – миражи...
Она была ли настоящей,
Моя умчавшаяся жизнь?

* * *

Весна разбудит светлые надежды.
Охватит необузданный восторг.
В тех давних днях края твоей одежды,
Играя, развевает ветерок.

Ты, лёгкая, как юная богиня,
Срываешь придорожные цветы,
И на тебя нисходит полдень синий,
И мне рукой призывно машешь ты.

Бегу, бегу. Сбивается дыханье...
Тебе к лицу ромашковый веноч.
Сиянье глаз, ресниц твоих дрожанье
Я помню, я забыть не смог.

Ах, милая!
Со мной ли это было?
Я как в бреду шептал: «Не уходи!» –
И свежесть губ нетронутых пьянила,
И улетало сердце из груди.

Ты предо мной,
Красивая, как прежде,
И я как прежде, робкий паренёк.
...В тех давних днях
Края твоей одежды,
Играя, развевает ветерок.

О счастье

Верить, ждать, надеяться устал я.
Сердце – дребезжащее стекло.
Где ж ты, моё счастье, заплутало?
Что ж дороги к дому не нашло?

Я в часы душевного ненастья
Размышляю у прибрежных ив:
Уж не сам ли я прошляпил счастье,
Не узнав его, не оценив?

Жизнь была премного изобильна
На подруг, серьёзных и пустых,
Пусть не очень-то они любили,
Всё же что-то значил я для них.

Перфекционизм всему помеха.
Я теперь, у жизни на краю,
Рассмеюсь полынно-горьким смехом,
Вспоминая молодость мою.

Меж прибрежных ив брожу я часто,
Никому не нужный и больной.
Что ищу я здесь? Наверно, счастье,
Счастье, не угаданное мной.

* * *

Целую в пепельные губы
И называю «дорогой».
Ах, чёрт возьми, как это глупо:
Любить одну, а быть с другой.

Во мне растёт ожесточенье:
Я притворяться не могу,
Такого горького мученья
Не пожелаешь и врагу.

Назавтра буду я спокоен,
Разочарован, угнетён;
Подруга спросит: «Что такое?» –
Отвечу: «Мне приснился сон».

Она обнимет, приласкает,
А я расплачусь, может быть,
И сам перед собой покаюсь,
И зарекусь навек любить.

И будет день, и будет вечер,
И будет Совесть суд вершить...
И будет нечем,
Будет нечем
Заполнить пустоту души.

* * *

Нежна как розы лепесток,
Желанна непреодолимо.
Когда б осмелиться я смог,
Назвал бы милой и любимой.

Но я поднять не смею глаз,
Я трепещу как лист осенний...
Люблю всегда, люблю сейчас.
В твоей любви – моё спасенье.

* * *

Жизнь – цвет весенний на ветру...
Я точно знаю, что умру.
Смешает время с прахом прах,
Я растворюсь в других мирах.
Я не исчезну без следа,
Я буду всюду и всегда.
Я буду птицей и цветком,
Жужжаньем пчёл и родником,
Капелью, отблеском огня,
Ночной прохладой, зноем дня,
Волшебным сном, мечтой, лучом
И разговором ни о чём.
Во всём и всюду буду я –
Нет пустоты небытия.

Владимир СЕЛИВЁРСТОВ

Ваша честь

Рассказ

Адвокат приговор слушал вполуха. Его стараниями итог известен. Два года условно и частично гражданский иск. Подсудимая юная двадцатилетняя милая девушка обмирала от страха. Посадят, не посадят? По её вине погиб мотоциклист. Осталось двое детей. Войдёт конвой – и в тюрьму. А она на третьем месяце. Как и всякий нормальный человек, мало понимала, что происходило на следствии и в суде.

Судья, прокурор, адвокат говорили на каком-то птичьем языке. Прокурор тихо играл на мобильнике. Адвокат любовался судьей. Давно. Радовался, когда узнавал, что она председательствует. Нежные её глаза контрастировали со строгой манерой вести процесс. Даже балахон судейской мантии, более похожий на одеяния монахов времён инквизиции, не смог скрыть фигуру зрелой женщины. Было в ней что-то притягательное. Как в красивом животном. На заседания ходил, как на свидания. В предвкушении до и послевкусии после. Почти не отрывал от неё глаз. Об этом знал только он один. Стала она вождеденной мечтой. Мраморность с совершеннейшими греческими чертами лица. Парадокс сочетания белой кожи и воронова крыла волос. Такой, верно, была первая женщина Ева. Мозг воспринимал слова и возбудил беспокойную тревожность.

Оглашена резолютивная часть. До прокурора дошло. Толстяк пискнул фальцетом: «А иск?» Белое лицо судьи набирало цвет. Она тоже всё поняла. Глядя на адвоката, воскликнула: «Что делать?» Это явная отмена приговора. Для судьи уже вторая в этом году. Ей стало нехорошо, и она не села, а упала в кресло. Беда одна не приходит. Теперь не жди перевода в областной суд. А это существенная прибавка. Забудь о годовой премии, а это пять окладов. Классность не повысят, а это тоже деньги. Все эти потери пошли бы на операцию матери, а теперь... В кабинете она взяла себя в руки. Надо искать выход. Переписать приговор и вставить иск. Это проще всего. Но против этого два момента. Электронная запись и прокурор с адвокатом. Секретарь не в счет. Она девочка преданная.

Нет, нельзя. Если вскрыется, лишение статуса судьи уж точно. Обман, фальсификация. Вон недавно мантии лишился судья, зачитал не весь приговор, а резолютивку, как по гражданскому делу. Адвокат не предаст? Кажется, он с большой к ней симпатией. Это в интересах его подзащитной. Не будет писать. Прокурор свой человек. Ему это ни к чему. Дорогой коньяк – и всё дело. Подсудимая вообще ничего не поняла. Да и на руку ей – иск не удовлетворён. Нет, бездна. Позор на всю оставшуюся... Куда пойду? В адвокаты? Торопилась в отпуск, дура! На юга к морю, а приехала к разбитому корыту. Ворона рассеянная с улицы Бассейной. Через полчаса адвокат попросился к судье. Приставы его давно знали и пустили без звонка.

– Я прошу всего одно свидание с вами, и я гарантирую, что инцидент с приговором будет исчерпан.

– Вы мне предлагаете переспать с вами?

– Нет, спать не придется. Одной близости с вами вполне достаточно. Можно прямо здесь.

– Но как вы всё исправите?

– Это моё дело.

Судья поверила адвокату как женщина мужчине. Он ей был небезразличен. Но она никогда не изменяла мужу. Они любили друг друга. Сначала уважение находилось на втором месте после любви, а сейчас вырвалось на первое. Сейчас судье предстояло вынести приговор самой себе. Весы колебались то в одну, то в другую сторону. Что перевесит? Спасительная операция матери? Её материальное благополучие и карьера? Маленькая интрижка с адвокатом ни к чему не обязывающая, которая сразу забудется. Уйдёт в прошлое? Но сомнение в успехе дела. Как адвокату удастся исправить всё без её участия? Может, он просто добивается близости. Но если удастся, то у неё совесть будет чиста. Чиста ли? Грязь измены и подделка приговора – это что, детская невинная шалость? Сможет ли она после этого быть счастливой, как до этого?

– Заявляю ходатайство об ознакомлении с материалами уголовного дела.

– Что ж, это ваше неотъемлемое право. Я распоряжусь.

Секретарь судебного заседания ни о чём не догадывалась.

– Мне последний том, пожалуйста. И хочу прослушать аудиозапись судебного заседания. Я на своём компьютере.

Приговор оказался не прошит и не подшит. После оглашения прошло всего два часа. Адвокат незаметно положил его в свой портфель из натуральной кожи, приятно пахнущий конским седлом.

Вышел покурить и позвонил старому сослуживцу эксперту-криминалисту.

– Слушай, Петр Василич, как стереть аудиозапись с диска?

– Какого?

– Обыкновенного.

– Запросто. Натри его зубной пастой или мелом. Можно известью.

– Точно?

– Точнее некуда. Проверено многими преступниками. Чувствую, твоя очередь пришла.

– Поговори у меня.

Адвокат соскреб со стены, сколько смог, побелку и вернулся. Натёр под столом диск и, вложив в конверт, отдал секретарю.

– Можете печатывать.

Придя домой, изучил приговор и обрадовался. Отсутствующая запись о гражданском иске могла поместиться на предпоследней странице. Не надо рушить весь приговор, всё останется на своих местах. Подписи, печати. Впечатал две фразы: «Гражданский иск в части компенсации морального вреда удовлетворить частично в сумме один миллион рублей. В остальных исковых требованиях отказать». Два предложения, а сколько продолжения!

Сбывшаяся мечта скоро становится воспоминанием. Иногда с привкусом грусти или тоски. Не сбывшаяся тянет на дно прошлого и кусает душу. Рождает угрызение самого себя, за то, что не смог достичь. Неправда, что мечтать не вредно. Вредно не мечтать. Адвокат смотрел на судейский стриптиз, и ему становилось стыдно и совестно, будто он голым вышел на оживлённую улицу. Вот и сбылась его мечта. Через минуту она разрушится, превратившись из прекрасного желания в обычную человеческую плотскую грязь. Подошёл к женщине и стал одевать её. Поняв его, она всхлипнула и закрыла покрасневшее и подурневшее лицо ладонями.

Прошло время. Сейчас она в областном суде. Председатель квалификационной комиссии судей. Когда совпадают суды в апелляционной инстанции, он смотрит на неё и старается в закоулках своей души отыскать следы прошлого чувства, но тщетно.

Наталия БАРАНОВА

Окна дома напротив

Рассказы

Ангел Петя

Утро у Господа выдалось напряжённым, народ на планете Земля был беспокоен: то подожжёт чего-нибудь, то разольёт, а то с бухты-барахты стрелять и взрывать начинает. Со времён Эдемской катастрофы Он был зол на людей, даже изгнал из дома, но до сих пор переживал душой за каждого. Просто на каждого души не хватало, вот и посылал туда гонцов, чтобы облегчить жизнь своим заблудшим детям.

Разобравшись с неразумными – кому тайфун послал, кому – наводнение, чтобы остыли, – Он приступил к самой приятной части своей работы, провёл инструктаж ангелов для командировки на землю в помощь человекам, чтобы сами не погибли и не погубили никого вокруг.

Сегодня в дорогу готовились пять девчонок и семь мальчишек. Последним в кабинет к Богу вошёл необычайно красивый мальчик: яркие голубые глаза, вьющиеся до плеч белокурые волосы и румянец во всю щёку.

– Проходи, дорогой, садись. Разговор будет долгим, поэтому, вот, ешь конфеты, запивай газировкой. Слушай и запоминай, что буду говорить. Прямо сейчас отправляйся на Землю. Остановишься у Ивановых. Семья приятная, благополучная, просьбами не досаждают, но ты приглядывай за ними и помогай тем, кого услышишь. Просьбы и крики о помощи хорошо слышны в ночи. Сам-то я занят, за всеми не уследить, поэтому будешь моим Промыслом.

Каждый день на закате у тебя будут вырастать крылья, но с первыми лучами солнца они исчезнут. За это время нужно сделать пять-шесть добрых дел и вернуться в свою семью. Если не вернёшься вовремя, крылья исчезнут насовсем, и ты станешь обыкновенным мальчиком. Наверное, это тоже хорошо, но мы с тобой больше не увидимся. Ступай. Да, чуть не забыл... Имя тебе Ивановы выберут сами.

Ангел вышел из кабинета Бога, тихо закрыл за собой дверь, а в семье Ивановых родился мальчик Петя. Красивый, как ангел, с яркими голубыми глазами, вьющимися до плеч белокурыми волосами и румянцем во всю щёку.

Как и обещал Всемогуший, жизнь Пети оказалась легка и приятна. Работы было немного – толкнуть под локоток маму, когда блинчики подгорали, или отвести кирпич с крыши от головы папы.

После захода солнца появлялись крылья, и мальчик улетал в ночной город, который продолжал жить яркими огоньками открытых окон, где-то любили, где-то убаюкивали ребёнка, были философы со своим вечным вопросом. Что первично – курица или яйцо? Часто светились окна стариков. Они не могли заснуть от тяжёлых воспоминаний. Но тут ничем нельзя помочь – воспоминания были не в его власти, и Петя пролетал мимо.

Частенько в ночи раздавались риторические вопросы, которые Петя не любил. Однажды услышал мужика. Он стоял на балконе, курил и безмолвно кричал, обращаясь к звёздам. Почему! Ну, почему моя жизнь летит в тартарары! Когда помочь нельзя, нужно просто выслушать. Петя завернул к нему, присел на перила.

– Ты кто? – спросил мужик.

– Петя.

– Вот скажи, Петя... Чего ей не хватало? Квартира есть? Есть! Машина есть? Есть! Скоро дачу достроим. Ну, чего ещё надо!

– Любви, наверное.

Пока дядька задумался, Петечка, тихо шурша крыльями, улетел.

Философам, которые ночами ищут смысл жизни, и людям, не умеющим любить, помочь нельзя.

Норму в пять-шесть добрых дел Петя выполнял легко, но под утро возвращался усталый. Его выматывали те, кто отважился сам писать свою судьбу, не оглядываясь на хозяина всех пришедших в этот мир, и без чьего позволения они не могут его покинуть. Найти их было трудно – обычно свои решения они принимают молча. С такими приходилось долго возиться. Вчера это был мальчик, который любил, а сегодня девочка – её не любили. Странная штука – любовь. Она даёт силы жить, и она же даёт силы умереть. Мальчику пришлось объяснять, что так будет не всегда, а девочке долго доказывать, что так будет не всегда.

Иногда тихий призыв о помощи раздавался из-за плотно закрытого окна.

– Людииии! – хотелось крикнуть Пете. – Если вы надеетесь, что вам помогут, не закрывайте ангелу путь в свой дом. Ангелу тоже нужна помощь.

Однажды, в одну из холодных ночей, родители закрыли окно, и Петя не смог вовремя вернуться.

А с первыми лучами солнца в семье Сидоровых родился мальчик. Красивый, как ангел...

Окна дома напротив

По обоим берегам реки раскинулись два села – Кулебяково и Пески. Хотя нет. Пески на село не тянуло, даже в свои самые расцветные годы это была деревня. А Кулебяково – дворов на триста, растянулось на четыре километра на левом берегу. Всё здесь было: и свет, и газ, а по центральной улице, которая была одна, асфальт пролёг аж до самой трассы на областной центр. Пескам повезло меньше, если не сказать, что совсем не повезло. Они расположились на правом, самом живописном берегу реки, но что толку от этой живописи, если добраться до магазина-цивилизации можно двумя путями, и оба непреодолимой силы: через реку или в объезд лесом – *кругаля* не один десяток километров. Летом ещё туда-сюда, а вот ранней осенью и с началом зимы, – пока река не замерзнет окончательно, – ждать приходилось несколько недель, чтобы сходить за хлебом. На эти несколько недель запасались провизией заранее. Домов здесь было немного – штук двадцать, а жителей осталось сильно меньше – трое. Молодёжь подросла и уехала в поисках цивилизации: кто побойчее и расторопнее – в областной центр, многие смогли добраться и до Москвы. А остальные не преодолели притяжения малой родины и осели на левом берегу в Кулебяково. Из удобств, которыми пользовались во всем мире, в Песках был только свет. Остальные: дрова в лесу, туалет в саду, огород соток на сорок сразу за садом. Земли вокруг много – бери, сколько хочешь. Но никто её брать не хотел. Как говорил дед Семён: «В гражданскую за неё с кровью пластались – глотку друг другу рвали, а теперь только собаки бегают, серють. Никому не нужна земля, политая кровью».

Сначала деревня состарилась, а потом померла. И остались на живописном левом берегу только Митрич с Полканом, Семён с Нюрой и коровой Ласточкой.

В этот год зима не спешила – уже и декабрь к концу, а ни снегов больших, ни сильных морозов не было. Река никак не могла замёрзнуть до пешеходного состояния. Если смотреть на деревню издали, то казалось, что она вымерла. Но нет, два крайних дома дымили печными трубами.

– Ну что, Нюра, какое будет наше решение? Здесь будем зиму зимовать или к зятю на постой переберёмся? – Семён в стареньких подшитых валенках сидел на скамеечке возле печки и подкидывал берёзовые чурочки в огонь. С утра на кухне прохладно, он подзадержался с растопкой печи. Хозяином в доме был Семён, но последнее слово всегда оставалось за Нюрой. Так сложилось за долгие годы – жена не перечила, а муж был с ней согласен.

– Да что ты всё об одном и том же. Решили уже – река встанет, переберёмся к дочери в Кулебяково. Давно ведь звала. Дом большой, всем места хватит. А там, глядишь, понравится, и останемся жить насовсем. И опять же, с печкой не возиться. Газ в доме. Хочешь, сделай газку погромче, хочешь – потише. Всё в твоей власти. И магазин рядом – хлебушек свежий два раза в неделю, а не как сейчас – раз в месяц купим, сначала свежий, а потом сухари жуём.

– Магазин – это хорошо... – мечтательно улыбаясь, протянул Семён, соображая о чём-то своём. Жена строго посмотрела, и он осёкся. Они поняли друг друга с полувзгляда. Давно живут, и ни одна потаённая мысль не может проскочить незамеченной.

Нюра только что подоила корову и разливала молоко по банкам – процеживала через марлю. Молока было много – вдвоём пить-не выпить. Летом дачники помогали – у ворот очередь стояла после каждой дойки, а как осень – масло и творог в деревню возили: сначала на лодке через реку, потом полем километров пять до Кулебяково. А зимой хоть криком кричи – молоко девать некуда. Кругом снегА, и по полю с банками много не набегаешь.

– А с коровой-то что делать будем? Её куда? – Семён чуть продвинул кочергой прогоревшие дрова в печи и засунул ещё один полешек.

– И корове место найдётся. Полный двор сараев. А сена ещё от дочкиной Бурёнки осталось. Хорошая корова была, да молодёжь сейчас не приучена скотину держать. Жаль, продали. Так что до весны прокормим. И ей хорошо, а нам ещё лучше. Молоко продавать будем, маслице. Все покупатели на месте, не надо через реку возить, сами на дом придут.

В сенцах стукнуло, заскрипели половицы, потом раздалось чертыханье – кто-то в темноте пытался найти ручку на двери.

– Вы чего без света сидите? Чуть лоб не расшиб в темноте. – В комнату вошёл Митрич, пошаркал о половичок валенками, прошёл к столу. – Гостей не ждёте?

– Гостей не ждём, а соседям завсегда рады, – Нюра налила парного молока в кружку и протянула Митричу. – Ты нынче на речке был? Чего там со льдом, замёрзла?

– Ровно половина. Ещё недельки две морозов, и можете отправляться в странствие в поисках счастья на земле в виде газа, света и магазина через дорогу. Не передумали?

– Вот, сидим, думаем, но не передумали, – сказал Семён.

– А чего так долго думали? Надо было ещё по теплу отплывать. Корову к лодке привязал, пять минут, и все чады и домочадцы на том берегу. А теперь что? Тащи её через всё поле по морозу, пока добредёте, она либо сиськи отморозит, либо чихать начнёт.

– Хватит балагурить, – сердито сказала Нюра, – тебе легко рассуждать, сидя на пороге дома. А ты вот попробуй бросить всё, да и податься незнамо куда... Тут ведь каждый гвоздь, каждая доска своими руками прибитая, каждый уголок родной...

– Чего ты, мать, причитаешь. Как это незнамо куда? К детям переезжаем... тьфу, переплываем. Поживём, пообвыкнем, и там все доски родными станут.

– Детям мешать – последнее дело. Старики, сколько могут, должны жить отдельно. – Митрич пил молоко и в шутку морщился. – Хорошее молоко, жирное, душистое, но много не выпьешь, это тебе не водка, – сказал он и протянул кружку Нюре, как бы прося налить ещё.

– А зачем мешать? Дом большой, на два входа – ни они нам, ни мы им мешать не будем. Дом строили для двух детей, но дочка с зятем тут остались, а сынок в Москву подался. Там, видать, соль солонее да сахар слаще. Вот его половина и пустует, нас ждёт. – Нюра наполнила кружку Митричу и понесла банки с молоком в сенцы. С началом зимы там было прохладно, и она отключала холодильник. Небольшая, но всё ж таки экономия.

– Так, расклад я понял. Отходную когда собирать будете? На Руси так повелось – в дальнюю дорогу надо провожать с песнями и плясками, иначе дорога не будет скатертью и прирастание к новому месту вызовет трудности. Гармонь не обещаю, но спеть могу, вы только стол накройте да чарочку на посошок налейте.

– Знаю я твою чарочку, потом неделю будете провожаться, а то и две, пока не закончится всё, что горит. – Нюра сердито гремела ведром, обмывая его от молока.

– Анна Васильна, ты чего серчаешь, я ж пошутил...

– Тут шути не шути, но обычай блюди! – радостно поддержал Семён.

– Без обычаев справимся. – Нюра строго посмотрела на него. – Нам бы только реку перейти, а там зять на машине встретит – снегу мало, проехать по полю можно, без отходной доберёмся.

Через две недели, как и обещал Митрич, река окончательно встала. Подождав для верности ещё неделю, чтобы лёд мог выдержать шествие из трёх человек, санок с узлами и коровы, Нюра с Семёном двинулись на новое место жительства в поисках цивилизации – света, газа и свежего хлеба. Процессия растянулась. Первым бежал Полкан, затем мужики тянули санки, замыкала шествие Нюра с Ласточкой. Зять уже ждал на левом берегу. Вещи и Нюру погрузили в машину и тронулись, а Семён с коровой пошёл следом.

Полкан долго бежал за ними, громко лая, стараясь с собачьими почестями проводить Ласточку.

– Молодец, Полкан, достойно проводил подружку. – Митрич ласково потрепал собаку, когда она вернулась. – Жаль, остались мы без молока... ты и я... Но вот помяни моё слово, не задержатся они там, а уж магазин через дорогу – это совсем пагубное дело... никакой пенсии и никакого здоровья не хватит. Ну, ты меня понимаешь?

Полкан опустил хвост, наверное, понял...

Домой пошли не сразу – сначала побрели вниз по реке до того места, где всё лето лагерем стояли рыбаки, побродили между брошенных домиков-шалашей, сделанных на скорую руку. И тут было запустение и тоска. До лета, когда здесь всё оживёт и можно будет приплыть к мужикам в гости, пообщаться, ещё далеко. Собака и Митрич оттягивали возвращение в дом, где их никто не ждал. Странное дело, их давно уже никто не ждал, но такого острого чувства одиночества не было. Они всегда знали, что по соседству есть люди, к которым можно прийти, поговорить, и тебе не откажут ни в хлебе, ни в соли, ни в стопочке, ни в разговоре «за жизнь». Митрич не задумывался, как выглядит одиночество, но теперь понял – это когда смотришь в окно, а из трубы дома Семёна и Нюры дым

не идёт, и ни единого огонька вокруг. Войдя в комнату, он первым делом задёрнул занавески, чтобы не видеть чёрные провалы окон в соседнем доме.

Начались короткие зимние дни, которые тянулись бесконечно. Каждый новый день был похож на предыдущий. Выручала рыбалка и разговоры с Полканом. И всегда беседы начинались одинаково:

– Спорим, Полкан, что Анна Васильна там долго не выдержит? Женщины, они, конечно, выносливее мужчин, но слабее. Нервами. Если тебе интересно моё мнение, то она первой не вытерпит магазина через дорогу. Или ты думаешь, у Семёна здоровья не хватит пользоваться благами цивилизации? Чего молчишь и смотришь? Мигни хоть...

Полкан молчал и только стучал хвостом по полу.

* * *

Но всё когда-нибудь заканчивается. Закончилась, как никогда, долгая зима. А весной всегда легче: дни становились длиннее, лес в конце огорода зазеленел, птицы весело гомонили в саду. Старый Полкан частенько отсутствовал дома – бегал по округе, гонял зайцев, радовался теплу. На майские праздники зацвела черёмуха, а потом и сады в пустующей деревне оделись в белый пахучий наряд.

Митрич любил это время года. Красоту рассветов на реке не закрывали листья, и дурманящий запах цветущих деревьев плыл над рекой вместе с туманами. Он просыпался ещё засветло и шёл на рыбалку, но не так уж и нужна рыба... Ему хотелось видеть, как зарождается новый день: поют птицы и громче всех соловьи; молочный туман разливается по реке, и по мере того, как поднимается солнце, окрашивается в оранжевый цвет. Он родился, вырос и прожил жизнь на этой реке, но каждый раз удивлялся красоте раннего утра, как будто видел это впервые.

Сегодня река встретила его особенно сильным туманом.

– Ты посмотри, Полкаша, туман, как молоко – даже поплавка не увидим. – Митрич вставил вёсла в уключины, оттолкнулся веслом от берега. Собака запрыгнула в лодку и приготовилась к длительному ожиданию. Ей было не привыкать – так начиналось каждое утро.

– Нет, собакен, сегодня мы не поплывём на наше прикормленное место – далековато, чую, сил не хватит грести потом против течения. А если рыбы не будет, то ничего страшного – ты её не ешь, а я её с детства объелся. Раньше Нюра выручала, ей отдавал. Она для Семёна жарила, а тот всё шутил... мол, уже в темноте от фосфора светится. А помнишь, мы в прошлом году наловили рыбы, а она вся с икрой, так Нюра меня ругала и два дня не разговаривала. А для меня гнев Нюры страшнее всякого рыбнадзора.

Собака, которая не успела устроиться на дне лодки, начала беспокоиться. Она привстала и зарычала. Сквозь туман еле заметно просматривался противоположный берег, где проступало большое тёмное пятно. Митрич ещё ничего не понял, а Полкан уже радостно заливался лаем. На берегу стояла корова Ласточка, потом из тумана появились Семён и Нюра.

– Эй, эй, сосед! Ты сегодня чего-то припозднился! Мы уж все жданки съели, пока тебя дождалась! – Семён в приветствии махал фуражкой.

– Привет беженцам от цивилизации! – закричал Митрич и, быстро развернув лодку, погрёб к противоположному берегу. – Это не мы припозднились, а вы раненько объявились. У нас с Полкашей всё строго по расписанию, и в нём гостей не предусмотрено. Мы вас через месяц ждали, когда вода теплее будет. Ласточка ж корова, а не морж.

– Давай, греби уже, мы замёрзли, дожидаясь тебя! – кричала Нюра.

– Вот если б ты меня спросил, что такое счастье, – Митрич наклонился, обращаясь к Полкану, – так я б ответил: это когда тебя ждут на том берегу в тумане друзья. Ну, теперь, брат, заживём... у тебя на ужин молоко появится, у Нюры рыба, а у нас с Семёном будет с кем поговорить. Ты не обижайся. И ты хороший собеседник – никогда не перечишь, всегда внимательно выслушаешь, но уж больно малоразговорчивый и без своего мнения, с которым не поспоришь.

В последнем рывке лодка уткнулась в берег. Первым выскочил Полкан, кинулся приветствовать друзей. Он гавкал, Ласточка мычала, Семён кричал что-то приветственное, Нюра смеялась. И эти звуки разносились далеко по реке. Вещей было мало, только два узелка в руках у Нюры и корова.

Митрич не скрывал радости от встречи.

– Я ж предупреждал, – сказал он, – что без проводов не приживётесь на новом месте. Он сидел на вёслах и ждал, пока все погрузятся: собака встала на нос лодки вперёд смотрящей, корову привязали к сиденью. Так караваном и поплыли. Ласточке было холодновато, но она не сопротивлялась, молча плыла следом за лодкой.

– Поздно нам уже приживаться, надо продолжать жить, – Нюра восторженно смотрела на оранжевый туман, который разливался по реке. – Сколько живу, а такой красоты не видела...

– Такую красоту видят только рыбаки да влюблённые, ну, ещё рыбадзор. – Митрич с усилием грёб. Его старенькая плоскодонка не привыкла к такому грузу.

– Ты это... заканчивай с рыбалкой... приходи пить молоко. И Полкана не забудь. Нынче у всех праздник – вы нас дождалась, а мы домой вернулись.

– Как же! Заканчивай! Теперь-то самая рыбалка и начнётся. Вы там поди истосковались без рыбы. Осётров не обещаю, а карасиков к столу привезу.

Они причалили к берегу, Митрич помог Нюре выбраться из лодки:

– А где ж весь скарб? Или решили назад вернуться?

– Какой назад?! Назад больше ни ногой! Зять на днях привезёт. Выходной будет, он и привезёт. А мы не могли ждать, так домой захотелось, хоть криком кричи, – сказала Нюра.

– Так это вы кричали? Я каждое утро слышал крики с той стороны! – рассмеялся Митрич.

– Тебе бы всё смеяться, а тут не до смеха, – ответил Семён. – купишь бутылочку, а поделиться не с кем... Так и употребишь в одно лицо. То есть в одну печень... вот она и не выдержала, – сказал Семён.

– Кто? Печень?

– Да нет же... Ньюра. Но последней каплей стал счёт за газ. Всю зиму почтальонка квитанции в почтовый ящик кидала. Мы тех квитанций и в глаза не видели – дочь с зятем перехватывали. А в последний раз Ньюра её возле ворот встретила. Так сказать, из рук в руки... извольте платить по счетам... И тут открылась тайна нашего финансового благополучия в размере трёх тысяч за газ, тыща за свет, ну и, сам понимаешь... почти каждый день свежий хлеб и песни для души.

– Каждый день до песен? Представляю, Ньюра, как тебе трудно было – у него ж ни слуха, ни голоса, – посочувствовал Митрич.

– Тут не смеяться надо, а плакать! – враз осерчала Ньюра.

– Ну, ладно, ладно, не сердчай. Всё уже позади. Почтальонка сюда не доплывёт, а петь с Семёном мы будем раз в неделю по выходным и нечасто по праздникам, – пообещал Митрич. – Идите домой, обживайтесь на своём родном новом месте, а мы с Полканом поплывём, рыбы наловим к ужину. И Ласточку предупредите – сегодня за встречу пьём только молоко, пусть побольше даст.

Ньюра с Семёном и Ласточкой пошли через поле к дому, а Митрич с Полканом поплыли на прикормленное место за обещанными карасями.

* * *

После ужина, когда караси в сметане были съедены и вечернее молоко Ласточки выпито, прощаясь, Митрич сказал:

– Простите меня, дурака, это я напророчил, что не будет вам счастья на новом месте.

– А всё наше счастье здесь, – ответила Ньюра. – Но пока счастье выглядит как будни, не поймёшь, что оно было счастье.

– Мы тоже скучали. Правда, Полкан?

Полкан, который лежал у двери, поднял голову и высунул язык – то ли от жары, то ли в радостном приветствии, а может, дразнился.

– Будем считать, что правда, – сказала Ньюра.

Вернувшись домой, Митрич прошёл к окну и отдёрнул занавески.

– Иди сюда, Полкаша, глянь. Помнишь, я тебе утром сказал, что счастье – это когда на том берегу в тумане ждут друзья. Оно конечно, хорошо... Но лучше, когда в доме напротив горит свет.

Купание белого гуся

Бабушки бывают трех сортов: всё разрешающие, строгие и нудные. Ну, с первой категорией понятно: это бабулечки, бабАньки, бабулькИ. С ними можно играть в прятки, прыгать в скакалки и слизывать крем с торта. Она ещё и сама, опираясь на костыль, играет с внуком в салочки. Вторая категория – бабка. С ней не поспоришь. Сказала «нет», значит – нет! И ты хоть расшибись лбом об пол, она не разрешит ковыряться в носу, не чистить зубы и запускать кораблики стоя

на берегу большой лужи. А есть ещё третья категория – нудные бабуся. Эти будут нудить – не беги, не ходи, не лезь, не ковырай, но их можно не слушать и продолжать бегать, лезть, ковырять...

Баба Оля была из категории бабусь. Никитка ещё мал, и не мог оценить всего счастья доставшейся ему бабуси, но уже понимал, что можно не делать того, что не хочется, и делать всё, что пожелаешь. Он мечтал никогда не чистить зубы – и не чистил. Но хуже чистки зубов было мытьё головы. И если зубы никто не видел, то голова – вот она... на голове, и её видят все, и поэтому тут отвертеться не удавалось.

– Прекрати орать, как резаный! – Бабуся Оля намыливала Никитке голову, а это для него было страшнее смерти, хотя он и не знал, что такое смерть. Просто слова такие – обычно их говорят взрослые.

– А ты не мыль и отпусти меня на волю! – кричал Никитка.

– Вот уж, будет тебе воля, когда соседи заявят в полицию на вопли, и нас лишат родительских прав.

– А что такое – лишат прав?

– Это значит, жить ты будешь отдельно от нас.

– И голову мылить не будете?

– Мы не будем, а мыть всё равно придётся, или самостоятельно, или чужая тётка в детском доме. Нет, ещё есть вариант, но думаю, тебе не понравится.

– Нет, ты скажи, вдруг понравится, – Никитка уже не орал, а тихонечко подвывал.

– Есть ещё вариант – не мыть совсем, но тогда или облысеешь, или жуки заведутся.

– Так вот почему деда Гена лысый! Он голову не мыл!

– Не выдумывай. Дед лысый от старости, а маленькие лысеют, когда голову не моют.

Эта процедура с криками повторялась вот уже месяц с тех пор, как родители привезли Никитку погостить к бабушке и дедушке в деревню. Дед не мог выдержать эту процедуру, у него сдавали нервы, и он уходил во двор курить. Прошлый раз на вопли Никитки приходила соседка справа, а сегодня во дворе появилась соседка слева – Марь Семённа. Этой всегда всё надо, и без совета она не уйдёт, понял Геннадий Петрович.

– Вы два взрослых человека, а не можете уговорить одного маленького мальчика. И как вам его доверили? К концу лета станете неврастениками, и он вместе с вами.

– У вас есть предложение, или вы просто поговорить пришли? – дед Гена был суровый дед – с соседями, раздающими бестолковые советы.

– Поговорить я могу дома с Муркой, а вам хочу дать совет – почитайте с ним про Мойдодыра, а ещё лучше – про Федорино горе. Моим внукам помогло.

– Мойдодыр?! Тут и я бы неврастеником стал, если из маминой из спальни вышло эдакое чудовище. Нет уж, спасибо, мы ещё от колобка не отошли. Это ж надо такую сказку придумать – круглый, румяный колобок, а тут – хрясь,

и съели! Внук до сих пор со светом спит. Уж мы как-нибудь сами, без Мойдодыра справимся. Личным примером.

Личный пример не помог. Дед оказался не авторитетом – не сберёт свои волосы. Какой уж тут авторитет?

Помог случай. Во дворе ходила курица с цыплятами, а гуси были сироты – без матери-гусыни.

– Дед, а почему у цыплят есть мама, а папы нет.

– Да как же нет. А кто нас утром будит? Вон он, красавец какой, со шпорами и шикарным хвостом. Петушок – красный гребешок.

– А у гусят где папа?

– В командировке.

– А мама?

Дед неосторожно возьми и скажи:

– Она их бросила. Не хотели купаться. Зачем ей такие невымытые дети?

Никитка заорал и побежал в дом.

На пороге стояла гневная баба Оля.

– Ты дед, чё, очумел совсем, чего ребёнка пугаешь?

– Папа с мамой за мной не приедууут... – рыдал Никитка, уткнувшись в бабушкин подол.

– Не говори глупости, они приедут, они ж любят тебя не за чистую голову и чищенные зубы, – как могла успокаивала бабушка.

– А за что они меня любят?

– За то, что ты их любимый сынок.

– А почему я любимый?

– Потому-что они тебя любят.

И так по кругу весь день, пока Никитка не заснул. При свете ночника. Кончина колобка всё ещё беспокоила его.

– Ну что, дед, что будем делать? И угораздило ж тебя такое брякнуть! Мать бросила своих детей! А если он узнает, что матери не было, а они инкубаторские?! Как будем выкручиваться?

– Ты загодя-то не паникуй. Будем решать проблемы по мере их поступления.

Проблема пришла откуда не ждали. Утром Никитка проснулся радостный: сам, без напоминания, почистил зубы, без уговоров оделся, без уговоров позавтракал. «Не к добру», – подумал дед.

– Дедушка и бабушка. Я всю ночь думал... – Никитка сделал многозначительную паузу.

– Ночью надо спать, а не думы думать. Ничего хорошего от ночных раздумий не получается.

– А у меня получится. Давайте мыть гусят, пусть к ним мама вернётся, – сказал торжественно Никитка.

– Ну, что ж... Есть внук, есть проблема, а нет проблемы, значит, нет внука. Так лучше с проблемным внуком, чем отсутствие проблем без внука, – сказал дед.

– Это как? – баба Оля иногда не сразу понимала деда Гену.

– А так! Бери ведро, а я сачок, и пошли ловить грязных гусей.

И понеслось... Баба Оля гоняла хворостинкой гусей, направляя к сачку, которым дед Гена ловил их.

– Вот ведь нашли себе работу, – бурчал дед, бегая с сачком по двору, – если кто со стороны увидит, вот смеху-то будет... Хорошо, если он на этом остановится, а если решит всем вернуть матерей? Сначала моем гусей, потом курей, потом кроликов, так и до козы дойдёт. Сразу предупреждаю, я с козой не справлюсь.

И они каждый день ловили и мыли сирот в ведре, а те не сильно сопротивлялись, благо у них природа такая – воду любили.

Начиналось утро, и Никитка бежал в сарай посмотреть, пришла ли мама. Если мама не пришла, то водные процедуры продолжались.

Лето подходило к концу, со дня на день ждали родителей, которые приедут за Никиткой, а проблема с гусями не разрешалась.

Семейный совет из бабы и деда проходил ночью, при закрытых дверях в комнату внука.

– Какие будут предложения? – шёпотом, оглядываясь на дверь, спросил дед.

– Да какие у меня предложения, – прошептала в ответ баба Оля. – Это ж ты у нас голова. Вот и думай.

– Подумал. Взять у Марь Семёны напрокат гусыню.

– У неё нет гусей, только утки.

– Это даже лучше. Гуся пока допрёшь, надорвёшься, а утка лёгкая.

Просьба соседей Марию Семёновну удивила:

– Зачем вам моя утка?

– Решили учесть ваш совет по воспитанию внука. Вы совет давали – почитать Мойдодыра? Давали. А мы пошли другим путём. Ваша утка решит все проблемы: крики из нашего дома перестанут рвать вам сердце, у гусят будет мама, у нас будет внук – любитель мыть голову.

– Что вы с ней сделаете? – Мария Семёновна беспокоилась за судьбу утки.

– Да не бойтесь, ни одно перо не выпадет из хвоста вашей утки, клянусь! – Дед Гена сделал движение рукой «зуб даю».

Утку в сарай посадили поздно вечером, а утром Никитка опять пошёл смотреть – пришла ли мама к чистым детям.

– Пришлаааааа! – прыгая на одной ножке, от радости кричал Никитка. – Пришла! Я же говорил, у меня получится...

В доме зазвонил телефон. Вышла баба Оля и крикнула:

– Никитка, звонила мама, они скоро приедут за тобой.

– Ураааа! Мама с папой едут! Баба Оля, давай мыть голову!

Наследство бабы Зины

Жить в деревне – это искусство. Здесь чужаки редко когда принимаются с распростёртыми объятиями. Если у тебя фамилия звучит странно, или молишься не справа налево, а слева направо, то прижиться в деревне трудно. С этим

проблем не было, и мы решили купить домик в деревушке Кулебяково, что в пятидесяти километрах от города. Когда-то здесь было имение барина Давыдова, чья усадьба – величественное здание в два этажа с мощными колоннами – стояла на высоком берегу реки Челновой. Красота этого места, где сливались две реки – Челновая и Цна, удивляла первозданной нетронутостью. Рассветы над слиянием потрясали красками и туманами. В деревне было много брошенных домов, которые стояли с заколоченными окнами – хозяева уехали в города за другой жизнью, многие продавались, но мы выбрали дом Зинаиды Николаевны. Честно сказать, это был не дом, а домишко, построенный в середине прошлого века: маленький, с красивыми резными наличниками на окнах и сиренью в палисаднике. Домик стоял как бы на полуострове: вдоль всей улицы, внизу через дорогу протекала Челновая, а в огороде струился маленький ручей, когда-то бывший речкой – Гнилая Тягла. Эту часть улицы, всего в десять домов, ещё со времён переделки собственности, называли Горлохватовкой. Когда сто лет назад крестьяне делили земли своего барина, то хватали друг друга за горло.

Баба Зина заломила за него цену, как за небольшой дом-особняк. Витька, мой муж, торговаться не умел, только и сказал:

– Бабуль, да за такую сумму можно на соседней улице хоромы купить...

– Ииииии, сынок... я ж тебе не усадьбу продаю, а соседей.

Ничего не поняв, но поверив в мудрость бабы Зины – её возраст говорил о наличии таковой, – ударили по рукам и уже через неделю поняли, как нам повезло с покупкой домика с соседями в нагрузку.

Справа жил дед Степан – весёлый, разговорчивый. Он приходил каждое утро, садился у дома на лавочке и ждал, когда мы выйдем. В деревне деда давно никто не слушал, а потребность в общении у него была большая. Так мы узнали о всех жителях деревни: кто на ком женился, кто когда родился. Но не информированность деда была главной ценностью, а то, что у него всегда всё было: нужна лопата, пожалуйста; клещи – нате вам; проволочку – прикрутить нужную вещь в хозяйстве – сколько угодно. Мы как городские жители были не готовы к жизни в деревне, так что дед оказался кладом.

Второй клад жил слева – Антонина. Она-то и была нашим главным приобретением.

Через неделю мы окончательно переехали и почувствовали вкус деревенской жизни. Вместе с нами вкус почувствовал Грэй. Наша собака была умной, голубоглазой и любопытной. Её любопытство привело во двор Антонины, где на вольных хлебах жили две курицы и петух. Таких чудес наш пёс отродясь не нюхал в городе. Даже не все люди догадываются, что от собак бегать нельзя, а уж куры и подавно, поэтому, увидев голубоглазую собаку, они испугались и побежали прятаться под крыльцо дома. Грэй знал: когда бегут, надо ловить.

Скандал на улице начался неожиданно. Мы сидели в гостях у Антонины, которая по случаю нашего переезда приготовила пирог, запивали козьим молоком и слушали истории из жизни теперь уже родной деревни. Вдруг истошно закричала курица.

– Снеслась! – воскликнул мой муж – небольшой знаток деревенской жизни с курами.

– Ой, батюшки, беда! – Антонина сразу поняла, что случилось неладное. Она быстро выскочила из-за стола и побежала во двор.

Оказалось, что любопытство Грэя зашло слишком далеко – он захотел не только понюхать, но и надкусить.

Куры под крыльцом орали, петух, не зная, чем помочь, бегал кругами по двору, истошно голосил. Суматоху дополняли крики Антонины. Она махала руками и топала ногами на собаку, боясь подойти поближе – вдруг тяпнет? Грэй не обращал на неё внимания, пытался достать кур. На крики подоспел дед Степан и взял в свои руки процесс спасения – ругался строгим голосом, но и его Грэй не слушал, продолжая вгрызаться в добычу под крыльцом. Пришлось подключиться нам: Грэя тянули за лапы, он отбрыкивался и рычал – требовал продолжения банкета. Через некоторое время битва была окончена: куры проиграли, петух остался вдовцом.

Из-под крыльца, улыбаясь в усы, вылез довольный Грэй. Ругаться было поздно, дело сделано.

Антонина молча ушла в дом, а дед Степан, задумчиво глядя на Грэя, сказал:

– У нас в деревне строго... куры погибли – собаку долой.

– Как это, долой?! – Витька не сразу понял трагичность момента.

– А так, проснулся утром, а она мертвая... один-один... ничья. В деревне оно как? Набедокурил, тут же тебе быстренько следствие, суд и приговор приведён в исполнение. Жалобы по инстанциям писать не принято, осудят.

– Строго у вас тут.

– Строго, но справедливо. Да, вы не боИтесь, Антанида у нас такая – ей хоть дом подпали, она ж поджигателя и пожалеет. Сегодня у Тоньки самый чёрный день в жизни. У неё ведь как заведено? Ни одна живая душа трагически не погибает. Живут столько, сколько Господь отмерил. В прошлом году курица померла, думали, от болезни, а вскрытие показало – от старости и ожирения. А месяц назад Антанида козу Анфису в добрые руки отдала. Измучилась она с ней, уж больно бодливая да строптивая... Другая бы терпеть не стала, прирезала, а Тонька не может лишить жизни – не она дала, не ей забирать. Вчера козу вернули назад, сгальная оказалась. Антонине оно, конечно, морока, но вы теперь всегда будете с молоком.

Вечером на семейном совете, куда был приглашен и Грэй, мы решили, что жить в деревне придётся долго, и чтобы не потерять репутацию, собаку и соседку, надо срочно покупать кур и везти с поклоном Антонине. Авось простит.

– Гулять так гулять, – сказал Витька. – Берём десять штук, самых красивых и петуха в придачу. После сегодняшней битвы вдовец не выживет. Грэй свидетелей не оставляет...

В окно постучали, это был дед Степан:

– Соседи! Вы там чё затихли, испугались ответственности за содеянное? Выходите, Антанида на лапшу зовёт в знак примирения. Заодно и поминки справим. Лапша, чтоб вы знали, из петуха очень душистая да наваристая.

Права была мудрая Зинаида Николаевна – домик оказался дорогим приобретением. И самым ценным в покупке были соседи.

Поздно вечером на лавочке сидели Степан и Антонина. Они смотрели на светящиеся окна дома новых жильцов, и каждый думал об одном и том же: «Дай Бог здоровья Зинаиде, хороших соседей оставила нам в наследство».

Как Маугли и Сильфида утомили Никитку

В маленьком селе Ковылкино не было культуры. Не сказать, чтобы совсем... Летними тёплыми вечерами на скамейке возле своего дома дед Матвей играл на гармошке, а баба Паша красивым голосом подпевала. Послушать импровизированные концерты собирались все соседи. И это всё: ни тебе оперы, ни балета, ни спектаклей заезжих артистов. Заезжать было некуда: сельский клуб закрыли на ремонт лет десять назад и забыли открыть. Основную культуру в массы нёс телевизор. Телевизор – это окно в большой мир, распахнутое двадцать четыре часа в сутки. Смотри, что хочешь: папа хотел футбол, мама – сериал про Марию, дедушка – фильмы о милиции. На Никитку ширины окна не хватало. Но однажды по телевизору показали цирк, и это оказалось потрясением для мальчика. На следующий день кошка Маруська против своей воли стала наездницей, а дворовый пёс Мухтар – резвым скакуном на арене цирка во дворе дома.

Через неделю Маруська перепрыгивала со шкафа на шкаф, а Мухтар приносил обувь со всей деревни.

– Глянь-ка, мать, какие способности у нашего сына, – сказал отец, разглядывая дырявую калошу, которую нашёл утром на крыльце. – Подрастёт, будет девок дрессировать.

– Тебе бы только посмеяться, а ведь сын растёт и ничего, кроме деревни, не видел, а где-то большая жизнь... искусство с цирками и театрами. В Москве вон эскалатор есть... Катаются себе целыми днями... счастливые.

– А у нас мотоцикл в сарае, вот почию, и будем кататься...

– Да ну тебя, я ж серьезно...

– Если на серъёзе, то на зимних каникулах свозим Никитку в Москву, пусть посмотрит на культурную жизнь, авось научится отличать оперу от балета.

– Тебе бы всё шутки...

К поездке в Москву готовились заранее – это вам не в соседний городок съездить. Можно было и в областной центр, что в ста километрах от деревни, но там тоже не было цирка, а уж балета тем более.

Родственники в Москве удивились звонку и просьбе родственников из деревни, но когда им сказали, что те едут одним днём и ночевать не будут, то сильно обрадовались и пообещали купить билеты в цирк, в кукольный и Большой театры. Москва – дело дорогое, поэтому нечего долго рассусоливать, надо успеть за день то, чего москвичи не могут позволить себе за несколько лет.

До Москвы добирались больше суток. Первым по списку шёл кукольный театр и спектакль «Маугли». Умаявшиеся с дороги родители к концу представления прекрасно выспались. Никита держался до двух третей второго отделения, но и его сморили приключения мальчика Маугли.

Следующим по списку культурных достопримечательностей столицы шёл цирк. Слоны, тигры и верблюды, которых Никитка видел только по телевизору, потрясли мальчика. Тигры прыгали через горящее кольцо, ходили по канату, выполняли все команды дрессировщика агрессивно и как бы нехотя. Огромные, неповоротливые слоны вставали на задние ноги и, хоботом обхватив красивую, всю в блёстках дрессировщицу поднимали высоко вверх. Наверно, ей было страшно, но она улыбалась.

– Господи! Что вытворяют, – причитала мать, – я бы ни за какие деньги не согласилась...

– А тебе бы никто и не предложил, у тебя такой фигуры нет, – неудачно пошутил отец.

Обидеться мама не успела – на арену выскочили лошади: длинноногие, в гриве не было репёв, и шкура лоснилась под прожекторами. Это вам не Орлик деда Тимофея! Вокруг них бегали мужчины, которые на полном скаку запрыгивали на лошадь, делали сальто и спрыгивали. А один, особо шустрый, пролез под брюхом лошади, ловко вскочил на спину и стоя промчался мимо Никиты аж два раза.

«Вот бы мне так!» – подумал Никитка.

– Глянь-ка, мать, на сына. Лошади ему понравились больше, чем слоны. Да и то... где в деревне взять слонов? Боюсь, Тимофееву Орлику предстоит много работы.

Потом были собачки, клоуны, акробаты и фокусники. К концу представления Никитка определился с главной целью в жизни – когда вырастет, работать будет в цирке. Если не получится дрессировщиком, то уж клоуном обязательно, на худой конец, акробатом – делать «мостик» и «коробочку» он уже умеет.

Когда вышли из цирка, отец сказал:

– Ну что, сын, гулять так гулять... Пошли посмотрим, как цари жили, – в Кремль.

Два часа ушло на царь-колокол с пушкой, корону царя и брошки царицы. Последние силы покинули Никитку на балете «Сильфида». Он успел только спросить: «Это спектакль для глухонемых?» И уснул.

Искусство в большом количестве утомляет: будь ты мальчик из деревни Ковылкино или дядька, перелетевший океан для встречи с прекрасным, который спал в соседнем ряду.

Никитка возвращался домой нагруженный впечатлениями по самую.

– Нет, – решил он, – балериной я не буду – нужна партнёрша, а где её в Ковылкино взять? И артистом за ширмочкой не хочу, меня же там никто не увидит. Остаётся цирк. У бабы Нюры коза есть, у деда Тимофея лошадка Орлик. Это, конечно, не тигры, но работать можно.

К дому подъезжали ночью. Деревня спала и не подозревала, какая судьба ожидала деревенскую скотинку.

«Угораздило же меня стать русским и тамбовским поэтом...

Ну, что тут сказать – повезло!»

Интервью с поэтом Евстахием Начасом

Евстахий Ярославович Начас родился 20 июня 1940 года на Западной Украине. Ребёнком пережил и лютую фашистскую оккупацию и послевоенное лихолетье. Русскую речь впервые услышал уже подростком, и она до глубины потрясла будущего русского поэта своей красотой. После службы в армии Начас решает покинуть малую родину, переехать в Тамбов и поступить на историко-филологическое отделение нашего пединститута. Сегодня Евстахий Ярославович, безусловно, один из лучших тамбовских литераторов, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, автор множества замечательных поэтических сборников. Всю свою сознательную жизнь он прожил в Тамбове, работая в редакциях областных СМИ. Несколько лет назад, после перенесённого инфаркта, по рекомендации врачей переехал жить из города в Тулиновку.

Слава Богу – «угораздило»!

– Евстахий Ярославович, как случилось, что ты – коренной «хохол-западэнэц» – попал жить именно в Тамбов?

– Я окончил у себя дома украинскую школу. Говорил только на украинском и польском. И вдруг однажды наткнулся на русскую книгу «Евгений Онегин». Меня просто «как током ударило»! Вот это язык! Великий, могучий, правдивый, свободный... Сразу решил – всё, стану учителем русского языка и литературы! Потом призвали меня в армию, и мой сослуживец из Тамбова мне и говорит: «Стах, а махнём-ка после дембеля ко мне – на Тамбовщину! Будешь жить у моей родни, изучишь настоящую разговорную русскую речь. А в Тамбовском пединституте и филфак есть (один из немногих тогда в стране)». Я думал недолго – где ещё изучать русский язык, как не в центре России? Вот так, в хорошем смысле, меня и «угораздило» попасть в Тамбов. Встретили меня здесь как родного, тут всю жизнь и прожил.

Солдатская каша

Но справедливости ради должен сказать, что с русским языком и русской речью я немного познакомился чуть раньше, чем прочёл Пушкина. После войны в моих краях бушевали бои с бандеровцами. И у нас в деревне стояли советские

солдаты. Они были очень добрые ребята и часто нас с братом подкармливали. Времена-то были... Мы тогда жили в землянке, нищета повальная, голод... А русские солдаты с нами последним сухарём, бывало, делились. Может, ещё и потому русская речь для меня такой родной стала.

Свеча и страх, и голод, и мокрота,
и слёзы, и блиндажный полумрак –
всё позади – в село вошла пехота,
над нашим сельсоветом – красный флаг.

Дымят бойцы усталые махоркой,
глядят туда, где орудийный гул,
а повар с прибауткой-приговоркой
в подворье нашем кухню развернул.

Но подойти поближе мы не смеем,
и робко прячем руки за спиной...
– А ну-ка, ребяташки, посмелее,
давайте кашу пробовать со мной...

И как отцы бойцы нас обступили,
протягивать нам стали котелки
и плащ-палатку рядом расстелили,
осколки положив на уголки.

А мы так с сорок первого не ели,
мы обжигали губы второпях,
и все бойцы и матери смотрели,
как тает эта каша на глазах.

Мы ощущали перегрев металла,
как ощущают близкую беду,
и если б рядом бомба вдруг упала,
мы не смогли бы бросить ту еду.

Она была немного пригорелой,
но сколько силы каша та несла:
она кого-то тихо отогрела,
кого-то и от голода спасла...

Нас делят вновь на наших и не наших,
и пули вновь свистят над головой,
а я всё с теми, кто отведал каши,
той каши со слезою фронтовой...

Русский украинец

– А стихи ты давно начал писать?

– Давно. Но сначала писал по-украински. Потом кто-то посоветовал перевести их на русский. И... произошло настоящее чудо! Они совсем по-новому зазвучали – ярче, сильнее, выразительней! Тут я окончательно убедился, что правильный путь в жизни выбрал.

Я от своих корней никогда не отказывался и не откажусь – хохол есть хохол, и люблю Украину как мать. Но Россия для меня – это такое святое слово, что лишний раз всуе его и не произнесу. Такой вот я русский украинец получился...

Мне дороги Тамбовщины равнины,
льняной туман в берёзовом леске,
но затоскую вдруг по Украине,
по детству, что осталось на песке.

По сизым вербам с их листвою узкой –
под каждым листиком найдёшь по соловью...
– Что ж, до свиданья! – всем скажу по-русски,
но по-украински в дороге запою.

О том, что буйно цвистне черемшина,
за сотни вёрст, волнуя и маня...
И будет степь, и зори, и машина,
и будут слушать женщины меня...

Я снова на Полтавщине, у мамы,
с малиной уминаю пирожки.
Брожу один, как в юности, полями,
ношу травой набитые мешки...

Но вот опять ветра заголосили,
и почтальон к калитке зачастил,
и чувствую – тоскую по России,
тоскую так, что нету больше сил.

По сосняку, по тропке-паутинке,
по тем местам, где носятся стрижи,
где так поют над Цною под сурдинку
разбуженные ветром камыши.

Колёса шлях наматывают тусклый,
но от судьбы такой не устаю:
я говорю и думаю по-русски,
но всё же по-украински пою.

О настоящей дружбе

– Ты дружил со многими большими поэтами – Майсей Румянцевой, Евгением Харлановым...

– Да, выпало в жизни такое счастье. Они были удивительными людьми. Майя... Это вообще... Какой-то космической доброты и порядочности человек... Помню, справил я жене новое пальто. А на воротник денег и не хватило... Зашёл к Майе в гости, пью чай, сижу грустный. Она спрашивает: «Стах, ты чего такой?»

– Да, – говорю, – ерунда. Супруге на подарок копил, на пальто. А на воротник не хватило...

Она ушла в другую комнату и возвращается с новым меховым воротником: «Вот, твоей Валентине от меня подарок!» Она от своего пальто отпоролась! Я, конечно, не беру – такой дорогой подарок... Да куда там! Насильно всучила! Майя уже тогда тяжело, смертельно болела...

Про Женю тоже часто вспоминаю. Он не просто был другом, он много мне дал в поэзии как старший наставник. Его трагический ранний уход нас всех просто подкосил тогда. Женя обладал удивительным чувством слова. Помню, написал я очень длинное такое, как тогда показалось, умное стихотворение. Дал ему прочесть. Он бегло пролистал и вдруг... порвал и скомкал несколько первых страниц: «Стах, не будь многословен. Главное у тебя в конце. Там всё сказано!» Оставил только вот это:

Есть жажда жизни в зёрнах и кореньях,
В морских моллюсках, водорослях рек.
Как жажда неба в птичьём оперенье.
И так всегда, и так из века в век.

Сквозь чёрствый грунт наносного суглинка,
Сквозь известь яйцевидных роговиц
Она пробьётся тоненькой травинкой,
Побегом ивы, клювиками птиц.

Рванётся ввысь, дрожа от напряженья.
Под солнца шар, под ветер суховой.
Она сродни земному притяженью
По простоте и сложности своей.

Мне тогда, не скрою, обидно стало. Так долго вынашивал, думал, писал, правил... А он почти всё скомкал! Теперь понимаю, что Женя, конечно, был прав. Очень мне моих друзей сегодня не хватает.

О доброте и гуманизме

– Как было написано твоё стихотворение «Яблонька»?

– Это уже старая довольно история. Я посвятил эти строки своему внуку Никите после одной нашей с ним ссоры у меня на даче. Он тогда, конечно, был прав, и мне пришлось вот так перед ним стихами оправдываться:

Деревья верят в высоту,
но свёл я яблоню под корень.
– Сгубил такую красоту, –
Никита-внук сказал мне вскоре.

Я что-то там ему твердил,
что эта яблоня болела,
хоть был мне белый свет не мил –
душа моя прощалась с телом.

Что вот, не дрогнула рука,
вонзилась сталь в живую мякоть.
Вверху темнели облака,
чтоб красоту её оплакать.

То мне поплакать бы пора,
не за топор жестокий братья.
Не красоту свёл со двора,
а совершил я святотатство.

Я спасовал пред суетой,
я спасовал пред мелким бытом.
Давно уже с минуты той
мне стыдно так перед Никитой.

Деревья дважды не растут,
и этот грех мне не простится.
Ловлю руками пустоту,
хотя бы мог ловить Жар-птицу.

Не просто яблоню срубил
в тот летний день я до заката,
я что-то сам в себе сгубил,
и это, видно, без возврата.

О самом больном

– О чём сегодня думается, переживается?

– Ох, запрещают мне уже доктора сильно волноваться... Но болит душа за Украину. Очень болит... Как могли такое допустить – из бандеровских недобитков слепить национальных героев, допустить их до власти... Все эти кучмы, кравчуки, порошенки и прочая свора очень перед своим народом виноваты! Но верю, что народ украинский ещё скажет им своё «веское» слово. Обязательно скажет! Как писал наш великий Тарас Шевченко:

І день іде, і ніч іде
І, голову схопивши в руки
Дивуєшся, чому не йде
Апостол правди і науки...

Я совершенно уверен – придёт Апостол правды! Не может не прийти!

Беседовал Альберт ЗВЕРЕВ,
журналист

Татьяна КУРБАТОВА

Господь! Прошу, услышь меня!

Духовные стихи

Купола

Купола, златые купола,
Переливами звенят колокола.
Звоны радостно над храмами летят,
С Господом на небе говорят.

И возносится молитва над землёй
Птицей белою над неба синевою.
«Отче наш» возносится к Творцу,
Мудрому и доброму Отцу.

Колокольный праздник над землёй,
Над бедой, обидой, суетой...

Жизнь коротка

Жизнь коротка,
В любой момент от нас
Потребуют отчёта за дела.
Темна ли жизнь, как ясный день светла, –
Пока в глазах свет жизни не погас,
Спешите делать добрые дела.

Иисус сказал:
«О горе, горе вам,
Слепцы, пресыщенные ныне»,
Богатство застит взгляд
И, как в пустыне,
Сжигает души суетности яд.
О горе вам, смеющиеся ныне!

Не собирай сокровищ на земле,
Где тлен и мор, где время точит камень,
Всё обращая в прах. И гаснет пламень,
И гаснет жизнь, как уголья в золе.
Не собирай богатства на земле.
«Храни сокровища в душе своей,
Добра души для ближних не жалея», –

Сказал Иисус –
Хранилища нет выше,
Помолимся! И нас Господь услышит!

Как нам понять...

Как нам понять ту глубину
Боренья смертного,
Когда
В саду оливковом Иисус молился: «Отче...»
Обрывки фраз во тьме весенней ночи
Апостолы чуть слышали сквозь сон...
А сад уже был стражей окружён.
С тоскою безысходною: «Спаси,
И чашу эту мимо пронеси!»
Он восклицал в безмерной муке,
К Отцу небесному протягивая руки,
Но сад уже был стражей окружён.
Её шаги по гулким мостовым
Он сердцем слышал, зная, что за Ним
Идут враги Его. Уже не долог час
До пыток и до казни, до распятия.
Сын Человеческий, страдающий за нас,
Молил Отца: «Пусть будут стойки братья!»
В тоске безмерной, зная, вышел срок, –
И он, Мессия, Божий Сын, Пророк,

Гоним, измучен, одиночек,
Среди толпы, бросающей проклятья,
Пройдёт свой путь последний до распятия.
И, зная всё, он молит звёздной ночью:
«Пусть минет эта чаша, Отче, Отче!»
Что пережил Он в эту ночь,
Лишённую надежды на спасенье.
В ночь смертного, тяжёлого боренья,
Гоня о смерти мысли прочь?..
Но тишина пока ещё вокруг,
И спят апостолы и звёзды тихо светят,
В саду оливковом листвою играет ветер...
А стража всё тесней сжимает круг.
И вот уж факелы, и шум вокруг, и крики,
И пламени мерцающие блики,
Трибун с солдатами,
А впереди идёт
Предатель, враг, Иуда Скарриот.
А поцелуй его, – змеиный ли укусок?
В глаза Иуде посмотрел Иисус:
«Так вот зачем пришёл ты, верный друг!»
И стража, наконец, сомкнула круг.

Голгофа

И свет померк,
На солнце пала тень,
Когда Иисуса на кресте распяла
 толпа безумная,
Стал ночью страшный день.
Толпа металась, плакала, кричала
И издевалась: «Сам себя спаси,
Как Ты других спасал...»
С укором на толпу с креста взирал
Иисус: «Прости им, Бог, прости,
Не ведают, не знают, что творят...»
И к небу обращал молящий взгляд.
У каждого свой крест,
А на кресте, –
Проклятье за грехи или прощенье,
Где смерть, порой, как жизни продолженье,
И смерти нет, где Дух царит Святой.

С ним двух разбойников распяли на крестах.
Народ ревел: «Спаси себя, Иисус!»
И пот,
 и кровь,
 и слёз солёных вкус.
И стон застыл на стиснутых губах.
Один разбойник злобствовал,
Другой молил: «Спаси Иисус, спаси!
Молитвой в Царстве Божьем помяни!»
Иисус сказал: «Сегодня же со Мной
В раю окажешься».
И землю скрыла тьма.
Казалось, плакала земля сама.
Плыл над Голгофой нестерпимый зной...
Сын Божий крикнул: «Отче, Отче мой,
О милосердии Тебя молю
И душу в Твои руки отдаю!»
И свет померк.
На землю пала тень,
Когда Иисуса на кресте распяли.
Казалось, звёзды на землю упали.
Как на кресте распятый
Умер в муках день.

Сын человечества

Ни мессия, ни пророк,
Просто очень одинок.
Просто в чём-то непонятен,
Просто все Ему как братья.
Средь пустыни шёл босой
С непокрытой головой.
Неприкаянно по свету
В рубище молвы одетый,
Нашу боль взвалив на плечи,
Шёл Иисус, Сын человеческий
Светел лик Его и строг, –
Ни мессия, ни пророк...

Странник

А странник, устав от пространства,
От странствий безмерных устав,
От готики и ренессанса,
От блеска и праха держав,
Как схимник скитаясь в пустыне
Сквозь сонмы летящих теней,
От вехи креста и доньне,
Един на иконах церквей.
Безвестно, безмолвно по свету
Сквозь ветер летящих веков,
В лохмотья столетий одетый,
Минуя вертеп городов.
Минуя безликие лица,
Пустыню остывших сердец.
Из чаши в руках не напиться.
Кто снимет терновый венец?
И все мы неумолимо,
Не ведая смысл бытия,
В забвение канем незримо, –
Осколки вчерашнего дня.

Наталия ДЖУРОВИЧ

Запиши моё имя на этом листке

Стихи

Плач медведицы

Я – медведица, согнутая спина,
В лапах сжала золото руна.
Улица-страдалица вздохнёт,
Сына-медвежонка уведёт.

В лапах – свиток рунный, как луной
Ниткой он пронизан золотой,
Сыну на прощание вручу
И по-матерински проворчу:

«Вечно бродишь, только лишь подрос.
Для кого же берег, лес и плёс?..
Для кого колосьев зрелый дух?..» –
Неспокоен материнский нюх.

Я ищу, я путаюсь в следах,
В кем-то перерубленных садах.
Нет, не ты, не ты то был, сынок,
Ты – не мог.

Ты – пещерный, скромный, щедр душой,
Вечно юный, навсегда – большой.
Бурный нор, а душа полна
Золотом небесного руна.

Гонят со двора неожиданный дар:
«Нюркиных курей вчера задрал!..»
Я-то знаю, это был не ты,
Ты хотел нести им доброты.

Камень и капкан тебе. И крест.
Для руна не хватит в душах мест.

Дорогому человеку

Нет, ты не оскудеешь. Ледостав
начнётся не с твоей застывшей тайны.
В тебе всё прорастает вертикально:
и лёд, и льдинка клавиши хрустальной,
до чуткости божественной достав.

Ты не сожмёшься, гранью голубой
царапнув сердце, градинкой не станешь.
Ты целой грудью за такое встанешь!
Как радуга, имея сто пристанищ,
Чужую боль укроешь ты собой.

Ты не озябнешь. Колос в седине
Как среброшлемный рыцарь бьётся с тризной.
Когда и я выросла в свою Отчизну,
Ты ближе стал, того не зная, мне.

* * *

Вот ведёрко трёхцветное
сын для камешков взял.
«Собирай их, заветные,
Да в своих не бросай!»

Видно, мнит их игрушками:
это – заяц, там – слон...
Мальчик горстку послушную
насыпает в ладонь.

Взяв один, полюбуется
отголоском скалы,
Строя «горы» на улице,
что не так уж малы.

Горы, домик... громадины –
Не разрушил бы кто.
На любого создателя
покушается зло.

Мир лютует и бесится,
как весной ледоход.
Сын в последние месяцы
слишком быстро растёт.

* * *

Раздаёт весна ордена,
Звёзды светятся в ветках сада.
Мне понятна отчаянная весна
Тютчева и Мачадо.

Грузовик, на стекле Колобок –
Добрый, мудрый рисунок детский:
«Ты катись, от беды недалёк,
Ты сумей вернуться, отец мой!»

– «Догоню! – прокричишь, – доберусь,
Успокой-водою умоюсь,
Белым соколом обернусь,
Сяду лихо в тамбовский поезд!»

Город тонет в потоке стрел,
превращающихся в колосья.
«Сыну завтра исполнится восемь.
Я приехать живым успел».

* * *

Записав полстрочки
Про степной туман,
Книжку записную
в спешке клал в карман
Звездоносец Пётр.
Отправляясь в бой,
строчки о любимой
уносил с собой.
В полночь или в полдень
Ныла боль потерь,

Были как сегодня
выстрелы смертей.
Пули пролетали,
молодость круша,
И одна такая
мимо не прошла.
Вот уже алеет
кровь, что есть во мне,
Ровно там, левее
звёзд, что на ремне
и немного выше,
там, где петь душе...
Но звучит всё тише
сердце среди траншей.
– Точен ли прицел твой,
ненавистный враг?
– В сердце офицера – точно! Только так.
– Нет, не так! Есть чудо,
или проще – Бог!
Это Он, покуда,
сердце уберёт.
Книжка записная,
Где любви слова,
что всегда спасала,
и теперь спасла...

Миллиметр до Жизни
Не дошёл снаряд.
Деда был победный
в орденах наряд.
С кровью из той раны
книжку я храню,
Сыну и праправнуку
передам броню.

Дай вам Бог, ребята,
книжки на груди,
где К.С. напишет:
«Жди меня ты, жди...» –
пусть звучит протяжно.
...На обложке – кровь...
Господи, для каждого
Книжечку сготовь!

* * *

Сдув с ладони тёплую пыльцу,
Жмурится от нежности духмяной
Мой малыш, ему она к лицу,
Мне ж к лицу – сынок мой долгожданный.

Август как парное молоко,
Благодарственный акафист в храме.
Лишь грустит за шторой окно,
заключённое в поблекшей раме.

Мы читаем строчки из псалмов,
прибаутки, сказки и потешки.
Вижу, ты на многое готов,
от того тревожней мне, чем прежде.

Непоколебимый Чудо-Кит
в детской сказке мощен и прекрасен.
Улетает в отдалённый скит
лето в одуванчиковой рясе.

* * *

Боже, я Рубцова старше,
а до истинных стихов
как до совести пропащей,
как до прежних женихов.

Боже правый, для чего же
рубит ангел за плечом
стих под грифом «се негоже»
– «ишь, удумала о чём!»

Только что такого – ветошь,
леность, сырость и хандра,
в «монтенегру» не поедешь,
Крыму нашему – «ура»!

Не поеду? – это кстати,
Чёрно-горе, изыди!
За ребят молитву сладив,
сын читает – листопадит –
как лампадою кадит.

Аля

С незримой сцены все кричат: «Алле!
Алле! Але! А я все слышу: «Аля!»
Ты знала красоту и в горбыле,
Его назначив сценой в «светлом зале».

В нехитром и досадном ремесле
Ты забывала всю несносность странствий
И детство, что задушено в петле,
и жалкие пейзажи Туруханска.

Бела как лебедь, нестерпима ночь:
не новобрачных снов ждала – барачных.
На стенах набросать была не прочь
графический орнамент веток мрачных.

В удушливом подобии кулис
Какой урок из несвобод получен.
Ты всей душой взлететь умела ввысь
От необъятной нежности паучьей.

* * *

Наготове душа – да бывает ли так?
Выбривает ноябрь всё заветное налысо.
Эта осень особенно с нами люта,
Наливаются зёрна и падают запросто.

Запиши моё имя на этом листке,
Пусть и я оторвусь, над собою не сжалившись.
Снова влажные капли на чёрном платке
И беспомощный взгляд на ребят уезжающих.

Не молитва и даже не горечь внутри,
Вырастают кресты, под крестами – родимые.
Ноябри, будто сороковины – смотри,
Как корявы слова и объятия мнимые.

Больше смерти с собой ничего не возьмёшь.
Остывают посевы на бороздах выпранных.
Не хочу признавать, что и ты здесь пройдёшь,
Если это так просто, то строки – бессмысленны.

Чёрных сосен негласный несносен устав:
«Завершается всё, даже муки родильные».
Вырастают кресты, застывают уста,
Целованьем последним согреться бессильные.

**Наталья
КОЛМОГорова**

От святого истока

Стихи

От святого истока

Дай только срок, Время вычеркнет нас
Из поимённых списков живых...
Вспомните всех у иконы не раз,
Павших на сече ребят молодых.

Землю сжимая в остывшей руке,
В небо ушли мы вчера налегке,
В небо ушли, никого не спросили,
Жили в России, служили России.

Что-то теперь? Ярых зорь киноварь,
Радуги в рай золотые врата...
Кровь наша жертвой легла на алтарь,
Красным кагором до дна испита.

Время списало нас враз и до срока,
Время безжалостно, словно палач...
Слёзы, они из святого истока –
Поплачь...

Землица

Там, где пушки голоса
И свистит дурной снаряд,
Умолкают птицы...
Был я свят или не свят,
Брат тебе или не брат –
Принимай, земляца!

Ты не мачеха, а мать,
Не хотел я воевать,
Кровью рук марая...
Пусть «катюши» верещат,
Отлетай, моя душа,
Птицей в кущи рая!

Вот земляца, кровь моя,
Капли пурпуром горят –
Пей за ради Бога!
Как бывало, по весне,
Шёл я с плугом по стерне –
Ртов голодных много!

Не жалели животов...
Караваи на Покров
Доставали с печки,
Помолясь на образа,
Глядя Господу в глаза,
Зажигали свечки...

Пей кровинушку мою!
У груди тебя храню
В красненькой тряпице,
Был не грешен и не свят...
Упокой своих солдат,
Схорони, земляца.

Памяти свет

Ночь зашла в истошном стоне,
Снова не усну...
Я в разбитом эшелоне
Еду на войну.

Руки грею о буржуйку,
Стынет в жилах кровь,
Холод – страшный. Голод – жуткий!
И бомбёжка – вновь.

Я погибну под Смоленском...
Или под Ельцом?
Не выдавший ласки женской,
Скошенный свинцом.

Безымянная могила,
Незнакомый лес...
Прах слезами окропило –
Дождь полил с небес.

Резеда и одуванчик,
Облетает цвет...
Сын Земли, безусый мальчик,
Восемнадцать лет.

Вместо хаты – склеп из глины,
Злая колыбель,
Осыпается калина
Кровью на постель.

А зимой – снега по пояс,
Летом – соловьи,
Я – родник. Я – хлебный колос.
Соль своей Земли!

Память – скорбь! И всё же кто-то
Обо мне взгрустнёт,
В день Родительской субботы
В тишине всплакнёт.

Память – боль! От этой боли
Хочется кричать...
Я в последнем эшелоне
Ехал воевать.

И оставшись там навечно,
Понял – смерти нет!
Если в сердце человеческом
Память – это свет.

Корни

С крестьянской жилкой,
худ и сед,
не скуп душою был мой дед –
Иван Корнеев,
он привечал в своём дому
чуваши, украинцев, мордву
и даже, говорят, в войну
сирот-евреев.

Был в поле первым,
на косьбе,
и жил в бревенчатой избе
не худо-бедно...
Покручивая чёрный ус,
он гостю предлагал на вкус
домашний квас и хлеба кус
на блюде медном.

Кусок последний
мог отдать
и уступить свою кровать
Иван Корнеев,
хотя семья была – ей-ей,
по лавкам – семеро детей,
но прадед завещал Корней:
– Живи по вере!

Всегда зри в корень,
сын Иван,
и коли гость не басурман,
святое дело –
под образами усадить,
перстами трижды окрестить,
вот эдак надо, сын мой, жить
на свете белом.

Был прав мой предок!
Каждый дом,
уж если гость пришёл с добром –
делись хлебами,

будь это грек, поляк, индус,
будь волос чёрен или рус...
Всегда была святая Русь
сильна корнями!

Живая водица

В деревне утро... Благодатный миг!
А я – природы малая частица...
Под горкой, у ракиты, бьёт родник,
Иду туда – к блаженству причаститься.

Вдруг вёдер скрип в звенящей тишине
Затеял с петухами перекличку!
Пищит комар, и вьётся в вышине
Пичуга – желтогрудая синичка.

Застыли в дрёме чуткие дома,
Ещё не слышно сонных криков стада,
В молочной дымке тонет урема,
И вьётся повилика по оврагам.

Сплетают травы радужную скань,
Босые ступни увлажнив росой...
Я ощущаю, как условна грань
Меж человеком, небом и землёю!

Черпну в пригоршню ледяной воды,
Вспугну невольно в речке отраженье...
В краю отцов оставлю я следы,
Я этих мест заветных продолженье:

Полей, лугов, где белый словно лунь
Растёт ковыль, и скачут кобылицы...
А мне навстречу шлёпает июль,
Чтоб из ведра отпить живой водицы.

Конь

Красная уздечка,
Жёлтая супонь,
Мне у синей речки
Повстречался конь.

На попоне – золото,
На копытах – пыль...
Конь ты мой кудлатый –
Небыль или быль?

Шагом или рысью,
Разгоняя грусть,
Только ветер свистнет –
Поглядим на Русь!

Только б над стремниной
Был ещё мосток,
Чтобы в край былинный –
По канве дорог.

В те места, где жито
Полнит закрома,
И в платках расшитых –
Русская Зима.

В те края, где щёлок
Мыло заменял,
И в штанах холщёвых
Каждый щеголял:

Нищий и вельможа,
Мальчик и старик...
Там ещё, быть может,
Не иссяк родник?..

А ржаное «море»
Плыть – не переплыть!
Догорают зори,
Отцветает сныть...

Тонкая подпруга
Память – ну и пусть,
Рассупоню друга,
Помолюсь за Русь!

Сергей КОЧУКОВ

Дорога домой

Очерк к 35-летию окончания Афганской войны

Дороги, дороги, дороги... Отчего многие авторы начинают свой рассказ именно с описания дороги своего героя? Будь то дорога в дали далёкие от родного порога или, наоборот, дорога домой. Будь то дорога на фронт или возвращение с войны. Вероятно, оттого, что дорога – это всегда возможность оглянуться назад, под мерный стук вагонных колес или шипение автомобильных шин вспомнить, что обрёл ты там, в недалёком, но уже прошлом, что потерял. Наедине с самим собой вспомнить и оценить, каким ты был в том, прошлом времени, каким остался в памяти тех, кто был тогда рядом. Вся наша жизнь по сути – это одна сплошная дорога. Не случайно же часто употребляем: «дорога длиною в жизнь», «жизненный путь», да и «в последний путь» – это всё о том же, всё о ней, о дороге...

...Последний день мая 1986 года Александр Лаврушкин провёл в дороге. Лихой московский таксист выжимал из потрёпанной «Волги» невозможное, а ему казалось, что едва тащится. Это была его дорога домой, дорога с войны, из Афгана. Ему бы крылья сейчас, но до родного Тамбова ещё сотни километров. Рядом дремал друг и одноклассник Генка Селиванов. Или делал вид, что дремлет, а на самом деле так же, как и Александр, предавался воспоминаниям или мечтам о будущем.

Вот! А говорят, что чудес не бывает! Ещё как бывает! Они, не видавшие друг друга едва ли не с выпускного вечера в их родной 13-й школе, встретились в аэропорту в Быково. Ошалело смотрели друг на друга, оба в полевой форме – «афганке», с ни с чем не сравнимыми задубелыми, тёмными от афганских ветров и солнца лицами. Немного хмельными и бесконечно счастливыми глазами. Что у каждого за спиной по 2 года войны, что воевали, по сути, в одних и тех же местах, поняли только сейчас. А когда узнали, что билет на сегодня до Тамбова только один, тихонько поматерились в сторону родного Аэрофлота и решили рвануть в Тамбов на такси. Расставаться в эту минуту и добираться по одиночке было не по-афгански, не по-мужски, и такой расклад даже не рассматривался. Генка

предложил было зависнуть в матушке-столице ещё на денёк, но Александр не мог – завтра день рождения его любимой, которая ждала его с этой войны. «Тогда чо торчим, как три тополя на Плющихе? Поехали, Санёк! Рванули! Надеюсь, что трасса Москва-Тамбов не такая раздолбанная, как между Кундузом и Файзабадом, помнишь, поди, домчим часов за восемь».

«Эх, Геннадий, ещё бы не помнить?! В отличие от тебя я даже дремать не пытаюсь; только закрою глаза, и уже не «Волга» и асфальт, а БРДМ-ка и под колёсами каменная дорога, а по сути тысячелетие назад пробитый в горах торговый караванный путь. И я на раскалённой броне, и в глаза извечная афганская пыль, которая по цвету, запаху, даже вкусу (не так скрипит на зубах) отличается от пыли где-нибудь на грунтовке под Тамбовом. А ещё это постоянное ожидание какой-то пакости на этой самой тысячелетней дороге, то ли фугаса под колёсами, то ли града пуль с кумулятивными снарядами попеременно из-за той вон симпатичной горки. Да нет, это не постоянный страх, это чувство как раз притупляется, а вот не проходящее ощущение опасности пополам с надеждой, что и на этот раз пронесёт, это как раз то, что сопровождало нас с тобой на афганских дорогах все два года, да тебе ли не знать. Ладно, спи, брат мой, шурави. Ну, и нервы у тебя?! Пряма – железо! Ты и вправду спишь... вон, то улыбаешься во сне, а то зубами скрипишь. Ладно, спи, спи...»

В памяти, словно кадры старой хроники, появлялись и исчезали обрывки воспоминаний детства в родном Тамбове, невысказанные шалости и проступки, кровные обиды, которые через день забывались, сформированные самими поведенческие кодексы чести. Всё как у большинства тамбовских пацанов – его сверстников. К окончанию школы с выбором определиться не успел; начал учиться в ТИХМе – понял, что абсолютно не его. Работал на заводе «Электроприбор», где трудились его родители. Там всё проще, но основательней и как-то надёжней. Нравилось ощущение взрослости и нужности, когда шёл через заводскую проходную. Через год выбор будет сделан и он станет курсантом тамбовского военного училища химзащиты. В 1983-м закончит и будет направлен служить в Казанджик. «Где это? И как там? «Белое солнце пустыни» видел? Вот, как-то так, где-то там...» О том, что Казанджик явится лишь перевалочной базой в его службе, Александр ещё не знал, но менее чем через год его направят в Афганистан. Отправят не в составе своей части, а на доукомплектование штатов частей Советской армии, увязшей в этой войне.

Аэродром в Кабуле, а дальше 201-я «кундузская» дивизия и должность командира взвода химической защиты ставшего потом родным 124-го полка. Должность и служба весьма специфическая, и в той войне не нашедшая своего применения. Всего один раз принесли офицеры, вернувшиеся с очередного задания, странного вида гранату с надписями арабской вязью: «Возможно, по вашей части, химики». Нет, оказалось, допотопное взрывное устройство, древнее, как сама земля афганская. Зато взвод был самостоятельным и в состав рот, батальонов не входил. Был извечным личным резервом командира полка, для затыкания всякого рода дыр в непредвиденной боевой обстановке. Так и получилось, что

все два года Александра и его ребят бросали то на боевое прикрытие важных складов, то на сопровождение колонн с продовольствием, медикаментами, вещевым снаряжением и боеприпасами. Возникали новые задачи, и вот они уже на усилении блокпостов, или на зачистке кишлаков, или в разведпоиске в горах. А поскольку во взводе было отделение огнемётов «Шмель», то жарких и сложных боестолкновений хватало сверх меры.

О своём первом бое он помнил только то, что он был первым и тяжёлым. Их колонна попала в засаду. Ничего другого потом вспомнить не мог, отложилось только, что много и, по-видимому, безрезультативно стрелял, дико кричал, и всё никак не мог остановиться, когда уже всё стихло.

Потом этих засад, обстрелов, подрывов было немало, и Александр перестал психовать, вёл себя уверенно, действовал расчётливо. Вместе с сапёрами под обстрелом духов они рвали взрывчаткой нависшую над горной дорогой скалу, расширяя путь для танков, вместе со стрелками входили в «зачищенный» «царандоем» кишлак, а он вдруг встречал шквалом душманского огня. Вместе с разведчиками искали и нашли-таки огромный, надёжно упрятанный в пещерах склад оружия и боеприпасов, вместе с другими подразделениями принимали участие в масштабной операции против Ахмад Шаха Масуда в Панджшере. Его взвод воевал всюду, а считалось, что он всего лишь кого-то поддерживает, кому-то помогает, чего-то там обеспечивает. Хотя надо должное отдать, среди офицеров полка он был в авторитете, да и командование ценило как толкового и ответственного командира. Александр заулыбался, не его это личная оценка, от того самого начальства неоднократно слышал. После улыбки на лице вдруг печаль и озабоченность – он был всё ещё там, в родном полку, среди настоящих друзей. «Как вы там, ребята? А Петрович из госпиталя уже вернулся? А начштаба сменился? Как там молодое пополнение? Вживается?.. Эх, встретятся ли в дальнейшей службе такие же друзья?» Другой голос назойливо твердил: «Чо загрустил, старлей? Радуйся, дурачок, позади твоя война, позади. Вся жизнь впереди, и ты живой и почти невредимый!»

Сашка опустил стекло, ветер, свежий и прохладный, ласкал лицо, а вид омытых майским дождём бескрайних ярко-зелёных всходов радовал глаз. Начал спорить с этим «вторым»: «Да я ничего, сам видишь, радуюсь. Только куда эту боль денешь, куда выкинешь из памяти? За эти два года я потерял 28 друзей-товарищей. Ты только вдумайся! 28! И это не просто где-то там, эти, кто совсем рядом был, с кем близко общался. И цифра какая-то символичная, вроде как из той, ещё дедовской войны». Есть за что ему, военному химику, невзлюбить этот элемент из таблицы Менделеева под названием цинк.

Не раз приходила мысль, что вполне мог стать «двадцать девятым», нарисовалась уже к концу службы такая перспектива. В их полку, да и в большинстве частей 40-й армии, было не принято направлять на задания солдат и офицеров, кому подходил к концу срок службы в Афганистане. Навоевались уже, поберечь бы надо. К тому времени Александр как раз к той категории относился, потому командир полка не приказал, а попросил прикрыть очередную колонну.

Что делать, если один из офицеров из отпуска ещё не вернулся, другого желтуха подкосила, третий зелёный совсем, в Афгане без году неделя. «Выручай, Саша, в последний раз. Да там и делов-то. Дорога проверена-перепроверена, последний месяц там тишина, туда-сюда смотаешься, а представление к медали за мной...»

Его БРДМ-ка в этом сопровождении подорвалась на mine. «Итальянка» – мощная мина нажимного действия. Будь ты проклята, и те, кто тебя придумал. Её не брали миноискатели. «Любовь душманская», «сука пластмассовая», так звали её саперы. Она взрывалась не под первой, а под второй, третьей... десятой машиной. По некоторым данным, причиной был специальный заводской брак. Когда поставлена была, теперь уж не узнать, может, месяц назад, а может, прошлой ночью, но их БРДМ-ка оказалась третьей. От множественных осколков его спасли два старых бронежилета на полке под ногами и то, что он сидел сверху на броне, свесив в люк ноги. Страшным ударом его сбросило с машины далеко на обочину. Он потерял сознание и очнулся только в госпитале в Пули-Хумри. Контузия была тяжёлой, голова раскалывалась от боли, он ничего не слышал, не мог произнести ни слова.

Кто сказал, что чудес не бывает? На чудеса Сашке везло. Над ним склонился доктор, настоящий профи в травмах, связанных именно с контузиями. У него было доброе лицо уверенного в себе человека: «Что, очнулся, земляк? Уже неплохо. Что, не слышишь ни хрена? Не дрейфь, это так положено. Когда слух восстановится, я тебе расскажу, что тоже родом из Тамбова, будем вспоминать, как чудили по молодости и на твоей Шацкой, и на моей Лермонтовской. Ещё раз говорю, не дрейфь, я тебя на ноги поставлю, в практике у меня и не такое бывало...» И ведь вылечил и на ноги поставил.

Александр вздохнул тяжело: «Сколько же их было, таких вот, кто тащил тебя из-под обстрела, кто делился собственным пайком и собственным теплом, кто вырывал у смерти и реально маячащей инвалидности в будущем? Кто... До конца жизни буду помнить...»

Узкая трасса в две полосы заметно испортилась где-то после Михайлова, он поглядывал на спидометр, на что таксист из породы матёрых водил заметил: «Не торопись, тише едешь – дальше будешь», – и без всякого перехода: «Ну как там?» – «Где? А, за речкой... Да всё нормально... Парки сажаем, дороги строим, местных учим развитому социализму. Правда, у них там пока ещё феодальный строй с элементами рабовладельческого. Не всегда получается...» – и смолк. Таксист внимательно посмотрел через зеркало на этого немногословного старшего лейтенанта и счёл нужным больше вопросов не задавать.

Александр смотрел на пробегавшие стороной дороги берёзовые рощи: «Рязанские, это же почти наши. Надо с Людмилой непременно на природу вырваться, надышусь, налюбуюсь...» Пытался представить встречу с родными, с любимой. Всего несколько часов – и он дома. А там мама! Бесконечно любимая, бесконечно родная! Сколько же тебе пережить пришлось за эти два года? А этот неизвестно откуда распространившийся в его родном училище и дошедший до

родителей слух, что он погиб. Как такое пережить? И сколько дней прошло, наконец, до известия, что он в госпитале. Хорошо хоть без подробностей, о том, что он в это время барахтался в глухоте, немоте и бесконечной головной боли. Вчера, как прибыл из Ташкента в Москву, было искушение позвонить сообщить о скором приезде, сдержался. Пусть будет сюрприз.

Отец... Вот кто с ранних лет был непререкаемым авторитетом для Саши. Он ни разу не повысил голос, а сын – ни разу не посмел ослушаться. Он гордился отцом. Ещё бы, ведь фотография отца висела на Доске почета «Лучшие люди Октябрьского района г. Тамбова». Не имея высшего образования, он являлся ведущим инженером завода «Электроприбор», был награждён орденом «Знак Почета», был делегатом 24-го съезда КПСС. Да, родители, сюрпризов вам будет немало; и знакомство с Людмилой, и сообщение о предстоящей с ней свадьбе.

Проснулся одноклассник, взъерошил волосы, в окно выставился. «О, Зимарово уже, скоро Первомайский пост, здравствуй, малая родина...» – «Генка, у тебя костюм и галстук есть? Свидетелем на свадьбе тебе быть». – «Не, ни костюма, ни галстука, они в бывшей части, в Ульяновске, а на чьей свадьбе?» – «Ну, ты балда, на моей, разумеется!» – «Да не вопрос, Санёк, нам теперь только и гулять. А галстук? Чем тебе афганка не нравится? Постираю, отглажу, стрелочки наведу, подворотничок свежий – держись невестины подружки!»

Дорога уходила всё дальше и дальше, и что ждало там впереди? Мог ли он предположить, сколько раз в будущей жизни ему придётся возвращаться этой дорогой домой, пока, выслужив положенные календари, он не вернётся окончательно в родной город. Мог ли предположить, как помутает его с семьёй по дальним гарнизонам необъятного Союза. Что придётся пережить такой ужас и отчаяние, которые окажутся страшнее афганских. Он служил тогда в Армении, в Ленинакане, жил с женой и полуторагодовалой дочкой в девятиэтажке. Всё ладилось, и в семье, и по службе. Но в декабре 1988-го случилось то самое страшное землетрясение, разрушившее до основания десятки городов и населённых пунктов республики, унесшее жизни тысяч людей, ещё большее число искалечив. На его несчастье, он оказался за двести километров, в командировке. Вернуться удалось достаточно быстро, и он словно попал в фильм-катастрофу. Поверженный в прах красавец-город и сотни людей, копошащихся в обломках в надежде найти близких. А из-под обломков стоны, стоны. Шансов найти своих среди живых было немного. Надежда появилась, когда увидел свою девятиэтажку, которая, словно тяжело израненный витязь, торчала среди разрушенных до земли собратьев, глазела на этот жестокий мир разбитыми окнами, сорванными с петель дверьми. В одном из уцелевших зданий в своей части отыскал, наконец, Людмилу в одежде с чужого плеча, с маленькой Иринкой на коленях. Услышал жуткий рассказ, как ей пришлось с дочкой спускаться вниз, в непроглядной пыли, на ощупь, по лестничным пролётам, многие из которых были разрушены. Ему придётся собрать всю волю в кулак, сделать всё невозможное, чтобы в последний момент втиснуть жену с дочкой в отлетающий в Москву ИЛ-76. Сам он, разумеется, оставался, чтобы вместе с сослуживцами, вместе с армянами до конца испытать эту

чашу бесконечного горя и страданий. В жизни не забудет, как старик армянин, протягивал ему топор и просил рубить ногу своей погибшей взрослой дочери, зажатую неподъёмными плитами перекрытий. Старик опасался, что тело близкого человека растащат обезумевшие в одночасье собаки.

Мог ли предположить, что сослуживцы будут завидовать ему, что местом очередной его службы будет утопающий в зелени и тёплой неге Чернигов. Тем более не знал, что место этой службы во время Чернобыльской катастрофы окажется внутри 100-километровой зоны, всего в 62 километрах. И что ему, начхиму полка, вновь придётся идти в бой. В свой очередной бой, обвешанному зашкаливающей всеми стрелками аппаратурой, с болью в сердце не за себя, за близких, за страну свою многотрадальную.

Думал, что последнее это из испытаний. Ан нет! Страшное ждало ещё впереди. Развал Союза и предложение принимать присягу незалежной Украине либо валить в свою Московию. А ведь видел, уже тогда видел, что они, хоть и не плясали бесовские пляски на майданах, но ножками уже притоптывали. «Да пошлите вы все... Майор Лаврушкин один раз присягал, и присяга одна на всю жизнь. Да подавитесь вы и квартирой и всем прочим!»

Потом будет доживание до пенсионного возраста, и он, не сломленный никакими испытаниями, рано поседевший от них советский офицер будет плакать. В буквальном, а не переносном смысле плакать, когда будут разваливать, разрушать ЕГО армию, разрушать не только её, непобедимую, а и душу её непобедимых когда-то воинов, превращая отдельных из них в хапуг, воров, расхитителей. Что смирился и только плакал втихомолку? Нет! Он, как мог, противостоял этому, и однажды друзья едва отмазали от суда, когда он избил вышестоящего начальника за то, что тот увёз на собственные гаражи рубероид, предназначенный для ремонта крыши химлаборатории их части. Дослуживал в Боброве Воронежской области, потом в Наро-Фоминске Московской...

А пока, а сейчас? Сейчас шёл 1986-й, и Сашка просто бесконечно счастливый и с сердцем, готовым выскочить из груди и рвануть впереди авто, возвращался домой. «Что там за окошком? Изосимово? Турмасово, вот уже остался позади поворот на Мичуринск! Дома мы, братишка, дома!»

Татьяна СТОЛЯРОВА

Домой

Рассказ

– Что ты молчишь и злишься, как дура?

Лера действительно от самого Донецка не произнесла ни слова. Не хотелось ей ничего говорить.

– Ты хоть представляешь, что тут начнётся вот-вот? И главное, смысла никакого! Куда им против армии!

Вдоль мариупольской трассы тянулись поля подсолнуха. Уже поникшие тяжёлые корзинки и тёмно-зелёные лопушистые листья...

«Вот, подсолнушки люди сажали... А придётся ли убирать?»

К Донецку стягивалась украинская армия.

– Ну ничего, психуй. Приедем, на работу пойдёшь, успокоишься. А к Новому году тут всё закончится, и вернёшься.

Лера сжала кулаки и сунула их за спину, чтобы не огреть ненароком Альку по затылку.

«Тише, тише! – скомандовала она себе. – На её машине едем!»

Если бы только машина! Жить предстояло тоже у подруги. После развода Алька благоденствовала с дочерью в трёхкомнатной квартире. И усиленно зазывала Леру к себе.

Дозвалась.

«Имела б я в виду такие гости».

До сих пор дамы тесно общались. Но теперь дружба грозила оборваться в любой момент.

Подсолнухи всё не заканчивались.

– Тебе жизнь дороже или ленточка георгиевская? Или папины ордена? Папочке на том свете легче станет, если ты досрочно с ним встретишься?

Подруга тоже заводилась – всё сильнее и сильнее. Сейчас Лера на неё смотреть не могла – не то что отвечать.

«Может, вернуться? Пока не поздно?»

Но, во-первых, работа, связанная с разъездами по области и регулярными визитами в Харьков, на глазах накрывалась медным тазом, а во-вторых, лицензия зелёного вертолётника, по-хозяйски прошедшего над Южным вокзалом, оптимизма не вызвало.

Было это уже после взятия аэропорта украинским десантом. Лера ждала автобуса в Енакиево. И появился этот вертолётник. Низенько летел, вальяжно. Люди оцепенело застыли, задрав головы. Никто даже с места не сдвинулся, не попытался спрятаться в здании вокзала. Возможно, ещё не верили, что будет стрелять (хотя знали, что с таких же стрекозок поливали пулемётным огнём посёлок на Путиловке). А может быть, чувствовали, что бесполезно.

Стрелять не стали, презрительно развернулись и удалились. Как будто пригрозили: ждите-ждите...

– Вот, последний дыровский блокпост. Дальше украинские пойдут. Смотри, не ляпни там чего! А то сейчас молчишь, а где не надо рот откроешь!

«Дыровский»!

Кулаки снова сжались.

Блокпост был основательный. Прямоугольное укрепление из бетонных блоков, с бойницами, обложенное мешками с песком. На обочине – пара шалашиков, костерок – еду, наверное, готовят.

Четверо ополченцев проверяли документы. Действовали споро, привычно, поэтому машин скопилось немного.

– Видишь, уже и очереди нет! Все, кто соображает, давно уехали. Только тебя надо месяц уговаривать!

«Выйти покурить, что ли?»

Обычно Лера курила очень редко. Под рюмочку, под кофе, под задушевную беседу. Пачка сигарет у неё жила два месяца. Но вот сейчас захотелось – до смерти просто!

Она выбралась из машины и закурила.

Алька выглянула, посмотрела косо, но ничего не сказала.

В поле на противоположной стороне, как раз напротив того места, где они остановились, торчал какой-то холмик, поросший кустарником. Непонятно было, сам он когда-то образовался или же был насыпан. Судя по размерам кустарника, давно.

Лера смотрела на ополченцев. Она уже давно заметила, что при виде их успокаивается. С самого начала, встретив кого-нибудь в камуфляже на улице, непременно провожала взглядом. Небрежно закинутае за спины автоматы не пугали, наоборот – хотелось взять оружие в руки, взвесить, погладить, понюхать...

«Жалко, стрелять в своё время не научилась. Пошла бы сейчас добровольцем, и гори оно всё...»

Впрочем, можно обойтись и без стрельбы. Поварихой бы взяли – кашу стряпать.

Она подумала о том, что вот ещё минут пятнадцать пути – и «своих» она уже не увидит. Машину окружают люди в таком же камуфляже, но, скорее всего, в

балаклавах, и взгляды у них будут сквозь эти дырки презрительные, начнут трясти багаж, отпускать грубости «мовою», ещё «сепаркой» обзовут...

Леру передёрнуло.

«Как я буду там с этим жить?»

– Отошли бы вы от машины. И вы, женщина, выходите.

Лера обернулась.

К Алькиной «Тойоте» подошёл один из ополченцев.

«Ух ты! Какой мужик интересный!»

Лицо у ополченца было того типа, который Лере больше всего нравился – высокий лоб, выступающая челюсть, русые волосы и огромные светлые глаза. И борода – как у её с детства любимого артиста.

«Интересно, он дончанин?»

– А что? – Лера постаралась взглянуть на мужчину пококотливее. – Не положено?

– Не в этом дело. Укры уже несколько дней подряд неожиданно обстрел начинают. Мало ли что. Лучше от бензобака подальше быть.

– А вы давно воюете?

– С самого начала.

– А что ж на блокпосту? Я слышала, тут только новички дежурят!

– Это временно. Переформируют нас...

– Из Донецка?

– Макеевчанин.

«Уже хорошо!»

– Лерка, тебе говорят! – рывкнула Алька, выбираясь из машины. – Потом я виновата буду, если тебя пристрелят!

– Лера? – улыбнулся ополченец.

– Валерия.

– Очень приятно. А я... – мужчина внезапно замер, словно к чему-то прислушиваясь.

Откуда-то с запада донеслась пулемётная очередь. И тут же – звуки разрывов.

– Начали, вурдалаки, – сплюнул так и не успевший представиться ополченец. – От машины отойдите! – и ринулся куда-то вперёд.

Леру зазнобило.

«Какого чёрта я сюда попёрлась? – пискнул в ней маленький трусливый зверёк. – Дома ещё бабка надвое сказала, а здесь... Не хватало ещё в чистом поле сгинуть!»

– Ложись! – вдруг раздался чей-то истошный крик.

Какое там! Она и пошевелиться не могла. Буквально остолбенела. Противный свист парализовал её окончательно. Как при замедленной съёмке, в пятидесяти метрах расцветал пыльный цветок...

Грохот резко ударил по ушам. Лера отмерла, завертела головой, пытаясь сообразить – куда деваться? И вдруг ноги сами понесли её через дорогу к холмику.

Умом она понимала, что именно сейчас, сию минуту совершает смертельно опасную глупость. Твёрдо знала, что при обстреле или бомбёжке бежать нельзя ни в коем случае – падай, где стоишь, и точка! Покойная мама говорила, что так погиб её двоюродный брат. Дедушка, мамин папа, забрал в эвакуацию племянника, а на станции Красная Могила (в Донбассе же, в Луганской области!) эшелон стали бомбить немецкие самолёты. Мальчик испугался и побежал от насыпи в степь...

– Ему кричат: «Юра, не беги! Юра, падай!» – а он остановиться не может, – рассказывала мама. – Осколком убило... Дед твой всю жизнь себе простить не мог...

Нечто подобное сейчас испытывала и Лера. Она чувствовала, что если перестанет перебирать ногами, то упадёт поперёк дороги, а на ней страшно, на самом виду, надо непременно добежать до этого холмика и под ним укрыться!

– Стой, идиотка! – орала Алька сзади.

Опять этот противный свист!

Думала ли мама, что и её дочери придётся от обстрела прятаться?

Лера с размаху шлёпнулась у подножия холмика и вцепилась в траву.

Холмик доверия не оправдал. Через секунду он содрогнулся от глухого удара такой силы, что сердце стукнулось о грудную клетку (подобное ощущалось рядом с ударной установкой на рок-концерте). Земля стала осыпаться, поползла под руками. Лера зацарапала её пальцами, но задохнулась, в глазах посерело, заплясали радужные точки...

* * *

– Лера! Лера! Вы живы?

Кто-то тряс её за плечо.

Она с усилием передохнула, открыла глаза. Заморгала.

– Слава Богу! Всё цело?

Над ней склонился тот самый ополченец, с которым они беседовали, казалось, целую жизнь тому назад.

– Кажется, всё, – просипела она, хотя была вовсе в этом не уверена.

– Вставайте... Осторожно! Куда ж вы рванули!

– С перепугу, – Лера слабо улыбнулась.

– Нельзя же так!

– Я знаю... просто от неожиданности...

– А вы знаете, что в рубашке родились?

– Почему?

– А вот сейчас увидите.

Он помог Лере подняться. Она оглядела себя и ахнула. Вся одежда перемазана землёй, на коленях и груди – зелёные следы от травы. В довершение удовольствия, из волос посыпался песок.

– Какой ужас!

– Это не ужас, ужас – вот он!

На этот раз она не смогла издать ни звука. Медленно до неё доходило, что, собственно, произошло.

В двух метрах от места, куда плюхнулась Лера, из развороченных кустов торчал такой себе аккуратный конус.

– Что это? – наконец выдавила она.

– Это, извольте познакомиться, мина. Осколочная. Целенькая, к счастью. Иначе бы мы вас сейчас по кусочкам собирали и в коробочку складывали.

«Вот почему взрыва не было, только удар!»

– И что теперь с ней делать?

– Вам – отойти наконец отсюда. Сапёров уже вызывают.

И он с силой потащил Леру к дороге.

Там стояла разъярённая Алька.

– Дубина стоеросовая! Вот помогай таким! Тебя что, чёрт за пятку укусил?

– Женщина, помолчали бы! – неожиданно резко осадил её ополченец. – Вашей подруге и так плохо, а вы орёте!

– Я же ещё и виновата! Хочешь, как лучше, вытаскиваешь тебя из этого гиблого места...

– А не надо меня вытаскивать! – вдруг завопила Лера. – Сама проваливай к своим укропам! Никуда я не поеду! Открой багажник сейчас же!

Алька остолбенела.

– Ты что, умом тронулась? Хочешь, чтоб тебя вместе с этими, – она кивнула в сторону ополченцев, – зачистили?

– «Эти» нас своими жизнями прикрывают! От выродков-фашистов, которые в беззащитных людей минами пуляют! Никто в Донецк не войдёт, поняла? Давай сюда мои вещи!

Лера рванула дверцу, наклонилась и выхватила из машины сумочку.

– Ну ладно, – процедила Алька. – Пожалеешь, да поздно будет.

Она взяла пульт и открыла багажник.

– Давайте помогу. Какие тут ваши?

К удивлению Леры, мужчина сам вытащил её сумки и отнёс на обочину.

– А вы проезжайте, – холодно обратился он к Альке. – Дорога свободна. И вообще... поспешите, пока ваши друзья опять веселье не начали.

Не попрощавшись, Алька хлопнула дверью «Тойоты» и подъехала к проверяющим. Через пару минут её уже не было.

– Ишь ты, – хмыкнул ополченец, – «гиблое место»... Из-за таких вот укры так глубоко и продвинулись. Вместо того чтоб оружие в руки брать, здоровые мужики в Россию бегут. А бабы вместо поддержки... зачистку ждут!

– Ну, не все же, – Лера вдруг стало весело. – Вот вы здесь. И я теперь точно никуда не уеду!

«Нервное. Хоть бы истерика не началась. Неудивительно».

– Как же мне теперь в Донецк вернуться? Не знаете, тут никто не возит?

– Да стоит тут один обычно... Если не удрал... Нет, вон он! Позвать?

– Да, пожалуйста...

Мужчина замахал рукой и свистнул.

Подъехали раздолбанные «Жигули».

– В Донецк, дамочка? Поехали!

– А вы так и не сказали, как вас зовут... – растерянно сказала Лера. Она понимала, что людям сейчас не до неё, дорога и мина... но уезжать так не хотелось!

– Ах, да! – спохватился ополченец. – Андрей! Лера, а вы... телефончик свой не дадите?

– Конечно! – возликовала Лера. – Записывайте!

Андрей поспешно вбил номер.

– Не знаю, куда зашлют, но позвоню обязательно! Надо же убедиться, – он хитро прищурился, – что с вами всё в порядке! После такого потрясения!

– Спасибо, вы мне так помогли!

– Да не за что. Ну, я побежал! Всего доброго!

– Ну так что, дамочка, едем? – стал проявлять нетерпение бомбила.

– Да, да... Вот сумки...

А ведь когда-то война казалась совершенно невозможным событием! Лера до сих пор не могла сообразить – как же так? Чтобы здесь, в рабочем Донбассе, в мирном и трудовом регионе, далёком от всех горячих точек, вдруг заговорили пушки? Чтобы Украина объявила Россию врагом и захватчиком? Появились гнусные, липкие словечки: «ватники», «колорады»?

В далёком советском прошлом в школе учили:

Проти ворога лихого
Подала нам допомогу
У криваві дні Москва.
А тепер у праці мирній
Помагають друзі вірні,
Шлють верстати й трактори.
Бо єдина ми родина,
Бо Росія і Україна –
Нерозлучні дві сестри.

До определённого момента было безразлично, на каком клочке разорванного Советского Союза кто оказался – все привыкли считать его единым целым. Язык не вызывал раздражения. Стихотворение «Зима» Владимира Сосюры в четвёртом классе было её любимым!

Десь там осінь за горами
І, немов громи,
Б'є об землю копитами
Білий кінь зими...

«Тореадори з Васюківки» Всеволода Нестайко Лера считала самой весёлой детской книжкой, несмотря на то что сама – русских кровей, в родословной украинцев не было...

А ещё на украинском неплохо читались переводы с польского. В годы, когда популярные книги на русском языке в Донбассе купить было почти невозможно ввиду насильственной советской украинизации, польскими детективами как-то обходились. Тадеуш Доленга-Мостович, Анжей Збых... А если «выбрасывали» хорошую русскую книжку, к ней «в нагрузку» обязательно цепляли что-нибудь «мовою»!

Но, несмотря на все усилия, «мова» не очень-то приживалась. Лере вспомнилось, как они с мамой, любительницей детективов, отстояв очередь, купили «Ставка більше за життя» Збыха. Она тогда разочарованно спросила:

– Мама, ну зачем их сюда привозят? Ну, в школе учим – понятно. Но читать-то лучше на русском!

– Наверное, украинцы читают, – ответила мама.

Лера даже посреди дороги остановилась.

– Украинцы? А где они?

«Співуча мова солов'їна...» Возможно. Когда на ней песни поют да стихи сочиняют, а не кричат: «Москаляку на гіляку!»

Мужик балаболит что-то своё – что такой обстрел был уже три раза, а он всё равно ездит, зарабатывать-то надо, и дома у него новенькая «Шкода», перед войной купленная, а эту развалюху хотел продать, да вот пригодилась, её не жалко...

«А себя тоже не жалко?» – хотела она спросить. Но в дискуссию решила не вступать – его жизнь, пусть как знает... К тому же накатывало какое-то странное спокойствие. Хорошо, что осталась! Всё своё, родное, и сама – на своём месте!

По свободной дороге в Донецк добрались быстро. Да и на улицах машин попадалось мало. Город пустел. И это оскорбляло Леру до слёз. Словно это от неё, попавшей в беду, убежали друзья и близкие...

«Зажрались! Привыкли к хорошей жизни! Чуть трудности – как крысы с тонущего корабля! Прав Андрей... Ну нет, мы не потонем, не дождётесь. Ничего, не пропаду. И работа найдётся».

В городе было очень чисто. Даже клумбы цвели, как ни в чём не бывало.

Лера ехала домой.

Михаил АФОНИН

Тося

Рассказ

Своему автомату Женька сразу дал имя. Нет, не какое-то там героическое, типа «Змей» или «Томагавк», и даже не «Свинобой», ироничное, намекающее на цель и результат. Всё гораздо проще и даже обыденней, что ли. Тося. Эти четыре буквы, хоть и не положено по уставу, Женька выцарапал на прикладе.

– Баба твоя? – первое, что спросил ротный, когда увидел надпись. Он и не думал его ругать или объявлять «наряды вне очереди», как в фильмах про войну и армию.

– Ладно, можешь не отвечать.

И Женька не ответил. А вот в казарме, товарищам по оружию, таким же добровольцам, пришлось рассказать, всё как есть.

– У отца такая татуировка была, – немногословный, он надеялся, что на этом дружеский «допрос» закончится.

– Мамку Антониной звали? У меня соседка была, баба Тося. Антонина Ивановна, если по паспорту, – спросил Славка Богородов, Женька запомнил его имя сразу. Его родного брата тоже звали Славой.

– Маму звали Людмила, – как можно скучнее, в надежде, что отстанут, ответил Женька.

– Тогда что за Тося? Ошибка молодости? – Славка рассмеялся, а за ним и остальные. – Бывает. У моего бати якорь наколот, а в море ходил только на надувном матрасе.

Насчёт «ошибок» Женька рассуждать не стал:

– Покурю, пока есть возможность, – он встал и, не дожидаясь, вдруг кто решит с ним за компанию, ушёл в курилку.

Не рассказывать же всем, на самом деле, что папка у него неродной. Мама вышла замуж, когда ему только исполнилось четыре. В «свадебное путешествие»

молодожёны, если можно так сказать, поехали в посёлок Мелекино, на первый спуск. Это под Мариуполем. Младшего сына, а детей мамин муж сразу усыновил, взяли с собой. Женькин брат, Слава, остался дома. Ему в тот момент было уже тринадцать. А значит, есть свои подростковые дела: и «отработки» в школе, и летний трудовой лагерь, тоже от учебного заведения. «Не младенец», такое определение Женька услышал от родителей. Правда, не понял смысл. Разве не очевидно, что Слава не в пелёнках и не просит соску?

– А что тут написано? – Женька показал на наколку. В четыре мальчик ещё не умел читать, поэтому спросил у папы. Он сразу стал так называть этого, почти незнакомого на тот момент, мужчину. Впоследствии выяснилось, что детское сердце не ошиблось. Женька и Слава получили любящего их и мать заботливого отца и мужа.

– «Тося» написано. Знаешь, что это означает? – папа посадил Женьку к себе на плечи. – Видишь, вон там кораблики? С песка-то не видать!

– Не знаю. Что значит? – Женька рассматривал морские суда, бывшие, скорее всего, баржами.

– Это счастливые буквы. Расшифровывается – Твоим Отцом Стану Я. ТОСЯ, если по буквам. Понял? – мужчина лукавил, но малышу знать этого совсем необязательно. Была когда-то Тося, да вся вышла, а наколка осталась.

– Понял. Я тебя люблю! – Женька изогнулся у папки на плечах и поцеловал того в макушку. Мама, наблюдавшая за всем этим со стороны, только улыбалась.

Мамы не стало через два года. Погибла она до обидного нелепо. Не сторепа от онкологии или ещё от какой болячки, нет. На автостанции «Центр», которую в народе именуют не иначе как «Яма», её насмерть задавила маршрутка.

Мамин муж, теперь вдовец, детей не бросил. Он стал заботиться о них за двоих. Это был 2006 год.

Начало Майдана 2013 года в памяти Женьки не отложилось. А вот Новый 2014 год запомнил хорошо. Отец тогда остался без работы, предприятия в Донецке, где они жили, потихоньку схлопывались. То есть закрывались одно за другим. Хотя, если положить руку на сердце, это «потихоньку» стало стремительным и скоротечным. Но Женька тогда, по малости лет, такие тонкости не замечал.

За новогодним столом, а семья никогда не нарушала народные традиции и собиралась вместе, отец произнёс речь. Только не обычный праздничный тост, а совсем даже наоборот.

– Я поеду в Киев. Говорят, там деньги платят на майдане этом. Попрыгаю, с меня не убудет, – отец залпом махнул бокал шампанского, поставил его на стол, подумал, налил себе снова и снова выпил. – Иначе, братцы, нам хана. Жить не на что.

– Я с тобой, – старший, Славка, отпил из своего бокала. – Двоим больше заплатят.

– А я? – в Женькином бокале пузырился лимонад, но он тоже, как все, сделал большой глоток.

– А ты дома, – отец накладывал себе салат оливье.

– Один? – удивился Женька.

– Один. Не младенец, – Славка взял салатник из рук отца, положил оливье в тарелку брата, а после и себе.

В памяти Женьки всплыл «не младенец» из детства. Ему уже тринадцать, как тогда, во время их отдыха в Мелекино, Славе. Только мамы больше нет.

– Я спать пойду. С Новым годом! – Женька ушёл в свою комнату.

Отец со Славой уехали. Деньги они действительно привезли. Некоторое время семья жила безбедно.

– Если бы знал, на что подписался, ноги бы моей на майдане не было, – позже, когда начали обстреливать Донецк, говорил отец. Естественно, он произносил это только в кругу семьи. Выносить такой постыдный факт из биографии на суд общественности в Донецке означало стать изгоем. Объектом насмешек – так вообще сто процентов.

Женькин папа чувствовал свою вину за то, что происходило. Как человек здравомыслящий, он понимал, что был только каплей в море, но совесть не давала уснуть всё равно. И ответственность за детей, хоть Слава уже давно был не ребёнок.

Именно из-за чувства долга перед детьми любимой женщины он не пошёл в ополчение. «А ну как убьют? Как вы без меня? Или ещё хуже – стану калеккой. Вам и так тяжело, а будет ещё хуже. Стану обузой», – говорил он детям.

Отец пошёл работать электриком. Его бригада восстанавливала повреждённые украинскими обстрелами линии электропередач. Служба, по военным временам, очень опасная, но на рожон он не лез и работал на совесть. Это несмотря на то что четверо из его бригады погибли прямо во время выездов на объекты. Каратели не жалели никого. Видят, что приехали ремонтники, – обычно открывали по бригадам огонь из миномётов или делали работяг мишенями для снайперов.

Слава тоже без работы не сидел. Первое время он торговал на рынке, как сам говорил, «работал на дядю», а после организовал свой бизнес. Парень ездил на Украину, закупал там всякие колбасы, приправы и прочее, что требовалось в Донецке. Город в то время находился в жёсткой блокаде, украинским товарам большая дорога была перекрыта, а российских на всех не хватало. Цены взлетели до небес.

– Спекулянт ты, Славка, – говорил старшему сыну отец.

– Это почему? Я людей кормлю, – оправдывался Слава.

Чуть позже Слава стал ездить в Мариуполь, чтобы обналичивать донецким старикам украинские пенсии. Естественно, за процент. «Челноков» такого рода появилось достаточно.

– Ты же на людях наживаешься. Кто ты после этого? – отцу не нравилась деятельность сына.

– Не я, так другой. Процент у меня божеский и людей не «кидаю». Знаешь, сколько мошенников? А у меня всё честно, – Слава снова находил себе оправдание.

Женька в работу брата не вникал. Он учился и вообще был «на хозяйстве». На нём держался весь дом.

В одной из своих поездок в Мариуполь Слава познакомился с девушкой. Влюбился и женился, так говорят в подобных случаях.

– Как-то скоростно всё это, – шутил папа.

Слава уехал жить к супруге. Оттуда молодожёны перебрались в Польшу. Слава регулярно выкладывал в соцсетях фото со счастливой улыбкой. Ни Женька, ни отец его не осуждали. Каждый строит жизнь по-своему.

Когда в Донецке стали выдавать российские паспорта, Слава с женой вернулись, получили вожделенные документы и переехали в Воронеж.

– Несладко в Польше было? – выводил Славу на откровение отец.

– Всё нормально, – бурчал Слава. Больше из него про «жизнь в Европе» невозможно было вытянуть ни слова.

С началом СВО Женька пошёл служить. К этому времени он уже достиг совершеннолетия. Дома парня не держало больше ничего. Брат в Воронеже, а отец, наконец, дал благословение.

– Осторожней там, сынок, – только и сказал он на прощание. А что отец ещё мог? Понимал, Женька – пацан упёртый, если решил, с пути не свернёт.

Через три месяца Женькин папа погиб в собственном дворе, наступил на мину-лепесток. Украинцы стали разбрасывать такие над жилыми кварталами Донецка.

– Евгений Самойлов награждается медалью «За Отвагу», – командир перед строем вручил Женьке коробочку с наградой. – Давай, герой, рассказывай, как было дело.

Женька молчал. Все говорили, что он совершил подвиг, но парень так не считал. Его группа, а служить парень попал в разведку, нарвалась на засаду. Он остался прикрывать товарищей.

– Со страху всех бандеровцев перестрелял со своей Тоси. Да, Женька? – Славка Богородов, записной весельчак, пытался погреться в лучах славы своего друга. Он, Славка, и сам был в той переделке. Его, раненного в ногу, Женька вынес на себе. – Я бы тоже помогал, но потерял много крови, без сознания был. А так...

Тося, автомат, погибла в том же бою. Пуля, предназначенная Женьке, попала в приклад и ушла в рикошет. Вот о чём на самом деле жалел боец. Прикладу конец, значит, и автомат пойдёт на свалку. Боевые потери, так сказать. Но ведь Тося спасла Женьке жизнь, как ни крути.

– А также Евгений Самойлов награждается... Хотя какая эта награда герою? – командиру подали что-то, заматанное в камуфляжную сетку. – Разворачивай, раз такое дело.

Когда свёрток оказался в Женькиных руках, он почувствовал, как сердце стало колотиться с удвоенной силой. Что там? Парень снял с «презента» импровизированную подарочную упаковку.

В Женькиных руках лежала его «Тося». Оружие отремонтировали, но не узнать он не мог.

– Официально разрешаю нанести на приклад имя, – командир не мог сдержать улыбку. Ранее такого он никогда не говорил и не делал. – Тося? Пусть будет Тося.

– Служу России! – Женька закричал так, что у самого заложило уши.

Он нацарапал имя на новеньком прикладе. Твоим Отцом Стану Я, Тося. Нет, он не считал себя родителем автомата. Эти буквы, как и в первый раз, на его первом оружии, стали памятью о воспитавшем его человеке.

Сейчас боец Евгений Самойлов с позывным «Тося» несёт службу под Донецком. Где-то под Марьинкой.

Сергей БЕРЕЖНОЙ

В прифронтовой полосе

Записки волонтёра

Район Житловки и Кременского леса

Накануне вечером связались со «Спартаком», заместителем командира полка мотострелков. Точкой сбора выбрали Житловку: от Кременной рукой подать, да только дорога – фантастический лунный пейзаж, вся в оспинах от мин и снарядов. В общем-то, к дорогам фронтовым не привыкать, а вот к блокпостам привыкнуть так и не смогли. Полярная несовместимость: нам поскорее бы свой груз ребятам доставить да без досмотров, а их задача – под любым предлогом не пропустить. «Старшина» включал всё своё десантное обаяние, и крохотный гарнизон суровых комендачей или военной полиции выбрасывал белый флаг.

На базе «выгуливался» Ванечка. Этот домик в лесу – его именной санаторий после выписки из госпиталя. Огромный шрам красным витым аксельбантом шёл от правого плеча через грудь как свидетельство Ванечкиной доблести. Правда, наш друг Паша доблесть Вани называет дуростью: вылез из «мотолыги»¹, стащил «броник» – чехол был хоть выжимай от пота, – снял берцы, напялил тапки – и житуха сразу в кайф пошла. Но тут, откуда ни возьмись, жужжалка прилетела. Ваня ну отмахиваться тапкой от беспилотника, как от назойливой мухи, а тот возьми да урони «маслёнку»².

– Будь этот теннисист в «бронике» – обошлось бы, – рассудительный Паша с присвистом потягивает крепкий кофе: уж он бы такого легкомыслия не позволил бы. – А так осколками располосовало от плеча до пояса. Ну что с него взять: что значит брянский, дикий лесной человек, никогда сроду беспилотники не видал, вот и давай тапками разбрасываться. Не бережёт казённое имущество.

– Да это мои тапки были, – улыбается Ванечка. – Хочу – ношу, хочу – «птички» роняю... Имею право.

1 «Мотолыга» – МТЛБ – многоцелевой транспортер – тягач лёгкий бронированный

2 «Маслёнка» – прозвище ручной осколочной гранаты М-67 производства США

Обнялись, посыпались дежурные вопросы «Как добрались? Как здоровые? Что новенького?» и такие же дежурные ответы. Разгрузили машину с гуманитаркой в одно касание: хоть и загнали в сосны, но беспилотники – хищники глазастые, так и норовят на макушку какую-нибудь хреновину опустить.

Ванечка разлил по чашкам кофе, пододвинул миску с печеньем. Жарко, сухость во рту дерёт горло, сейчас бы газировочки холодненькой, но её в ближайших двух десятках километров днём с огнём не сыскать, так что придётся довольствоваться горячим буржуйским напитком. А еще любоваться макушками мачтовых сосен, обритыми «смерчами» и «градами». Сначала «Старшина» всё никак не мог наговориться, потом ходил вокруг тубусов из-под чешского и шведского гранатомётов, вокруг наших «стрел» и «шмелей», сваленных в углу двора, ворочал их, протирал надписи, шептал что-то, не иначе ворожил. На садовом столике теснились разномастные чашки, пепельница наполнилась окурками, накаtywала дрёма. Сон минувшей ночью был рваным: то звонки разрывали тишину, то приезжали и приходили званые и незваные, а на рассвете подъём и в путь. В машине подремать не удалось, так что немудрено, что просто валило с ног.

Мне было лень даже поддерживать беседу, и, откинувшись на спинку пластикового стула, окунулся в полудрёму, не обращая внимания на стоявший вокруг грохот: арта привычно играла в «пинг-понг». Порой земля начинала трястись в эпилептическом припадке, дом подрагивал в нетерпении, будто собирался пуститься в пляс, а стул подтанцовывал, но всё это никак не мешало моему погружению в нирвану.

«Спартак» появился час спустя. Улыбаясь, устало вылез из кабины «Урала», сбросил разгрузку и «броник», у стены поставил автомат, протянул к нам руки. Обнялись, но его протокольно-дипломатичные вопросы о том, как добрались, опередили со «Старшиной» дружным «Хорошо!» Он симпатяга редкостный, наш любимчик, поэтому мы всегда привозим ему что-то сверх потребности. Да и его ребята ему под стать: открытые улыбки, бесхитростные какие-то, дружные, одним словом – семья. На этот раз привезли сюрприз – настоящий футбольный мяч. Замкомвзвода Саша в молодости играл за сборную Брянска, так что мяч для него не только средство для поддержания формы, он вызывал ностальгию по спортивной молодости. Физиономия сияла от счастья, и Саня с десятков раз набил мяч с носка на пяточку, потом подбросил и принял на голову. Сбросил, сам себе подал на грудь, сбросил опять на носок – такие финты выкидывал, что загляденье! Ну чисто пацан!

Пора было отчаливать – ещё надо Кременную проскочить, потом Рубежное, ну а от Северодонецка дорога относительно гладенькая, так что к вечеру в Луганск успеем, если повезёт, конечно. Канючил с четверть часа: «Вить, ну, поехали. Вить, поехали, чёрт возьми! Вить, да поехали же!», а в ответ бесконечное: «Сейчас, Санюч. Ну сейчас. Да сейчас...» С трудом, но «Старшину» удалось-таки затолкать в кабину. Вообще-то он неугомонный и разговорчивый до невозможности, поэтому пришлось его буквально за рукав тащить в машину: нас ждал Филин. Витя упирался, всё пытался что-то досказать, разузнать. Он, как быв-

ший старшина разведроты советской десантуры, искренне полагал, кругом царит бардак несусветный и дай ему волю, так строевым бы вышагивали даже в траншее.

Моё терпение лопнуло, и я бесцеремонно затолкал его в кабину, несколько нелитературно выражая недовольство. Буквально минут двадцать назад сонливость как рукой смахнуло, заползла змеёю в душу неясная тревога, свила себе гнёздышко – и давай расти-разрастаться. Так что дело вовсе не в закончившемся терпении, а во вселяющемся неясном страхе, величаемом у нас просто чуйкой.

Поправив загруженные на базе гранатомёты и ПЗРК, устроился рядышком со «Старшиной», и мы рванули подальше от избушки к следующей точке нашего маршрута. А уезжать-то не хотелось. Остаться хотя бы на сутки, наварить ребятам домашнего борща, нажарить картошечки, послушаться бы их историй да исписать блокнот, но всё на бегу да на бегу...

Едва миновали Кременную, как пришло видео от «Спартака». Оказывается, четверть часа спустя после нашего отъезда в то самое место, где «Старшина» рассматривал шайтан-трубы, прилетела «дура». Не снаряд прилетел и не ракета, а осколок, такой метровый осколочек от натовского гостинца. Сама «малыха» разорвалась за забором в саду, а эта железяка завалила ограждения и вошла в землю аккуратно в то самое место, где перед этим стоял «Старшина». Вот ведь как бывает: какие-то минуты могли разделить всё на «до» и «после», не прояви я настойчивость. Наверное, Господь решил, что на этой земле от нас пока есть хоть какой-то прок. Так что ещё поживём. А «Спартака» попросили сохранить нашего «крестника» до возвращения.

Направление Берховка – Соледар

У Филина почти половина бригады мобилизованные. Хотя они уже воюют с осени прошлого года, всё равно проходят по графе «мобилизованные», и зовут их по привычке и снисходительно не иначе как «мобики». Ещё есть сотни две «кашников» – вчерашних зэка. Остальные – «добровольцы-контрактники».

Две бригады чэвэкашников за пару месяцев укры размотали в прах, они «проломались» и оголили фланги. У комбрига оставалась последняя надежда – «Волки», отдельная диверсионно-штурмовая бригада. Не резервы, а именно надежда. И Филин бросил своих «волчар» на оборзевших гайдамаков. Сначала два десятка первых попавшихся под руку «кашников»³ быстро отрезвили ошалевших от успеха укров – каждый дрался за десятерых, и «воины света» повалили вприпрыжку на постоянную прописку к Небесной Сотне, бросая обжитые окопы. «Кашники» ворвались в траншеи, зачистили под ноль – закон войны: не оставлять за спиной ни полуживого, ни полумёртвого врага, рассредоточились, доложили по рации о потерях: шестеро «трёхсотых», и приступили к «работе».

Два десятка вчерашних зэков стояли насмерть, и накатывавшие волны укров разбивались о них на мелкие брызги – бежавшие, ползущие, оружие. За два часа три отбитые яростные атаки, поддержанные БМП. На поле остались

3 У бывших заключённых имеются жетоны с литерой «К» вместо личного номера

три горящих факела и полсотни неподвижных тел. «Волки» раненых не добивали – давали отползти, уползли – эвакуировать. Это был особый почерк бригады – давать украм убирать убитых и выносить раненых, за что их не только боялся, но и уважал враг.

«Кашники» не дрогнули, когда их окопы засыпали минами и осколки выстригли всю траву вокруг. Не ушли, когда закончились патроны и остались только гранаты. Они верили, что помощь придёт – Филин дал слово прислать подмогу, и ещё ни разу (!) не было случая, чтобы он его не сдержал.

Сначала появились вчерашние «мобики» – запрыгнули в траншеи, сходу дистанционно заминировав кустарной установкой подступы, от щедрот душевных плотно прошли из пулемётов и АГС по ещё не опомнившимся украм, а потом взялись за сапёрные лопатки. Нет, не в рукопашную пошли, кроша направо и налево, а с бешеной скоростью стали рыть дополнительные ходы сообщения, подправлять траншеи и «лисьи» норы. Закопались, и когда начала укроповская арта «лохматить» опорники, они стали недосыгаемы для осколков. Это были уже не прошлогодние «мобики», стенающие и стонущие, в соплях и слезах, а заматеревшие, цеплявшиеся мёртвой хваткой, мыслящие трезво и рационально, а потому отличавшиеся стойкостью и отчаянной храбростью.

Всех своих раненых вынесли – таков закон бригады: чего бы то ни стоило, но всегда и при любых обстоятельствах вытаскивать своих раненых и погибших. Как говорят в бригаде: «Закон Филина – своих не оставлять, вытаскивать всех». «Волки» заняли оставленные чэвэкашниками позиции, напрочь отбив охоту у взэушников рыпаться на их участке. Генерал был признателен Филину – спас честь корпуса и в благодарность «прирезал» ещё шестьсот метров линии фронта.

Свои потери Филин оценивает как «жуткие»: с дюжину погибших и около сотни «трёхсотых» за почти три месяца с апреля нынешнего двадцать третьего года. Рядышком подразделения «обнуляются» за месяц-другой – как умеют наши командиры, так и воюют, – а у Филина «кашники» пишут рапорта с просьбой заключить с ними контракт повторно. И всегда приписка: «...просим оставить в бригаде у Филина...» А кто-то переходит к нему, прося лишь об одном: сообщить в прежние подразделения, что они не дезертиры. Они просто хотят сражаться по-настоящему под началом настоящего офицера.

Северо-западнее Артёмовска

На Соледар насыпают щедро и мощно. Выбраться из него целым – что в рулетку сыграть с пятью патронами в семизарядном револьвере. По всей линии боевого соприкосновения северо-западнее Артёмовска (Бахмут) идут ожесточённые бои: грохот арты рвёт барабанные перепонки, так что край нужны тактические наушники, которых у нас нет и не было. Были у меня противоосколочные очки, но подарил их комбригу ещё в позапрошлом году под Изюмом: и нужнее они ему, и он сам гораздо более ценен для Родины, чем волочащая ноги «рухлядь». А тактические наушники были поначалу, но так, для форсу и мне без надобности, потому и отдал в артдивизион: им нужнее, глухнут ребята...

* * *

Дважды прострелянный комроты приказал оставшимся в живых уходить, а сам лёг за пулемёт. Бойцы были тоже изранены, но, наложив жгуты и перевязавшись, делали вид, что ничего не слышат. Ну, пропал внезапно слух, и хоть тресни! Они могли уйти: ползком, по-пластунски, на карачках по ещё не занятой украми посадке, но не хотели оставлять своего комроты, а вытащить не осталось сил. У троих осколочные ранения в ноги, у одного разворотило бедро, у остальных простреляны или разорваны осколками руки, грудь, живот. Буряту не повезло больше других: ему огромный кусок от разорвавшейся мины плашмя ударил по спинке «броника», динамическим ударом переломав рёбра, но и он не мог тащить раненого комроты даже волоком.

Ротный не стал кричать на них и материться: он разомкнул пересохшие губы и тихо попросил выйти в расположение бригады и доложить, что на опорник укры зайдут только по трупам своих и только тогда, когда у него закончатся патроны и он встретит их последней гранатой. Но, в принципе, он не возражает, если Филин пришлёт за ним. Связаться по рации он не мог: разорванная осколками, она валялась ненужным хламом за бруствером окопа.

Отправленные комроты в тыл бойцы смогли кое-как проползти с сотню метров, когда встретили разведку. Филин нутром чувствовал неладное, потому и послал разведчиков на опорник. Они подошли вовремя: отстреляв последнюю ленту, комроты лежал на спине, провожая взглядом медленно плывущие облака и сжав кругляш расчерченной на квадратики рубашки «лимонки». Он ждал, когда к нему подойдут укры и он сможет выдернуть чеку с уже разжатыми усиками. Солнце плавало землю, но комроты не изнывал от жары: его морозило, мелкой дрожью пробивал озноб от потери крови.

Разведчики зашли на двух бээмпэшках с флангов и ударили в подбиравшихся к опорнику укров с тыла. В несколько минут всё было кончено. Они положили на броню комроты, и тот, улыбнувшись из последних сил, прошептал:

– Я знал, что Филин вытащит, я знал...

* * *

«Оз»⁴ из остатков роты сколотил группу эвакуации, разместил всех «трёхсотых» на носилках и волокушах и отправил их в тыл, а сам вернулся обратно. Добравшись до позиции своей роты, поднял опрокинутый взрывом пулемёт, заправил ленту, взвёл затвор, расставил в траншее найденные «граники», аккуратно разложил на полке гранаты и снаряжённые магазины и стал ждать укров.

Когда Филину доложили, что всех «трёхсотых» вытащили, но «Оз» остался, он сначала решил: у парня просто снесло крышу. Такое бывает, когда отчаяние захлёстывает злостью и мозг закипает. Он бросился к рации и вызвал ротного:

– Ты чего это удумал? Ты давай, выходи. Ты мне нужен здесь живым. Кто ротой командовать будет, если ты там останешься? Умереть мы всегда успеем, это дело нехитрое...

4 Позывной

Ровный голос «Оза» прервал его:

– Товарищ Филин, я в порядке. Просто жалко оставлять такую позицию. Попробую отбиться.

Он отбил две атаки прежде, чем пришла посланная Филином подмога. Перебегая от пулемёта к пулемёту, он бил короткими очередями, а когда самые настырные подходили близко – работал с «граница», приговаривая сквозь зубы:

– Бессмертные, говоришь? Ну так к своему Бандере пожалуйте. Он вас заждался.

За Кременной

Спозаранку, рассортировав привезённое и распределив его по двум машинам – в «уазик» и «эльку», отправились из Луганска за сотню километров на рембазу артдивизиона. Там нас должен был встретить зампотех и сопроводить за Кременную, где нас уже заждались.

Однако зампотех ещё не вернулся с «боевых», провожатых не нашлось, поэтому, разгрузив «эльку», вдвоём со Старшиною на «уазике» отправились дальше без сопровождения, без бээрки⁵, без пароля и пропуска, что сродни безумию, дерзости и мальчишеству. Но мы дали слово прибыть к назначенному времени и нарушить его не могли. Хотя запросто нас могли на первом же блокпосту задержать и отправить «на подвал»: ну кто эти два охламона, как не потенциальные шпионы, шатающиеся вдоль ЛБС? Ну даже если и нет, то пусть впредь наукой будет и им, и другим. Профилактика – вещь нужная и доходчивая. А вот если бы попали мы к «вагнерам», то шансы остаться навсегда в ближайшей от блокпоста лесопосадке возражали бы до невысказанных высот.

Пекло невероятно, к тому же влажность зашкаливала, поэтому «броники» надевать даже не пытались – лежали они сиротливо на заднем сиденье вместе с разгрузками и шлемами.

Поскольку шли вдоль ЛБС, то на блокпостах эти два старичка вызывали любопытство, удивление, а то и оторопь. Во-первых, здесь давненько не появлялись военкоры. Во-вторых, у этих наглецов не было никаких разрешений и согласований. В-третьих, их никто не сопровождал: ни ССО, ни спецназ, ни даже какой-нибудь товарищ прапорщик из военной полиции, как принято у приличных представителей прессы. Короче, старички-разбойники шарились на свой страх и риск, создавая головную боль старшим блокпостов: им-то зачем принимать самим решения – пропускать или нет.

Наглость – второе счастье, а дерзость города берёт, так что все преграды прошли почти в одно касание, кроме пары постов из вьедливых комендачей. Те своими наивными вопросами мозги выволокали до стерильности, хотя прекрасно понимали, что ответы наши будут либо лукавыми, либо вообще нереально-фантастическими. И всё-таки выжатые зноем до полуобморочного состояния, мокрые от пота и грязные от дорожной пыли, прибыли в условленное место на опушке леса. Близкая пулемётная трескотня, разбавляемая татаканьем «зушек», добавляла дискомфорт, а вот совсем рядом бахающая и бухающая арта вызывала досаду: того и жди из-за них ответку, могли бы и подальше отъехать, лентяи.

5 Боевое распоряжение

* * *

Встретил Паша, так и не услышавший, как мы подъехали, как я ножом открыл замок, как вошёл: после полученной контузии он едва слышал и в разговоре больше читал по губам собеседника, вслушиваясь изо всех сил в звук его голоса.

У Паши трое детей. Алкоголь и табак на дух не переносит. На фронте с первых дней: как только началась СВО, сразу же пошёл в военкомат, не дожидаясь повестки. Сначала стрелок в пехоте, потом на АГС⁶, за точный глаз перевели на «зушку»⁷ наводчиком. Два месяца назад в их «мотолыгу»⁸ вошёл дрон-камикадзе. Результат – бронетранспортёр повреждён (укры отчитались об уничтожении «мотолыги» и ЗУ-23 с расчётом), четверо ранены, а пятый погиб. Не повезло парню: он уговорил взять его с собою в качестве охраны, потому что в лесополосе, которую «расчёсывали» «зушкой», всего метрах в пятистах закопались укры. Хорошо, если отсилятся в траншеях, а если какие-нибудь «бессмертные» подберутся вплотную и пустят в ход гранаты или вообще попытаются захватить в плен? Нет, тут прикрытие в его лице не помешает.

Увы, дрон вошёл в «мотолыгу» рядом с ним. Ему перебило ноги, и он истёк кровью – не спасли. Не поехал бы с ними – был бы жив, а судьбу за хвост дёргать не стоит. Хотя кому что на роду написано, то и будет, судьбу не обманешь. Мехвода спас открытый люк – принял и осколки, и ударную волну. Командира сбросило взрывом и посеколо осколками, как и заряжающего. Паше осколки проббили руку, зашли под броник со спины, обожгло щёку. Мехвод завёл «мотолыгу», и они своим ходом добрались до лесочка, где и укрылись. По пути ещё трижды их пытались достать минами – видно, висел где-то второй «глаз», но корректировал не совсем удачно.

Паша фактически сбежал из госпиталя, не долечившись – не хотел, чтобы отправили в другую часть. Короткий отпуск, встреча с родными, и вот он здесь поправляет здоровье ароматом настоящей на солнце хвои Кременского сосняка. Почему пошёл добровольцем? А чтобы детям не пришлось опять очищать от скверны землю Русскую. Ненавидит хохлов? Да нет, конечно, такие же русские, только мозги набекрень. Отношение как к больным. А воюют нормально – славяне всё-таки. Устал от войны? Как сказать, заканчивать, конечно, пора бы, да только на западной границе бывшей империи и никак не иначе.

Сватовское направление

Наши занимают позиции на высотах, хотя какие там высоты – одно название, так, пупочка на ровном месте, но какая-никакая, а видимость приличная и горизонт заметно отодвигается. Укроповские позиции напротив просматривались неплохо, во всяком случае, в дальномер отчётливо видно, как сновали их

6 АГС – автоматический гранатомёт станковый

7 «Зушка» – ЗУ-23 – зенитная установка калибра 23 мм, спаренные две авиационные пушки. Принята на вооружение ВС СССР в 1960 г. Скорострельность – 2 000 выстрелов в минуту. Дальность стрельбы: 1,5 км по высоте, 2,5 км по дальности. Расчёт – пять человек

8 «Мотолыга» (слэнг) – МТЛБ – многоцелевой транспортёр-тягач легкий бронированный

машины, БТР, БМП, что-то привозили и отвозили. Впрочем, они особо не прятались – так, малость осторожничали.

Между нами и украми – низинка, ложок с покатыми склонами, складочка от ледника оставшаяся шириной в полкилометра, а местами и того меньше. Внизу по сухой старице – редкий и хилый кустарник, а по склонам в обе стороны – неяркий цветастый ковёр с низким ворсом из сизого чернобыльника, жёлтого донника, сиреневых шапочек татарника, ковыля, чертополоха, овсяницы и ещё с десятка малознакомых или совсем незнакомых трав.

До сентября двадцать второго года в ложку вдоль старицы посёлочек в два десятка домов тулился, прячась в садах. Теперь на месте построек лишь груда кирпичей среди выстриженных под ноль садов. Недели две назад укры решили выбить наших с «опорника» и ломанулись напрямик через ложину, да неудачно: с десятков ещё на склоне положили, два бэтэра сожгли птурами. Сегодня на поле уже десятка полтора БМП и БТР и сотни две «двухсотых». До самых ретивых рукой подать – сто двадцать семь метров до самого ближнего, и в дальномер даже нашивки читаются. А ещё запах смерти – густой, насыщенный, перемешанный с запахом степного травостоя.

Комбриг говорил негромко, кривя рот (последствия контузии), что каждые два-три дня приезжает пара-тройка автобусов, выбрасывает взсэушников и они тупо лезут на наши пулемёты. Сначала двигаются перебежками под миномётное сопровождение, но как только натыкаются на своих «побратимов», то шаг замедляется, начинается челночная движуха вправо-влево, а то и вовсе останавливаются и выбирают место, куда бы залечь, но всё уже занято прежними «бессмертными». Тут они осознают свою обречённость и что им не выбраться отсюда. И тут пулемёты начинают свою жатву.

Голос его был бесцветен с налётом равнодушия, тон негромкий – он никогда не кричал и не ругался матом. Он вообще был уникален, этот молодой комбриг: слушал песни Высоцкого, читал Маркеса и Карлоса Сафона в подлиннике, мог часами рассказывать о Дали, а вот к Лорке относился более чем прохладно. А ещё он знал чуть ли не наизусть «Честь имею» Пикуля – настольную книгу настоящего офицера.

Комбриг тускло и бесцветно произнёс, что с минуты на минуту, как по расписанию, подойдут автобусы и выбросят очередную смену, которая так же, как и предыдущие, начнёт торить свои последние тропы в низинку, чтобы никогда из неё не выбраться. И тон, и слова его поражали обыденностью: автобусы, очередная смена, будто речь шла о шахте или заводе. А людей привозили для того, чтобы они здесь просто умирали. Харон переправляет их отсюда в вечность... А их с надеждой ждали жёны, дети, матери... Комбриг ненавидел тех, кто обрекал этих мужиков в бессмысленных атаках на заведомую смерть и даже не забирал тела убитых. После того, как очередной раскрученный военкор из пропагандистского пула поинтересовался, не чувствует ли он себя палачом, выкашивая ряды наступающих, он навсегда закрыл путь в бригаду журналистской братии. Своим бестактным вопросом этот военкор затронул то, что комбриг

прятал от посторонних глаз где-то в глубине души и не хотел ни с кем делиться сокровенным.

Я мысленно прикинул: вторую неделю каждые два-три дня по три-четыре автобуса – это минимум шестьсот человек. Два батальона в пять приёмов всего на узкой полоске фронта в полкилометра длиной пожирала эта война.

В дальномер было прекрасно видно, как подъехали автобусы, как, толкаясь, вылезли из них озирающиеся по сторонам люди и затолпились тут же, как подошли три бэхи, забирая на броню десант. Марки легли на корпус автобуса – 489 метров. С АГСa покрошить – раз плюнуть, не то что из миномётов. Конечно, для дальномер полкилометра – не расстояние, здесь бинокля достаточно, но лучше не высовываться, а то снайпер воткнёт пулю в глаз с поправкой на полметра от окуляра вниз...

Нам повезло: ветер гулял с подветренной стороны, и украм приходилось задышаться в смраде разлагающихся тел, что никак их не воодушевляло. Они двинулись в атаку как-то суетливо, прижимаясь к бээмпэшкам, словно пытаюсь за ними найти защиту. Они шли, то ускоряя шаг, то замедляя, а как только ступили на усеянную телами погибших низину, так и вовсе остановились, но потом снова пошли, стараясь не наступать на погибших и сбиваясь в стайки пугливых куропаatok.

Их подпустили ровно на двести метров и ударили в упор из «кордов», «утёсов», ротных ПК, автоматов. Разом вспыхнули две бэхи, и лишь третья, распуская шлейф дыма, развернулась и ходко рванула назад. Её можно было стреножить, но комбриг процедил: «Пусть уходит. Им будет что рассказать, и, может быть, после этого они начнут воевать по-настоящему».

Почти никто из наступавших обратно не вернулся, не считая сбежавшей БМП. Завтра или послезавтра снова придут три автобуса и выбросят полторы сотни обречённых на смерть. А потом будут привозить ещё и ещё, и так до тех пор, пока они не закончатся, страшные в своей покорности умирать, либо когда кто-то не сочтёт достаточным оптимизацию этих недочеловеков. Ведь у приватизаторов войны мы все недочеловеки, независимо, с Украины они или из России.

Севернее Соледара

На войне выпукло высвечиваются низкие человеческие качества, к которым мы привыкли, приспособились на гражданке: жестокость, алчность, равнодушие, подлость, ханжество, тщеславие, трусость, ложь... А рядом – отвага, товарищество, жертвенность, сострадание, участие, доброта... Но есть деликатные темы, о которых вслух говорить не принято, а спрашивать как-то неловко. А проблема есть, зачастую трудноразрешимая, да ещё с последствиями...

Комбриг сидел за столом, короткими взмахами впечатывал кулак в столешницу и цедил сквозь зубы:

– Я вас всех кастрирую. Я вас в штурмах сгною. Жеребцы племенные, быки-производители. Кто приплод воспитывать будет?

С поддюжины «производителей», склонив головы и потупив взгляды, стояли перед ним, старательно изображая глубокое раскаяние. За занавеской давился от смеха начштаба. Мы старательно изображали на лицах печать серьёзности, едва сдерживаясь.

– Пошли вон, – выдохнул комбриг. – Превратили бригаду в племзавод.

Провинившиеся мгновенно и бесшумно испарились. Комбриг выдохнул, словно груз тяжкий с плеч сбросил, и потянулся к остывшему чаю:

– Да я их не виню. Молодые, кровь кипит, бунтует, бесится, природа своё берёт. Ты только взгляни на них: красавцы! Аполлоны! А бабы сбесились, чуть ли не силком тащат на себя. Тут такие страсти кипят – Шекспир от зависти сдохнет. Мы тут больше года стоим, кто романы крутит, а кто успел и детишками обзавестись. Тут сегодня очередная мамаша заявила с претензиями: пусть боец деньги отдаёт, а то дитё сделал – и в кусты. Говорю ей, что он в госпитале, а она не верит: покрываешь своих кобелей, командир, жаловаться самому главному буду. Хохлы – ещё те марксисты, у них бытие определяет сознание, прагматичные до пяток, только вот как эта Галю промашку дала – удивляюсь, не иначе обольстил её светлым будущим.

– Она не промашку дала, а Бурому, – ржёт за занавеской начштаба. – Я уж списочек составил, кого усыновлять и удочерять всей бригадой. Придётся на довольствие брать.

– Ты мне, лишенец, всю оперативную работу с местными провалил. Я тебе говорил взять на контроль всех особей женского пола, особенно слабых на передок, а ты что?

– А что я? Бурому поручил, только у него своя метода проверки. Кто ж думал, что он познаёт всё эмпирическим путём.

– Нашёл кому поручить. За ним аж трое младенцев числятся.

Бурый – классный разведчик, а ещё красавец: высокий, атлет, роскошная улыбка с голливудскими зубами, голос воркующий, взгляд томный из-под бархатных ресниц. Да, здесь начштаба явно лопухнулся – пустил козла в капусту.

– Сам понимаешь, – как бы винится комбриг. – Полтора года никого из бригады в отпуска не пускают – только в госпиталь отбывают не по своей воле. Я уже говорил комдиву, что проблемы будут, а он отмахивается: веди разъяснительную работу. С кем? С бабами или с бойцами? А может, мне тут полевой роддом организовать?

– Давай я тебе памперсы привезу, – сочувствую я. – И детское питание.

Комбриг в меру воспитан, но тут не сдерживается и посылает нас в долгий эротический путь: решил, видно, что я подшучиваю над его бедой.

Он провожал нас до самой опушки и долго махал рукой, пока наша машина не скрылась за поворотом.

Война войной, а детишки рождаются. Только вот порой сиротами...

Станислав ЧЕРНЯК

Предновогодняя молитва

Стихи

Високосные годы грозные

Тут над соснами небо звёздное,
Полумесяц развеял тьму,
Високосные годы грозные,
Мне неведомо, почему.

Снег хрустящий и ночь морозная,
Вся страна моя на вираже,
Лица строгие и серьёзные,
Как-то муторно на душе.

Годы злостные, високосные,
Проходите, не троньте нас,
Песни грустные, блюда постные,
Пусть вам кто-то другой подаст.

Пусть угрозы все смертоносные
Обойдут стороной страну.
Годы слёзные, високосные,
Подарите нам тишину.

Дым над Белым городом

Дым драконом над Белым городом,
Вспышки, грохот и крики раненых,
Небо всё на клочки распорото,
Тонет праздник в людских страданиях.

Пятна алые, стёкла брызгами,
Рёв пожаров и слёзы детские.
Земли полнятся обелисками –
Белгородские и Донецкие...

А война, как слепое чудище,
Поедает, не спросит имени...
Что же ждёт нас в ближайшем будущем,
И кого смерть из дома выманит?

Белый город в вуали траурной.
И цветы на асфальте свежие...
Неизвестность над тротуарами,
Как всегда – пополам с надеждою...

Мёртвый город

Мёртвый город, выбитые окна,
Чёрные сгоревшие дома.
Роком ты огню и смерти отдан.
Страшная холодная зима.

Здесь навеки голоса затихли
Тех, кто был закопан во дворах,
А могилы так свежи и рыхлы.
Целый город превратился в прах.

Кажется, что жизнь не возродится,
Что она сгорела здесь дотла...
Но весной возвратятся птицы...
Вот сирень внезапно расцвела.

Город оживает понемножку,
Хоть войной разрушен он и смят.
Рыжая, изодранная кошка
На прогулку повела котят.

Я уверен – город снова будет!
Жизни пробивается росток.
Первые испуганные люди,
И с цементом первый помазок.

Город постепенно оживает.
Стройки, свадьбы, планы и мечты.
Жизнь кипит, бурлит и исполняет
Вечный гимн любви и красоты!

Послание в Марьинке

*Посвящается Роману Рудакову, оставившему
предсмертную надпись на камне в Марьинке*

Я погиб в этом страшном бою,
Нас здесь девять, и шанса не будет,
Я немного прошу – лишь семью
Поддержите, все добрые люди.

Позаботьтесь о брате с сестрой,
Если сможете – мать успокойте,
А меня ждёт лишь вечный покой.
Над могилой в молчанье по стойте.

Я не знаю сраженья исход,
Вместе с кровью покинули силы.
Я погиб за страну и народ,
За Батайск, за Ростов, за Россию!

В этой жизни так мало познал,
Пацаны, это наша дорога.
Развороченный грязный подвал,
Как чистилище в странствии к Богу.

И не мне рассуждать – был ли толк,
Я отдал, что имел, всё да края.
Наш сто третий покошенный полк
Шёл вперёд, за всех вас умирая.

Жить хотел! Ничего не успел.
Как и те, кто со мною здесь рядом.
Страшный бой, мало кто уцелел.
И посмертными будут награды.

Из Батайска, Роман Рудаков.
Мимо нашей беды не пройдите:
Помогите семье! Добрых слов
Не жалейте и нас помяните!

Предновогодняя молитва

В шикарном ресторане бланманже
Мажоры доедали и брюзжали,
А в этот миг на фронте, в блиндаже,
Пластмассовую ёлку наряжали.

Пусть маленькая, старая она,
Конфеты вместо ёлочных игрушек...
Не отменяет Новый год война,
Хоть вместо фейерверков залпы пушек.

И было так уютно и тепло,
Мечталось – вот домой опять приедем –
Потерям, бедам и смертям назло!
И думалось о детях и победе.

А в километре в схожем блиндаже
Лилась горилка и кромсали сало,
И, перейдя на русский мат уже,
Вопили хлопцы, что их всё достало.

Кошмар, как в беспробудном страшном сне, –
Вой дронов, гул снарядов, визг картечи.
Ценней простые радости вдвойне,
Когда со смертью только шаг до встречи.

За океаном дед «страны чудес»,
Что невидимкам пожимает руки,
В тумане уговаривал Конгресс
Дать средства на страдания и муки.

Вопили в Польше, вторили в Литве,
За всем следили пристально в Китае...
А в бесконечной неба синеве
Лишь вечность, что глазами звёзд мерцает.

Дай мира людям, предстоящий год,
Отцам и матерям вернуться к детям,
В семейный круг занятий и забот.
И пусть любовь и мир царят на свете.

Радистка

*Легендарному директору школы №1 г. Котовска
Любови Васильевне Самойловой
посвящается*

Пропитан каждый сантиметр кровью,
Задача наша – Родину спасти,
Пусть будет крест поставлен в изголовье,
Но не пройти вам, гады, не пройти!

Снаряды, танки – все смешалось в кучу,
Но помирать нам не пришла пора,
И пусть здесь каждый до смерти измучен,
Но вновь звучит бессмертное: «Ура!»

Радистка, дочка, вызывай подмогу,
Фашисты, словно черти, нынче прут.
А мы попросим помощи у Бога,
Авось хоть где-то нам её дадут.

– Маяк, Маяк, – опять не отвечает,
Помехи, треск в эфире, грозный бой,
Как уши ломит, ноги затекают,
Но бью морзянку, ключ зажав рукой.

– Маяк, Маяк, – и стрелка вдруг качнулась,
И в долгожданных точках и тире,
Уверенность в победе вновь вернулась
В кровавом и безумном октябре.

Откуда только в нас берутся силы,
Когда приходит страшный, грозный час?
Мы все – простые жители России,
Её безмерной прочности запас!

Фотокартины Алексея Герасина

Две дамы

Под соломенной крышей

Девушка на лошади

Девушка

Перед выступлением

Дочка

Зеркало времени

Мама

Александра МИХАЙЛОВА

Дворяночка

Роман. Окончание

* * *

Виталий, бодрый, энергичный, весёлый, то есть совершенно такой, каким его привыкли видеть Евгешины, с раннего утра торопил гостей в дорогу. Ему страшно не терпелось очаровать друзей дивами вечного города.

– Итак, мы покидаем наше гостеприимное побережье и мчимся в древнюю столицу могучей империи, известную с античных времён, – объявил он торжественно.

– Ты что-то сегодня изъясняешься высокопарно, – подметил Андрей Юрьевич.

– Когда говоришь о Риме, невольно рождается речь в книжном штиле. Вы сами поймёте, когда окажетесь на форуме. Но сначала мы направимся к главным святыням. Для верующих людей ведь первостепенно то, что это христианский город. Святынь здесь много, а времени у нас мало. Поэтому, на мой взгляд, следует прежде всего поклониться Кресту Господню.

Базилика на Латеранском холме «Santa Croce di Gerusalemme», или Святого Креста Иерусалимского, заставила россиян остановиться на месте. Центральная часть продолговатого здания выделялась мраморной облицовкой и колоннами. Наверху стояли изваяния ангелов и святых. Весь фасад был гармонично украшен карнизами, пилястрами, балясинами и прочими архитектурными причудами барокко, названия коих знают одни специалисты. А над всем этим возвышался сквозной металлический крест. Но и того более собор поразил гостей пышностью убранства.

– Я думал, у католиков приняты строгие интерьеры, – сказал, оглядывая всё это великолепие, Андрей Юрьевич.

– Италия ценит красоту, – улыбнулся Виталий и проводил их в маленький придел.

Здесь в витрине они увидели вправленные в реликварии части Креста, гвоздь, терновые шипы, Пилатову табличку с надписями на трёх языках, означавшими «Иисус Назорей, Царь Иудейский».

– Неужели это... – перехватило дыхание у Клавдии.

– Да, подлинные орудия страстей Христовых, – подтвердил Виталий и перекрестился. Последовали примеру и Евгешины.

– Как же они оказались здесь, в Риме? – спросила Клава.

– Святая царица Елена нашла эти святыни в Иерусалиме в четвёртом веке и привезла с собой. На этом месте стоял её дворец, храм появился позже. В Италии хранятся и другие чтимые реликвии: ясли Христовы, часть дома Святого Семейства. Но я решил привести вас именно в эту церковь.

– Правильно сделал, – сказал Андрей Юрьевич.

– Подумать только: эти вещи прикасались к Спасителю. Им две тысячи лет. Дух захватывает! – прошептала Клава.

– Мало кто из туристов знает об этом храме, – выйдя на площадь, сказал молодой человек. – Большинство бежит на форум. Да и мы сейчас отправимся в центр притяжения Рима. Как же побывать в Италии и не увидеть амфитеатр Флавиев?

– Да это же Колизей! – воскликнула Клава, увидев это легендарное место. Самый знаменитый амфитеатр – громоздкий, монументальный, чернёный потёками от дождей и сквозящий многочисленными арками входов.

А неподалёку стояла испещрённая барельефами триумфальная арка, виднелись развалины безвестных зданий, уцелевшие белые колонны. Достопамятные виды завораживали, и мысль, действительно, награждала строения древних лучшими эпитетами.

– Не могу поверить, что всё это вижу своими глазами, – прошептала Клава, – эти картины из учебников и журналов.

– Окунёмся же в атмосферу Древнего Рима с головой. Пройдёмте внутрь. Мы увидим и арену, и трибуны, и подсобные помещения как на ладони. Зрелищ, правда, не будет.

– На фотографиях Колизей кажется не выше двух этажей, а на самом деле он как огромная многоэтажка, – на ходу рассуждала Клава. – Сколько же здесь места!

– Так и предусмотрено: амфитеатр мог вмещать свыше пятидесяти тысяч человек. У него было восемьдесят выходов, что позволяло публике всего за десять минут заполнить здание или, напротив, освободить его от своего присутствия, – пояснил Виталий.

– Но как мрачно, всё такое серое, – заметила Клава.

– А вот и печально известная арена, политая потоками крови людей и животных.

– Да, удивительно, до какой жестокости человек доходил, устраивал забаву из чужих страданий, – покачала головой Клава.

– Телевизора тогда не было, – подметил Андрей Юрьевич.

– Смотрите, крест, – показала Клава. – Почему он здесь, в языческом месте?

– Он установлен в память христиан, принявших здесь мучения.

Это напоминание перекрыло преходящий восторг гнетущим впечатлением. Все трое приумолкли, внутренне скорбя по невинным жертвам.

– Лучше пойдёмте отсюда, – предложила Клава.

– На площадь...

А здесь вовсю, словно в невиданной бойкой пляске, кружилась жизнь. Гомонили туристы едва ли не всех национальностей. Заманивали покупателей продавцы из сувенирных лавок и лотошники. Актёры, выкрашенные под стать бронзе, изображали статуи и подолгу стояли не шевелясь. Но вдруг, пугая прохожих, выходили из оцепенения, улыбались и делали несколько па. Развлекали иностранцев и фокусники, и жонглёры, и модели в костюмах времён расцвета Римской империи, готовые позировать перед камерой на пару с гостем. Поодаль стояла карета, запряжённая белой лошастью.

Трио задержалось, увидев мальчика лет десяти, который очаровательным дискантом пел знаменитую «O Sole Mio».

– Жизнь всё-таки берёт своё, – ободрил Виталий. – Предлагаю отведать мороженого. В Риме его готовят настоящие волшебники.

Неутомимый выдумщик и эстет, он привёл гостей в небольшой ресторанчик на одной из главных улиц столицы. Как выяснилось, Виталий знал толк и в итальянской кухне. Правда, исключительно как гурмэ. Посетителям были предложены что ни на есть известные блюда «от корней»: ассорти из морепродуктов, пицца, приготовленная в дровяной печи, насыщенный кофе и в самом деле какое-то неземное лакомство – мороженое. Клава вспомнила, какой простой едой кормили они своего друга, и опять почувствовала неловкость. Мужчины, однако, её мыслей не разделяли. Андрей Юрьевич, как всегда, неприхотливый, кушал основательно, добро, с медвежьим аппетитом, по выражению его супруги. Виталий же не выказывал какого-либо самодовольства, ведя себя непринужденно и естественно. Да и не было его целью показать превосходства ценителя, он лишь хотел представить дорогим людям всё лучшее, как самый радушный хозяин.

* * *

Переночевать пришлось в квартире-студии, принадлежавшей Виталию, а в Сорренто вернулись за полдень. Навстречу им с залиvistым лаем кинулась пушистая белая собачонка. Все остановились.

– Понимаю: племянники приехали, – обескураженно произнёс Виталий. – Верно говорят: какие хозяева, такие и питомцы. Хотя девчонкам по девять, они у нас задорные и необузданные.

– Это кто? Кто такой сердитый? Кто так невежливо гостей встречает? – проворковала Клава, протянув руку озверевшему комочку. Тот сбавил громкость, принялся и вдруг завилал хвостом и даже дал себя погладить.

– Как тебе удалось его приручить? – опять удивился Виталий.

– С животными у меня почему-то лучше складывается, чем с людьми.

Их долгое отсутствие истомило старшего Нечаева, о чём Виталию не преминула сообщить Мария.

– Придётся нам сегодняшний день провести дома, – сказал он Евгешиным. – Дедушке хочется ещё с вами поговорить. Вы не возражаете?

– На самом деле мы затем и приехали, – напомнила Клава.

– Да, но мне хотелось показать вам Сорренто.

– Мы не так уж мало видели из окна машины, – успокоила Клава. – Мне, например, запомнились узкие улочки – у нас таких нет – и многоэтажки со ставнями, с цветами на балконах.

– Да, но знаменитые места...

– В другой раз, – поднял ладонь Андрей Юрьевич, не подумав, что гостить им оставалось всего ничего.

Войдя в гостиную, они увидели Владимира Николаевича сидящим у камина. Перед хозяином стоял журнальный столик, где на подносе дымились четыре чашки чая. Старик ожидал земляков с минуты на минуту.

– Приветствую вас, присаживайтесь и угощайтесь, – улыбнулся он, едва их заметил. – Это, можно сказать, наша последняя удобная встреча. Так побеседуем же всласть.

– Владимир Николаевич, я всё удивляюсь: как вам удалось сохранить таким гибким русский язык? – улучив момент, спросил Андрей Юрьевич.

– Мы не порывали с Родиной, хранили её в своих сердцах, в устоях. Говорили по-русски, читали на русском, слушали русскую музыку, дружили с русскими семьями. И всегда берегли честь русского имени. Мы держались традиций, особенно православных. Ходили в церковь, по возможности соблюдали посты и обязательно встречали праздники. Самыми долгожданными были Рождество и Воскресение Христово. Как ни скудно жили, красные дни отличали. Их мы проводили в семейном кругу. Просто отдыхали и старались быть самими собой. Умудрялись ёлку убирать. Даже конфеты появлялись в стеклянной вазочке. Бабушка вручную делала игрушки. Помню ватных овец, бумажные снежинки, фигурки зверей из папье-маше. Она была мастерица с хорошим художественным вкусом. Вела хозяйство, находила возможность расписывать посуду. Из-под кисти выходили милые девочки в сарафанах и кокошниках, мальчики в кафтанах, животные – медведи, лисицы, петухи. А к Пасхе она украшала яйца. Делала бумажные корзиночки, подвязывала какие-то ленты, цветы. Выходило очень красиво. Нынче этого не повторить.

Старик взял чашку чая и сделал несколько глотков.

– У нас тоже Рождество и Пасха – любимые праздники, – поддержала Клава. – К Новому году мы ставим ёлку. А к Пасхе красим яйца и печём куличи. Ходим в церковь и на крестный ход.

– Разве теперь в Тамбове проводятся крестные ходы? – удивился эмигрант.

– Да, с девяностых годов.

– Слава Богу!

– Россия возрождается, – провозгласил Андрей Юрьевич.

– Слава Богу! – повторил Владимир Николаевич и перекрестился.

Переведя дыхание, он тихо продолжил:

– К нам иногда по праздникам приезжали умнейшие люди, вели увлекательные разговоры. Касались всех сторон жизни – от международных отношений

до недавно поставленного спектакля. Только многое кануло в реку забвения... Рассказываю о том, что часто перебирал в мыслях, что осталось на карточках. В другой раз я был умнее – во первых взял альбом.

Виталий принёс его по просьбе деда. Тот положил семейную реликвию на колени и, перелистывая страницу за страницей, стал пояснять:

– Бабушка Агриппина Романовна. Бабушка с отцом Николаем Александровичем. Это в Белграде. Я в форме железнодорожника. Мы со сверстниками на прогулке. В гимназии – я второй слева. Отец с полковником Олегом Елисеевичем Вахрушевым. Этот человек действовал на моё юношеское сознание почти гипнотически. Немолодой, но ещё в полной силе, он был образцом офицера и джентльмена. Всегда бодрый, подтянутый, благожелательный, с безупречными манерами. Ещё недавно он блистал на балах и парадах, и вдруг оказался на одной доске с нами, провинциальными дворянами. Даже ниже нас – служил рядовым сторожем. Видимо, переворот стоил ему многих переживаний, однако никто как он не умел скрывать свои чувства. Казалось, он никогда не унывал и, как дитя, радовался жизни. На его примере я учился, как себя держать русскому дворянину. Помнится, в Белграде объегорил я одного малыша. На спор выиграл у него оловянную пушечку. Победа была нечестной: знал я, что больше подтянусь, чем он. Мы договорились: кто больше подтянется, тому трофей. Мальчишка плакал, скорбя о потере. Слух дошёл до моего отца, и он долго внушал мне: «Ты русский дворянин! Не должно тебе подличать. Благородным будь всецело! Живи открыто. Как перед Богом». Запали эти слова мне в душу. И я увидел эталон достоинства в Олеге Елисеевиче. Само собой, примером был и мой отец. Просто он не был военным, а военная дисциплина мне тогда больше гляделась. Через всю жизнь, бережно, как неугасимую свечу, нёс я честь имени. И потомкам старался те же качества привить. Особенно Виталию, потому что он хотел это принять.

– У вас получилось, – кивнула Клава.

– Насколько мы успели узнать Виталия, он золотой человек, с горячим сердцем, – добавил Андрей Юрьевич.

– Он у меня душа с крылышками. Совсем другого полёта, чем все его родные. Художественная натура. Норовит в живописцы. Фабрикой не интересуется. Да и впрямь быть управляющим не его стезя. Ему, как самому творчески одарённому в семье, нашлось смежное дело – выдумывать узоры для ткани. Однако ж он недоволен. Да я понимаю: тяжело, когда работа не в радость, а в необходимость. Не отпускают его родители, думают, пропадёт без хорошего места. Я и сам через это прошёл, ни дня не трудился по своим устремлениям. Всё только ради хлеба насущного. Время такое было. Но нынче работа должна быть по силам и по сердцу, тогда человек и счастлив будет. С ним, с Виталькой, только и общаемся по-русски. Константин и Мария не заинтересовались. Маша так прямо и заявила: «Зачем мне тратить на это время? Я всё равно туда не поеду». Жестокие слова – кинжал в сердце. Виталия нет – и поговорить tête-à-tête не с кем. Сверстники вымерли. А с новыми людьми поздно знакомиться.

– Как же тогда мы? – жалобно протянула Клава.

– С вами у нас связи давние – мы насельники одного и того же дома, обладатели одного и того же ларца...

* * *

День приёма выдался погожим и тёплым. С самого утра в доме царила суета: наёмные работники готовили угощения, натягивали в саду тент, расставляли мебель. Виталий, как быстрокрылый стриж, носился от одного из них к другому с указаниями и поручениями от Марии. Владимир Николаевич отдыхал перед вечерним испытанием. Так что Евгешины были предоставлены сами себе, весь день только и занимаясь то игрой в шашки, то вознёй с резвой собачкой.

Забегали к ним раз любопытные близняшки – правнучки юбиляра. Они не знали ни слова по-русски, а Клава вовсе стушевалась при виде взбалмошных девчонок, будто не она была старше. Андрей Юрьевич посмешил их, строя рожицы. На том знакомство и кончилось.

Наедине отец и дочь острее, чем в минувшие дни, ощутили тоску по дому. Неухоженный, недолюбленный – как он там? Уже прячется в увядающих листьях? Задрёмывает? А может, сам скучает по ним? Клава чувствовала: окажись она у родных стен, даже отвратительные потёки на кладке расцеловала бы. Благо на своём посту была хранительница очага. Здорова ли мама? Увидеть бы теперь её глаза... Какое счастье, что есть возможность вернуться, есть уверенность в скорой встрече с нею!

Вечером в саду зажглись фонари и гирлянды. Струнный квартет начал программу. Зазвучала приятная, умиротворяющая музыка. Гости – человек тридцать, а то и больше – выхоленные, надушенные, в вечерних нарядах, заполонили дорожки и газоны.

– Вито, где же твои русские друзья? Покажи их нам, – нашлись первые любопытствующие.

К Евгешиним приблизилась копна роскошных каштановых кудряшек. Их обладательницей была высокая и стройная молодая особа в коротком переливающимся пайетками платье, с красивым, но невыразительным и неприметным личиком, какое обыкновенно называют смазливый – не более. Она держала под руку статного мужчину, смуглое лицо которого резко контрастировало с шапкой серебряных волос.

– Клавдия, Андрей Юрьевич, позвольте вам представить: мой друг детства Патриция и её отец Антонио Национале.

– Здравствуйте, рады приветствовать вас в Италии. Как вам здесь нравится? – слегка поклонился тот. Девушка тоже улыбнулась и кивнула, очень стараясь, чтобы её любопытствующий взгляд не показался бесцеремонным.

– Спасибо. На редкость красивые края, – ответил Андрей Юрьевич, когда Виталий перевёл вопрос.

– Думаю, мы ещё увидимся. А пока выразим почтение юбиляру.

Отец и дочь любезно поклонились и проследовали к центру притяжения, где ожидался выход виновника торжества. Для тамбовчан не находилось собеседников, пока, наконец, Виталий не подвёл к ним ещё одну пару. Казалось, сама невозмутимость был невысокий, средней комплекции господин в строгом чёрном смокинге и при бабочке. Каштановые волосы с проседью начинались у него на макушке, отчего лоб казался неумеренно высоким. Шедшая с ним под руку брюнетка с мелкими, но очень красивыми чертами лица, напротив, лучилась ко-

кетством. Внимание к ней привлекало красное платье с глубоким декольте, открывавшим взорам изящное кольцо с рубиновыми слёзками.

– Дорогие друзья, прошу любить и жаловать барона и баронессу Крафт. Владимир Сергеевич – тоже из наших, потомок русских беженцев, собиратель их историй. Он прекрасно владеет языком. А это наши гости из России Андрей Юрьевич и Клавдия Евгешины.

– Добрый вечер, – улыбнулись Крафты, при этом дама не удержалась от того, чтобы оценивающе оглянуть россиянку.

Клава была одета в платье цвета пудры с короткими рукавами и до колен. Едва ли украшала его маленькая серебряная брошка в виде цветочка, сердцевина которого искрилась феоном. Всё было новое, но годное разве что для школьного праздника в глухой провинции. И Клава сразу это поняла. Среди местных щёголей, при всей их вежливой сдержанности, она чувствовала себя даже не Золушкой, а какой-нибудь чёрной кухаркой. Словно тряпичная кукла в ряду фарфоровых статуэток. «Угораздило же со свиным рылом лезть в калашный ряд. Мы здесь лишние. Хотели же отказаться от участия в празднике. Нет – на попятную. Любопытно стало на эмигрантов поглазеть», – ругала она себя, но – деваться некуда – держалась стойко. Что до Андрея Юрьевича, он наивно довольствовался своим парадным, хоть и не раз стираным, тёмно-серым костюмом.

– Простите, я похищу у вас Виталия, – подойдя к ним с доброжелательной улыбкой, сказала Мария.

– Как там наша Русь-матушка? – спросил барон, когда распорядители приёма оставили их наедине.

– Стоит, – ответил Андрей Юрьевич.

– И, как слышно, возрождается?

– У вас потрясающая осведомлённость. Страна воспряла, начала обустриваться. Общество возвращается к истокам. Растёт интерес к вековой культуре, церкви по мере сил восстанавливаются.

– Что же коммунизм? Забыт?

– Слава Богу, теперь у нас свобода слова и взглядов. Будь хоть коммунистом, хоть монархистом.

– По-моему свобода – неточное определение, скорее пахнет разобщённостью. Ещё древние говорили: разделяй и властвуй. Людей должно что-то объединять, скреплять воедино. Только тогда они и есть народ.

– Ваша правда. Но так сразу найти общие струны нелегко. Есть земля, есть язык, есть история. Нынешняя власть не применяет насилия, смотрит, что своей идеологией изберёт сам народ. Да он, собственно, определился. Как я уже говорил, великий эксперимент закончен, возвращаемся к исконным, проверенным предками традициям. И на них строим новую Россию.

– Дай-то Бог, – важно покивал барон. Хотел он было ещё что-нибудь сказать, но тут в самую гущу гостей вывезли юбиляра.

Владимир Николаевич, по виду уставший и немощный, вдруг встал, оттолкнул коляску и выпрямился во весь рост. Серая тройка, бордовый галстук с бриллиантовой булавкой и вдобавок к тому задорная улыбка омолодили его лет на двадцать. Гости ахнули одним выдохом, а потом по рядам зажурчал смех.

Оценили его шутку, запомнили. Но он пошёл дальше: взял в пару внучку, и едва зазвучала музыка – знаменитый вальс «На сопках Маньчжурии», – они закружились в центре площадки. Небольшой тур в медленном темпе стоил старику многих сил, но эффект от его молодецкой проделки оказался потрясающим. Аплодисменты не утихали несколько минут. «Пусть потешатся, пусть долго вспоминают старого Бояна», – думал тот, задорно щурясь и раскланиваясь уже из кресла.

Программа вечера затянулась. Опаздывали важные персоны – сын и невестка юбиляра, на что тот очень досадовал. Когда заминка стала слишком ощутимой, праздник пришлось продолжить без них. Полились поздравления и тосты, потекли караваны даров.

Пока одни исполняли церемонии, другие мило беседовали со старыми приятелями. До слуха Евгешиных доносилось, что любомудры обсуждают последние новости и политическую обстановку в недостижимом, почти мифическом для них Отечестве. Звучало имя президента. Барон возлагал на него надежды, собеседник же не оставлял скептических позиций.

– Сомневаюсь, чтобы Россия возродилась в прежнем величии.

– Да не может того и быть: эпохи никогда не повторяются один в один, хотя и наблюдают философы некоторую цикличность в истории. Каждое время несёт в себе следы минувшего и собственные ухищрения. Любопытно, что отольётся в новой форме...

Ещё говорили об издании мемуаров недавно почившего князя, о новых документах. Но к живым соотечественникам отчего-то не подошли.

Между тем пожаловали Георгий Владимирович с супругой Габриэлкой. Они сразу же прошествовали к отцу – с извинениями и поздравлениями. Подошли как раз к столу.

Фуршет порадовал кушаньями, вид которых был, на взгляд Евгешиных, диковинным, но аппетитным. Карпаччо, тарталетки с креветками, запечённые лобстеры и лангустины, фаршированные помидоры, мясные рулеты с пряностями – даже сами эти названия, перечисленные Виталием, показались Клаве деликатесами. Потом последовали танцы. Музыка звучала только классическая.

В благодушно рокотавшем обществе, против ожидания, никому не было дела до приунывших северян. Только Виталий изредка наведывался, интересовался настроением. Он понимал, что его новым друзьям здесь неловко, и подбадривал их шутками да маленькими сюрпризами – то подсовывал забавную записку на салфетке, то подносил какое-нибудь лакомство. Клавдию он пригласил на заключительный тур вальса. Но покружиться вместе им так и не довелось: барышня попросту сбежала. Где там танцевать, если она стеснялась даже присутствовать на приёме.

С торжества Евгешины вынесли для себя одно: это был чуждый им мир. Красивый и притягательный, но лишённый прелести свободы, простоты, искренности. Теперь им было понятно, почему и Владимир Николаевич, и Виталий тяготились приёмами, почему стремились к тишине, почему так рады были найти родственные души.

– Пора возвращаться восвояси, – поддержал дочку Андрей Юрьевич. – В гостях хорошо, а дома лучше.

– Да, я ужасно соскучилась по маме, по нашему дому. В последнее время не было минуты, чтобы я об этом не думала.

– И я тоже.

Когда молодой человек, наконец, нашёл Евгешиных, музыка отзвучала.

– Мадемуазель, вы жестоко меня ранили, – деланно попенял он.

– Знаешь, всё сложилось к лучшему. Я думала, здесь будет иначе... Но... Эти люди, незнакомые и такие богатые. Мне не хотелось бы танцевать при такой расфуфыренной публике.

– Как? Расфуыр... растуфы...

– Расфуфыренной, ну, то есть роскошной, напыщенной, разодетой в пух и прах.

– Расфуфыренной, – медленно повторил юноша. – Как ты точно подметила!

И все трое рассмеялись. Так для них прозвучал главный аккорд праздника – задорный и залихватый. Желанная компания снова собралась вместе, и тень, набежавшая было на их взаимное расположение, рассеялась. Но Виталий всё равно, откланиваясь, припомнил:

– Теперь, Клавдия, за тобой должок!

Евгешины уезжали, так сказать, после бала: причин задерживаться не было. Вечером предстоял вылет. Они покидали виллу чуть свет, тихо, не привлекая внимания почивающих гостей. Отвезти друзей в аэропорт Виталий не позволил никому другому – только сам.

– Благослови тебя Бог, деточка, – прощаясь, напутствовал накануне старый дворянин. – Благодарю, что приехала и привезла мне радость. Дерево засохло, но я вижу, что побеги остались. И побеги славные, они ещё себя покажут, ещё расцветут. Андрей Юрьевич, позвольте, я пожму вашу руку. От всей души вас благодарю. Смею попросить вас передать письмо в ваш музей. Это мои записки – кое-что о знакомствах, событиях, думках. Пожалуй, тамбовским жителям будет интересно.

– Но конверт не запечатан.

– Да будь он запечатан, вы бы, милостивый государь, меня на дуэль вызвали.

Андрей Юрьевич только брови вскинул, принимая рукопись.

– Будьте здоровы, будьте счастливы. Берегите Россию!

– Бережём и будем беречь.

– Ангела Хранителя вам в путь.

– Спасибо! – в один голос ответили отец и дочь.

– Целомудрие, скромность, такт. Редкая по нынешним временам барышня, – и Владимир Николаевич, к удивлению внука, перекрестил Клавдию вслед.

Миг прощания всегда наполнен грустью. Вот и теперь она обволаки-

вала своим туманом... Заканчивалась сказка, и у всех на душе было тягостно. К этим ощущениям примешивалось какое-то смутное недоброе предчувствие. То ли друзья расставались навек, то ли впереди их ждали напасти. Всё необычное куда-то улетучилось. По дороге между мужчинами поначалу бурлил пустой житейский разговор, в который изредка из вежливости вовлекали Клавдию. Потом пассажиры задремали. А когда приехали, суета, словно стиральная машина, закружила их в своём неумолимом вихре.

– До свиданья, Виталий, спасибо за чудесный отдых и праздник! – сказал напоследок Андрей Юрьевич, а дочка, устало улыбнувшись, помахала рукой.

Разлука горька, но сладка встреча. Путешественники оживились, едва ступили на стынущую в предзимье русскую землю. Родина, глубока в благородном человеческом сердце привязанность к тебе! Как непостижима твоя сущность, и как неиссякаемо обаяние. Всё мило взору: полноводные реки и просторные поля, неприхотливые деревья и птицы в небе, далёкие домишки и придорожные камни. Всё стократ дороже дальних красот. Эта земля дала для жизни всё и приобщила к великому наследию тех, кто обладал ею прежде. Эта земля – мать, любящая и любимая.

Тамбов между тем встретил неласково. Сильный ветер качал провода, словно бы играл на струнах. В воздухе, как призраки, носились прозрачные пакеты. Прохожих обдавало пылью. Стены старинного дома хорошо держали этот натиск. Клава погладила угловые кирпичи и даже поцеловала. В комнатах стояла тишина. Только оконные стёкла дребезжали да ходики потикивали. Татьяна Степановна, мучаясь мигренью, лежала который день. Переживания за родных стоили ей втридорога. Отлегло от сердца только тогда, когда она стиснула в объятиях дорогое чадо и супруга.

– Мне кажется, я вернулась в рай! – бросившись на диван, воскликнула Клава.

– Хорошая поездочка была. Никогда в жизни так не отдыхал.

– Мне очень понравилось путешествовать. Если куда-то едешь, значит, у тебя есть цель. Значит, жизнь становится ярче и интереснее. Мамочка, нам столько надо рассказать!

– Отлично, но чуть позже. Как там по-народному: с дороги сначала в баньку проводи, потом накорми, а потом расспрашивай. И голову мою пора на место поставить, – слегка постучала она себя по лбу.

– Бедная ты наша, когда же тебя оставит эта болячка? – подластилась дочка.

– Это мои оковы. Смерть придёт и освободит, – вздохнула мать.

– Не говори так! Тебе ещё полвека жизни радоваться и нас терпеть.

– Хотелось бы, конечно, внуков увидеть.

– Каких внуков? – горько усмехнулась Клава. – Кто взглянет на меня, невзрачную шмакодявку? Я буду с вами, а вырасту – заведу кошек. Я, кажется, уже об этом предупреждала. Как думаете, когда я стану достаточно взрослой?

– Не торопи события, – попросила Татьяна Степановна. – Беззаботное детство никогда не вернётся. Не спеши открывать все тайны жизни сразу, иначе

ничего нового для тебя не останется. Всё придёт в своё время, когда будешь к этому готова.

– Богато они живут, Нечаевы, – сказал Андрей Юрьевич. – Дворяне так и остались дворянами. А мы, крестьянские дети, как были бедняками, так и продолжаем.

– Кровь не вода, – согласилась Татьяна Степановна. – Они поколениями накапливали своё высокоумие.

– Не всем оно помогло, – возразил супруг. – Насколько я знаю, русские генералы таксистами за границей служили. Приятель нашего Нечаева полковник Вахрушев в сторожах числился.

– Но они не унывали, – добавила Клава.

– Вот с кого надо брать пример! – воодушевилась Татьяна Степановна. – Сама говоришь: в рай вернулась. Чем у нас плохо? Сыты, одеты, крышу над головой имеем. Овладейте искусством видеть прекрасное в малом – и век ваш будет благ.

– А из малого выходит великое, – процитировала Клава.

– А может, рядом кому-то ещё горше, чем нам. Вот и надо смотреть, где хуже, и там быть первым помощником.

Семья зажила по-прежнему тихо-мирно. После школы, как обычно, Клавдия делала отчёт перед матерью.

– Какие новости?

– Моросит сегодня, погода поменялась.

– Да уж... Погода – первейшая фабрика новостей. Что в школе?

– Пятёрку получила за сочинение. По геометрии – четвёрку.

– А девчонки, мальчишки?

– Все на месте, кроме Ольги, – заболела.

– Что Ромка?

– А что Ромка? Как обычно.

– Не кадрится к тебе случаем? Его мама со мной на днях посекретничала: что-то он всё о Клаве разговоры ведёт.

– Костерит, наверно.

– Да нет. С увлечением говорит.

– Ну и пусть болтает, если ему хочется.

Клава всё ещё перебирала в памяти впечатления. Каждый вечер рассказывала маме что-то новое. Одна из таких бесед даже имела последствия...

– Знаешь, там, на приёме у Владимира Николаевича, танцевали настоящий вальс. Это было очень красиво. Меня Виталий тоже научил нескольким па, пригласил на тур. Но я... спряталась.

– Ах, ты, глупая, – засмеялась мать. – По правде говоря, ты серьёзно оскорбила Виталия.

– Да? Но он вроде не выглядел обиженным.

– Чувство такта не позволило ему этого показать.

– Ой! Как же тогда всё исправить?

– Попроси прощенья. Подготовь какой-нибудь сюрприз.

– Я, кажется, придумала! Что если мне научиться танцевать вальс? А потом я потанцую с Виталием. Вот он удивится!

– Мысль хорошая. Запишись на курсы. А заодно перестань грызть ногти, – и Татьяна Степановна шлёпнула по её потянувшейся ко рту руке.

– Перестану. Прямо с этой минуты. Пойдём завтра после уроков записываться?

– Ну, нет. У меня сил недостаёт. Сама. Привыкай всё делать сама. Узнавать, находить, договариваться. Такая практика очень пригодится для жизни.

– Но я боюсь... Там чужие люди... Я не знаю, как и что сказать.

– Преодолевай себя. Учись. У тебя ведь великая цель – удивить и порадовать хорошего друга.

– Только приедет ли он ещё?

– Думаю, когда-нибудь приедет. Раз приглашал к себе, значит, хочет общаться. Я сильно удивлюсь, если он не из тех, кто держит своё слово.

Как бы тягостно ни было, Клавдия записалась на танцы. Её интересовал только вальс, поэтому дело продвигалось относительно быстро. Пару ей составляла девушка, чем начинающая ученица была очень довольна. После трёх-четырёх занятий она привязалась и к партнёрше, и к наставнице.

Так шло изо дня в день, пока не нагрянули горькие вести. В коротком письме Виталий сообщил, что Владимир Николаевич продержался всего около месяца после юбилея. Он отошёл в лучший мир, как сказано в Библии, насытившись днями. А любимый внук оказался одиноким: он расстался не просто с дедом – с самым близким, самым настоящим другом. По скупым строчкам Евгешины поняли, что скорбь младшего Нечаева безмерна, и ему не до живописания. Любые слова могли служить лишь слабым утешением, но Клава и её родители всё-таки постарались выразить своё участие в ответном послании. Под диктовку матери Клава написала:

«Дорогой наш друг Виталий! С великим прискорбием узнали о кончине твоего дедушки. Мы плачем вместе с тобой. Но всё-таки утешаемся тем, что Владимир Николаевич прошёл долгий путь, чего удостоивается не каждый. Мы счастливы, что знали Владимира Николаевича. Мы часто его вспоминаем. В его жизни встречалось много трудностей, но они его не сломали. Он остался человеком благородным и чутким. Трогательной была его любовь к России, к семье. Отрадно то, что Владимир Николаевич был вознаграждён долголетием и ветвистым семейным древом, что исполнилась его последняя мечта, что надежда оказалась не напрасной. Мир его детства не был до конца разрушен, и твой дедушка ушёл из жизни успокоенным и примирённым. Пусть поживает он с миром. А ты, Витальюшка, держись, не падай духом. Обнимаем тебя крепко-крепко. С участием и любовью, Андрей Юрьевич, Татьяна Степановна и Клавдия».

Скоро вслед за тем по улице поползли слухи, что старые дома по С-ской приговорили к сносу. Жильцов, сообщало сарафанное радио, расселят по квартирам, а на месте «рухляди» выстроят торговый центр и парковку. Между соседями возникли разногласия: одни были рады переменам, другие не хотели уезжать с насиженного места. Евгешинных такие новости опечалили настолько глубоко,

словно смертельно заболел кто-то близкий и любимый. Да так оно и было: этот дом они считали родным очагом. Сколько счастливых дней они видели в его стенах, сколькими нитями он связал их с историей города и наследниками усадьбы. И что теперь будет вместо – новодельная клетка в поднебесье?

Андрей Юрьевич решил бороться с наплывом современной дешёвой цивилизации. Он презирал множившиеся в городе стекольно-бетонные конструкции, построенные без души и лишь ради наживы. С ним заодно была тётя Галя, обладательница телефона, и жильцы домов через дорогу, и даже Ильич. Вошли в обычай вечерние посиделки. Тётя Галя, словно колядовщица, обходила каждый дом, усаживалась на каждой кухне и говорила об одном и том же.

Недаром говорят: беда не приходит одна. Недобрые вести подкосили Татьяну Степановну. Не проходило дня, чтобы она не маялась с высоким давлением. В середине декабря её положили в больницу, но с недугом было сложно справиться даже врачам.

Эти испытания серьёзно отразились и на Клавдии. На неё легли заботы по хозяйству и уход за матерью. Дочь безмерно переживала за неё. Мрачные мысли налетали, как вороны. Как ни старалась их отгонять, они вились ещё больше. А по ночам, когда отец дежурил, Клава трепетала от страха, вздрагивала от каждого шороха. Всё чудилось, что кто-нибудь из бесшабашной компании соседа ворвётся в их половину или безжалостные призраки прошлого явятся терзать истомлённое воображение. Засыпала страдальца глубоко за полночь. За две недели она осунулась, побледнела, словно на неё саму напала хворь. Забросила танцы, забуксовала в учёбе.

Зная о напастьях, учителя снисходили к ней. Одноклассники – те сами по себе утихомирились: возраст брал своё – теперь у молодых людей первостепенными стали совсем другие заботы. Некоторые из ребят были очень даже не прочь приглядеться к уравновешенной, верной себе умнице. Даже Ромка, и тот повернулся к ней человеческим лицом. Однажды Клава шла за молоком к женщине, которая держала коз. Возле обшарпанной двухэтажки барачного типа путь преградила сердитая собака. Клава попятилась к стене, на что псина ещё больше облизалась. Милое воркование на неё не действовало. Собака скалилась и рычала.

– Эй, давай сюда! – услышала Клава сверху. Ромка протягивал ей руку. Дело было под окнами его квартиры. Клава не знала, что он здесь живёт, а знала бы – обошла бы за сто метров.

– Банку давай. А потом сама влезешь.

– Я сюда не дотянусь.

– Жить хочешь? Тогда лезь. Да помогу я, помогу, не дрейфь.

Деваться некуда – уцепилась, кое-как встала на выступ внизу балкона. Ромка подтянул за руки. Клава закинула ногу, потом другую. Совсем как пацанка.

– Это Бузя. Добрейшая собачка. У неё три щенка. Просто ты не вовремя. Наверно, там схрон.

– Что?

– Да небось закопала косточку. Вот и охраняет. Проходи, гостьей будешь, – улыбнулся с прищуром Роман, отчего Клаве стало не по себе.

– Спасибо. Я лучше пойду. Где выход?

– Подожди. Я там у дверей линолеум приклеил. Минут пятнадцать – и он подсохнет. Да ты садись, садись. Я пока чайку согрею, и печенки есть.

Клава удивлённо следила за его движениями. Ромка суетился, как добрая хозяйка. Видно было, что и он привык управляться на кухне. Поставил на стол две чашки с блюдцами, положил чайные ложки, выставил вазу с печеньем. При этом старался спрятать почерневший ноготь. Клаве было очень любопытно, чем мальчишка себе повредил, но, видя его смущение, от вопроса она удержалась. А вот поведение забияки поставило в тупик. Обычное гостеприимство, без тени насмешки. Может, это он в классе буйствует, а дома совсем другой человек? Или при друзьях выделяется? А ведь и они, Васька с Димкой, тоже её как-то выручили. Тогда Ромки с ними не было.

– Алгебру сделала?

– Да.

– А я затупил. Задача такая сложная. Ерунда какая-то получается.

– Покажешь?

– Ага. Щас тетрадку притащу.

– Да у тебя тут всего ничего ошибочка. Смотри. А так ход мысли верный.

– А-а-а, точно! Вот в чём загвоздка. Спасибо!

– Кажется, время прошло? – напомнила Клава, отодвигая пустую чашку.

– Ага. Можно идти. Как твоя мама? – спросил у порога Ромка.

– Нормально.

– Как в больнице может быть нормально?

– В больнице как в больнице. Немного лучше, чем было. Думаю, её подлечат.

Татьяна Степановна вернулась домой к концу месяца. Ей стало существенно легче, а домашние окружили больную любовью и заботой, словно царицу. И жизнь пошла лучше прежнего. Потому что, ко всему прочему, была украшена зимними праздниками с их неизменными атрибутами – ёлкой, игрушками, рождественской службой в церкви. Соседи пугали птиц и кошек взрывами петард, а Евгешины наслаждались тихим домашним уютом. Клава получила от родителей в подарок статуэтку ангела и коробку конфет, а их оделила носовыми платочками, которые она украсила вышивкой в виде половинок сердечек, чтобы платочки были парными – никуда друг без друга, как мама с папой.

* * *

Это случилось февральским вечером. Метель тогда разыгралась невиданная. Мириады снежинок заполняли собой пространство. Не боль, но какую-то дикую какофонию, под стать погоде, ощущала в своей голове многострадальная Татьяна Степановна. Когда стало совсем невмоготу, она пожаловалась мужу:

– Андрюша, мне что-то плохо. Где Клава?

– Я здесь, – отозвалась та и, глянув на обессиленную, как-то странно обмякшую мать, вскрикнула не своим голосом: – Пап, что это?

– Беги вызывай скорую! – пытаюсь скрыть свой страх, притопнул отец. – Нет, я сам. Побудь с матерью.

Татьяна Степановна смотрела скорбным взглядом: не оттого, что взял верх жестокий недуг, ей было жаль совсем ещё юную дочку. Ужасен тот момент, когда человек не властен над собой, когда остаётся без права выбора и не в силах что-либо изменить. Особенно если есть ради кого это делать.

Медики пробирались сквозь непогоду долго. Почти нулевая видимость и занесённые снегом дороги затрудняли путь. Больная не дождалась и потеряла сознание.

– Ничего, ничего, сейчас доктора приедут, сейчас всё будет хорошо, они нашу душечку мигом на ноги поставят, – бормотал сникший Андрей Юрьевич, поглаживая руку жены.

Когда врачи, наконец, приехали, увиденное их заметно встревожило. Диагноз был страшен: инсульт. Не медля ни минуты, скорая забрала Татьяну Степановну в больницу, оставив родным одну лишь зыбкую надежду. Не помня себя, они помчались вслед за ними – сквозь пуховые сугробы, свирепый ветер и послушный ему снег, который сыпался, как мука сквозь пляшущее сито, и немилосердно лепил в глаза.

Напряжённое ожидание в безликом коридоре было пыткой. Отец и дочь сидели, обнявшись, бессвязно шепча молитвы и слова утешения друг другу. В ночь их выпроводили домой, а утром с неизвестностью было покончено.

– Андрей Юрьевич, крепитесь. Вашу жену не удалось спасти.

– Что это значит? – нервно улыбнувшись, спросила Клава, всё поняв, но не желая верить.

– Она умерла, не приходя в сознание. Мне жаль.

Эти слова оглушили Андрея Юрьевича, как взрыв. Клаве показалось, что она летит в бесконечное тёмное пространство.

– Мама, которая больше, чем мама – друг, единомышленник, душа семьи... Та, кто заменяла нам всех, покинула нас? – никак не могла осознать девушка.

Вернувшись домой, она машинально принялась разгрести снег. Возле дома ложилась ровная дорожка. Прохожий в меховой шапке со спущенными наушниками подбодрил:

– Бог в помощь! – и, неуклюже балансируя по глубоким заносам, пронёсся мимо – в соседний дом.

– Спасибо, – привычно ответила Клава вслед.

Но простая эта фраза проникла в душу, словно невидимые целебные капельки. Бог, конечно, Бог! Вот где искать прибежища. Так иной раз доброе слово, вовремя сказанное, даже брошенное мимоходом, даже незнакомцем, выручает и окрыляет. В своей горенке Клава упала на колени перед образами, положив руки на стол, а на них – голову. Она не молилась, а только всхлипывала. Горе рвалось наружу, как кипящая лава. Клава приглушала порывы, и потому мука длилась дольше. Зато опустошение совсем лишило сил к тому, чтобы сокрушаться.

Истомлённая, она легла на кровать и в безотрадности заснула. Она видела себя в дремучем лесу, среди замшелых камней, всяких лишайников, молчали-

вых вековых сосен, скрывавших кронами солнце. «Отчего лес дремучий?» – оглядываясь, спрашивала она. «Оттого что дремлет», – наплыло откуда-то. Она не металась в поисках выхода, чувствовала только, как одиноко, холодно, страшно...

А потом были похороны. Дом словно растерялся и обессилел. Его наводнили соседи и знакомые с печальными лицами. Из дальнего района приехала сестра Андрея Юрьевича с дочерью. Разговаривали шёпотом, сочувственно кивали в сторону сироты. Все комнаты пропитал какой-то древесно-пепельный, тяжелый запах горя, запах смерти. На месте дивана стоял белый гроб, а в нём – словно чужое, тело покойницы.

– Хорошая была женщина, рано ушла, – вздохнула тётя Галя.

– Кто же мне давление будет мерить и уколы делать? – пустила слезу тётя Надя.

Монотонно звучал голос незнакомки, читающей Псалтирь. Мирно горели свечи. Это даже несколько успокаивало, сознание будто покачивалось на тихих волнах.

В эти дни пришло письмо от Виталия, но его не распечатали, положили небрежно и затеряли. Андрею Юрьевичу пока некогда было предаваться ни обычным делам, ни скорби. Он хоронил. Второй раз в жизни. Клава словно замерла. Она видела перед собой только одно – безжизненное, спокойное лицо матери. С ней можно было разговаривать, прикоснуться, но не звучало в ответ звонкого голоса, не выражалась ни одна эмоция. Человека делает человеком душа. Именно её, эту душу, которая оживотворяет тело, мы в большей степени и любим. Мёртвое тело кажется неприглядным и отталкивает своим безучастием.

При выносе гроба бабульки затянули «Святой Боже...» – медленный распев надрывал душу. Андрей Юрьевич, не сдерживаясь, рыдал. Клава зажимала губы платком, чтобы не завывать, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания.

– Женщина, видать, хорошая. Гроб такой легкий, а землю вообще лопатами рыли. Это зимой-то. Абсурд! – говорили могильщики на поминках.

Крепко поддержал осиротевшее семейство отец Владислав. Он взял на себя исполнение христианского обряда, да и словом утишил боль.

– Как же нам теперь жить? – не ища ответа, вопрошала Клава.

– Жить! – услышав это, провозгласил батюшка. – Просто жить. С доброй памятью и надеждой на встречу в Царствии Божием. Испытания – они закаляют нас, очищают душу от всего наносного. К вам нескоро придёт излечение от скорби, и эту боль вы даже пронесёте через всю жизнь. Но когда-нибудь Господь даст такое утешение, что слёзы ваши высохнут. Верь, настанут эти времена, когда весь мир расцветёт для тебя...

– Вы здесь? – пробормотал Андрей Юрьевич, натолкнувшись на собеседников. – Клава, там тебя читалка спрашивала. Простите, что отвлек.

– Всё в порядке, – кивнул батюшка.

– Бедная, бедная девочка, – сел на порог хозяин и охватил голову руками. – Без отца – полсироты, без матери – сирота.

– Андрей Юрьевич, ваша дочь духовно очень сильная, – отец Владислав устроился рядом. – Хотя переживать горе будет долго, но выстоит. Она – большая

личность, которая идёт своей дорогой. Уже не один год Клавдия противостоит натиску нынешнего раскрепощения, и делает это мужественно. Она молчит, не ввязывается в конфликты с одноклассниками, но, пораздумав, я понял, что это не позиция слабости или страха. Ведь она стоит на своём. На самом деле её верность избранным идеалам восхитительна. Вместо того чтобы слушать рок или поп-музыку, носить эту безобразную модную нынче одежду наравне с другими, девочка обращается к красивым традициям, к благопристойности. Ваша дочь – особенная, она превосходит и умом, и тактом своих ровесниц, и она далеко пойдёт. Недаром же ей такое интересное прозвище дали – Дворяночка...

– Дворяночка? – переспросил Андрей Юрьевич. – Первый раз слышу. Почему же негодница мне ничего не рассказывала? Я бы этим сморчкам задал жару!

– Именно поэтому и таила. Да и волновать не хотела вас.

– Золотая девчужка, – всхлипнул вдовец. – Добрая, совестливая. Мать сделала из неё оранжерейный цветок.

– Сделать характер родители не властны. Они могут только показать пути, а ребёнок выбирает то, что ему близко.

– Ох-х! Я теперь окружу её ещё большей заботой, буду любить за двоих. И пусть она забудет все скорби.

– Ну, добре!

О своем обещании Евгешин позабыл сразу после похорон. Едва дотерпев до окончания скромных поминок, он пошёл прочь со двора. Не мог он выдержать резкой перемены, когда вместо гула чужих голосов в доме повисла гнетущая тишина, в которой металась душа, а сердце готово было разбиться на кусочки.

Реальная жизнь теперь не шла мимоходом, будто за окном, она вторглась внутрь дома. словно женщина, доведённая до истерики, она разметала покой, набросилась с претензиями на каждого.

Клава осталась одна-одинёшенька в опустевшем жилище. Душа саднила нещадно. Всё прежнее показалось пустым и ненужным. Какие-то наряды, балы, вышивки теперь представлялись тленом.

– Умрёшь и станешь свободной от боли, борьбы, грехов, напряжения и страха, – думала Клава. – Смерть принесёт покой. А если нет? Там – неизвестность. Это-то и страшит. Где-то теперь мама? Бедная моя мама...

Чтобы не разошлись нервы, принялась за уборку, потом за приготовление ужина. Теперь хозяйство оказалось в её власти – нужно было заботиться об отце.

Возвращение Андрея Юрьевича было громоподобным. Клава выбежала на звук падающих предметов, да так и вжалась в стену от ужаса. Обожаемый папочка качался, как ветка на осеннем ветру.

– А, милая, – с блуждающей пьяной улыбкой пробормотал он и как-то сразу стушевался, встретив глубокий испуганный взгляд дочери. – Я пойду посплю малость. Всё образуется, всё у нас образуется... Это, – показал на себя, – больше не повторится. Я тебя люблю.

Клава, накинув куртку, выбежала на воздух: ей стало страшно. Она побрела вдоль улицы с единственной мыслью: что, если отец повторит судьбу дяди Серёжи?

От безотрадных дум отвлѣк слабый писк. В прогалке заброшенного деревянного дома сидел нахохлившийся рыжий котѣнок. Он продрог до костей, а щѣчки уже покрыл иней.

– Малыш, ты чей? – нагнулась к нему Клава. – Ты откуда здесь взялся?

Полные надежды голубые глаза заглянули ей прямо в душу, а протяжное «мяу», похожее на стон, перевернуло всё внутри. Клавдия взяла малыша на руки. Ему было месяца два, не больше.

– Вот кому хуже, чем мне! – и она сунула его за пазуху.

Котѣнок задрожал всем телом и вжался в спасительницу.

– Ты не бойся, пушистик. Будешь моим питомцем, я тебя в обиду не дам, – ласково приговаривала Клава, спеша к дому. – Теперь мне будет не так одиноко. Я дам тебе столько любви, сколько всем животным мира.

Клава пристроила новосѣла в прихожей. Ему нужно было отойти от переохлаждения, а значит, согреться следовало постепенно. Резкий перепад температур мог сказаться губительно. Хорошо, что такие знания дали в школе. Не первый раз они приходили на выручку. Клава слегка подогрела молочко. Рыжик, правда, остался к нему безучастен. Лишь через несколько минут, опомнившись, немного полакал. Новая хозяйка поднесла к пушистой мордочке ладонь. Розовый носик основательно обнюхал её. Так запоздало состоялось их знакомство.

Клава взяла малыша на руки, тот снова прижался к ней покрепче и зарокотал.

Утром Клава спросила:

– Пап, как ты думаешь: раз на меня легло хозяйство, я уже достаточно взрослая?

– Не думаю, – простонал отец. – Ой-й-й, голова раскалывается.

– Пойдѣм завтракать, всё готово. Сегодня у нас карасик в яйце, как ты любишь. Вкуснотища!

Андрей Юрьевич сел за стол, но к еде не притронулся. Он только мычал от боли и пил воду.

– Ты почему не ешь? Рыбка жизнь отдала, чтобы ты был сыт. Тем более у тебя в животе для неё целый аквариум.

Отец горько усмехнулся и принялся за свою порцию.

– Папенька, ну объясни, зачем ты чавкаешь и обтираешь тарелку хлебом?

– Так вкуснее.

– Но это же варварские выходки.

– Ничѣ не варварские. В деревне в твоѣм любимом девятнадцатом веке все так делали. Да ещё из одного чугушка деревянными ложками черпали. Эх, Танюша меня тоже сроду осаживала. Одним взглядом останавливала, чуть забудусь...

Неловкую паузу прервал писк.

– Что это ещё там?

– Я всё пытаюсь сказать: у нас новый домочадец – котѣнок. Он замерзал на улице, и я подобрала. С ним будет теплее.

– Ну-ну.

– Разрешил! – подмигнула Клава питомцу. – Рыбки захотел? Сейчас, лапочка мой, тебя попотчую.

Приёмыш стал для неё хоть каким-то утешением. Клава от души забавлялась с ним каждую свободную минуту. Он оказался на редкость расторопным, подвижным, игривым. На руках ему не сиделось, что заставило понять: у живого существа есть воля и свои желания, с которыми надо считаться. Главное из них пока – носиться сломя голову. Если он бодрствовал, казалось, не было секунды, чтоб он не вертелся. И Клава придумала для него специальную кличку – Вертыш.

* * *

Целый год требуется, чтобы хоть чуточку притупилась боль потери близкого человека. Евгешины уже приучились справляться с бытом вдвоём.

Дом Нечаевых стоял на прежнем месте, в обрамлении набиравшей цвет сирени. Жизнь здесь текла своим чередом: у Завьяловых – то случайный калым, то попойки, у Евгешинных – блёклые будни, безрадостные праздники.

Клава уже была в выпускном классе. Всё такая же миниатюрная и хрупкая, она в силу возраста изрядно похорошела и превратилась в очень миловидную девушку. Как ни странно, молодость не взяла над ней верх. Горе по-прежнему гнездилось в ней, стерев улыбку и застыв в глазах. Но эта всегдашняя печаль придавала ей какую-то поэтическую прелесть. Дом по-прежнему был её неприступной крепостью, где она пряталась от внешнего мира.

– Золушка ты моя, золотая ты моя девушка, что мне сделать, чтобы розочки на твоих щёчках расцвели? – говаривал вдовец, стараясь вызвать, как в былые времена, улыбку дочери.

– Всё хорошо, пап, – деланно улыбалась та. – Господь даёт утешение.

– Ты стала набожная, прямо в мать.

– Правда? Я рада. Мама всегда говорила: «Помолись – легче станет». Я только сейчас вникла в её слова. Знаешь, как со Христом хорошо и покойно. Очень благодарна Ему, что Он меня направил к вере. Да и, согласись, насколько интереснее жить по православному календарю, он такой пёстрый и насыщенный: не просто будни и выходные – каждый день особенный. А большие праздники, а неповторимые традиции... Кто-то же должен их хранить и исполнять.

– Эй, так и до монастыря недалеко.

– Вообще-то благочестие – требование для всех людей, и монахов, и мирян.

Только школа удерживала от отшельнической жизни. На людях Клава контролировала себя, чтобы окружающие не заметили её отрешённости. Отношение к ней в классе между тем потеплело, особенно после того, как она по совету отца Владислава влилась в общее дело. Зимой выпускники готовили на межшкольный конкурс постановку по «Евгению Онегину», а кто как не Клавдия была в школе лучшим знатоком девятнадцатого века? Сверстницы обратились за помощью к ней.

Дело закрутило не на шутку. Пришлось даже, преступив все свои принципы, пригласить в дом Олю – неразлучную подружку ветреницы Алины. Клава

была недовольна неизбежностью вторжения. Но мастерицы, как всегда, не успевали. Ольга шила лучше и спорее всех, поэтому стала правой рукой главного костюмера.

Напарницы поладили. Они уже понимали друг друга с полуслова, и у Оли стало заметно больше общих тем для разговора с серьёзной Клавой, чем с беспечной Алиной. Под руководством юного эксперта театральные костюмы пошили за две недели. Результат был изумительным. Едва пакеты с платьями занесли в класс, девочки налетели, как голуби. Особенно удался бальный наряд Татьяны Лариной: рукава начинались у плеч фонариком и далее ложились плотно по рукам, лиф украшало кружево, пояс проходил под грудью, светло-зелёная юбка струилась до полу. Восторгу самодеятельных актрис и сценаристов не было предела!

Дальше, как говорится, больше. Актёры постарались соответствовать. Постановка была сыграна блестяще. На фестивале было два лидера. Поэтому в споре жюри решающим аргументом оказались костюмы. «Евгения Онегина» признали лучшим, а мастерице, склонившей чашу весов, вручили специальную грамоту. После триумфа одноклассницы, окружив рукодельниц, наперебой благодарили. Это событие лишь ненадолго всколыхнуло эмоции, но не послужило толчком к переменам в Клавином настроении.

* * *

Подходило между тем хлопотное время выпуска. Молодёжь волновалась в предвкушении испытаний и грандиозного финального праздника. Амбициозные отличники усиленно занимались. Те, кто не готов был проститься с детством, теялись на распутье. Клава шла ровненько, но в гору – её дневник пестрел пятёрками. Она уделяла должное учёбе, но и о полезном досуге не забывала. Увлёкшись садоводством, увлекла и самого Андрея Юрьевича.

В один из погожих вечеров Евгешины устраивали парничок для рассады. Но ему так и не суждено было явиться в тот раз – потому что как из ниоткуда перед хозяевами возник человек с радостным восклицанием:

– Вонjорно, сеньор и сеньорита! Счастлив снова вас видеть! Вижу, всё по-старому, по-доброму. Дом стоит, сирень пышет цветом, а хозяева облагораживают землю.

Растерявшиеся было садовники поспешили навстречу гостю. А рыжий кот, путавшийся у них под ногами, бросился наутёк.

– Виталий, дорогой! Ты про нас совсем забыл, – пожимая его руку, пробасил Андрей Юрьевич.

– Признаю вину, занят был на фабрике сверх меры. На письма требуется много времени. Мы чуть было совсем не потерялись. Вышло так, что я переехал в Рим, поближе к месту службы. Конечно, сразу написал вам об этом, но долго не получал ответа. Премного обязан Луке, это он переправил ко мне ваше письмо. Лука поселился в доме бабушки. Вижу, вы теперь удивлены моим приездом, значит, последнее моё послание не получили...

– Твоя правда. Да мы и в ящик-то почитай месяц не заглядывали. Без Татьяны Степановны мы... поникли.

– Да, ваше горе столь безмерно, что никакие слова утешения не помогут. Но примите мои глубочайшие соболезнования. Искренне скорблю с вами.

– И дядю Серёжу схоронили. В прошлом месяце, – сообщила Клава.

– Дом наполовину опустел, – заметил отец.

– Когда узнал о вашем горе, возымел намерение приехать. Но только теперь смог. Чем я могу быть вам полезен? Я на всё готов, лишь бы облегчить тяжесть утраты.

– Ничего уже не поправишь, – покачал головой Андрей Юрьевич.

– У нас новосёл появился. За цветами, рыжий бездельник, прячется, – объявила Клава.

– Ты лучше проходи, погости у нас. Хотя какой ты гость – ты у себя дома. Смотрю, и кисточки с красками прихватил.

– Думал набросать несколько этюдов. Ничего не могу с собой поделать, так и манит меня сюда. Дом ли притягивает, сирень ли завлекает?

– Сирень в полной силе. Уж прости, в твоей комнате мы успели только потолки да стены образить. Но там чисто. Клава по-быстрому пол протрёт – и заселяйся. Условия, конечно, будут спартанские.

– Да и хорошо. С милыми рай и в шалаше – так, кажется, говорят.

Виталий вошёл в обновлённую комнату и осмотрелся. Посреди неё стоял старый диван. Под потолком висела одинокая лампочка. На подоконнике была пристроена картина.

День шёл за днём. Каждый занимался своими делами. А самое благостное время наступало, когда все трое собирались за вечерним чаем на террасе. С появлением Виталия микроклимат в доме поменялся. Рэм, словно не вынося этой атмосферы, избегал встречи с соседями и частенько уходил к друзьям.

Однажды Клава спросила:

– Виталий, расскажи, как давно ведётся история вашего рода?

– Не так давно – почти два столетия, с начала девятнадцатого века. Особым указом царя Александра Павловича за заслуги в Отечественной войне мой далёкий предок Николай Никифорович был пожалован потомственным дворянством. Происходил он из купеческого сословия, был в семье восьмым ребёнком, потому на солидную долю наследства претендовать не мог. Насколько я знаю, он ещё до нашествия Наполеона решил избрать военное поприще, чтобы своими руками сделать свою судьбу. Но и в мужестве ему было не отказать, чему свидетельство – высокая награда. Все его сыновья, а их было трое, тоже состояли на военной службе. Один из них погиб на Кавказе. Двое других, Евгений и мой прапрапрадед Иван, выслужив положенное, ушли в отставку, осели в Тамбове, обзавелись семьями. Единственная дочь Николая Никифоровича Елена вышла замуж за улана. В каждой семье родилось по несколько детей. В 1842 году появился на свет Александр Иванович, мой прапрадед. Он был офицером Его Величества Преображенского полка, участником русско-турецкой войны. Что было после, вы знаете.

– Как интересно! – нараспев произнесла девушка. – А мы мало знаем о своих предках, только до четвёртого колена. Вот бы заглянуть дальше, узнать их имена, чем они занимались, чем дышали.

– Виталий, думаю, у тебя теперь много дальних родственников, – предположил Андрей Юрьевич.

– Возможно, но связь с ними давно потеряна. Чтобы её восстановить, нужны годы упорных поисков. Если это вообще возможно.

– Проще иголку в стоге сена искать, – усмехнулся Андрей Юрьевич.

Прошла уже неделя, как приехал Виталий, и уже расцвели в соседних садах пионы, и аттестация у Клавы проходила гладко. Но он так ни разу и не услышал её смеха. словно заколдованная заноза мешала ей радоваться жизни.

Он решил во что бы то ни стало вынуть эту занозу, вытащить девушку из водоворота скорби. Однако при всей его изобретательности придумать что-либо оказалось делом непростым. Поразмыслив, Виталий опять обратился к её увлечениям. На выбор было три варианта: садоводство, рукоделие и история. В первой и второй сферах он не разбирался, а вот старина могла сослужить хорошую службу. «Должно быть что-то особенное, из ряда вон выходящее», – сознавал он.

Из осторожных бесед с Андреем Юрьевичем Виталий выяснил, что у Клавы скоро выпускной, и принялся разведывать, как его празднуют в России. Клава охотно об этом рассказала, но заявила, что «на школьную гулянку» не пойдёт.

– Разве это бал? Это застолье и дискотека с кривляньем под шумную музыку. Даже выпускной вальс, и тот будут танцевать только артисты во время концерта. А интересные беседы или хотя бы весёлые развлечения? Фью... – и показала жестом их отсутствие.

– Но всё-таки выпускной бал бывает раз в жизни, – возразил Виталий. – Не может быть, чтобы не было ничего стоящего. И потом, ты так хотела побывать на настоящем балу. Не лишай себя праздника.

– Нет, нет и нет. Это не такой праздник, о котором я мечтала. Красивые балы в прошлом.

– Пусть у нас сейчас другая жизнь, но это наша жизнь. Никто не убедит меня в обратном, что в прежние времена тоже были люди, которые превозносили прошлое и ругали настоящее, не замечая его хороших сторон. А лучше бы видеть именно их. Будь у нас возможность перенестись на сто лет назад, наверняка нам многое не пришлось бы по душе. Знаешь, у господина Андерсена есть сказка «Волшебные калоши». Желание одного героя жить в прошлом веке сбывается, и он, привыкший к удобству, корит непролазные дороги и неустроенный быт. Я думаю так: любуясь стариной, можно строить и своё будущее. Привлекать опыт прежних поколений и не чуждаться экспериментов.

Клава ничего не ответила, однако и спорить не стала. На самом деле она и сама думала примерно так же, только ещё не оформила эти мысли в убеждения. А Виталий счёл её замешательство за хороший знак: может, оно направит мысли барышни в другое русло.

В эту минуту у молодого человека зародилась идея устроить Золушке праздник – с платьем, туфельками и триумфом. Тайком он ходил по магазинам, подбирая достойный своей причудливой задумки наряд. С трудом, но убедил упрямыцу возобновить уроки танцев.

- Сударушка, напоминаю, что за тобой остался долг, – начал он издалека.
– Какой такой долг?
– Как же... Тогда, на приёме. Ты убежала, не подарив мне удовольствия покружиться с тобой в вальсе. Думаю, ты просто струсила.
– Нет, я... Я же тебе объяснила тогда... Прости.
– Так что? Долг платежом красен.
– У меня не то настроение.
– Я скоро уеду, и неужели ты хочешь, чтобы я уехал расстроенный и, даже более того, обиженный?
– Ну, хорошо...

Вечерами старый приёмник выносили во двор. Усадьба наполнялась музыкой Штрауса, Шопена, Чайковского, Свиридова. Перед каждым закатом пара кружилась в вальсе. Виталий и впрямь удивился навыкам партнёрши. Он сказал об этом сразу, но потом всегда был недоволен, то сердился, то улещивал:

– Такой танец меня не устраивает. Я хочу полёта, а не отбывания повинности. Пожалуйста, окажи мне такую любезность: пусть уйдут тучки и выглянет солнышко.

Как тяжело было разыгрывать этот спектакль! На самом деле Виталия всё устраивало, но он хотел, чтобы сюрприз, который он задумал, удался на славу. Потому и оттачивал Клавино мастерство. Он и сам настолько увлёкся, что твёрдо решил остаться в Тамбове до выпускного. Позвонив своему отцу, он в довольно резком тоне заявил, что не вернётся, пока не завершит здесь начатое.

Пора итоговой аттестации миновала быстро, а волнения на каждый день пришлось порядком. Выпускники подошли к той черте, когда позади оставалось уже изведенное, во многом приевшееся, а впереди ожидали тайна и неопределённость. В жизни каждого человека это время непростое. Для Клавы скрашивало волнительное состояние то, что наконец минуют времена пытки – каждый день быть между теми, кто помнит её отверженной и по-прежнему, хотя теперь уже беззлобно, называет Дворяночкой. Если же всё хорошо сложится на вступительных экзаменах, она пойдёт вслед за своим призванием. Надежда на добрые перемены вливала в девушку свежие силы. Да и старания друга не проходили даром. Уроки танцев, беседы, юмор – всё это целило старые раны. Вода камень точит, а жизнь жительствоет...

И однажды в усадьбе, как солнечный дождик, пролился девичий смех. Повод выдался неожиданно – когда Виталий на полном серьёзе взялся помогать Клаве в саду. Щедро улив добрую половину клумбы, как у себя в Сорренто, он решил поменять позицию да поскользнулся. Он поспешно выкарабкался и встал. Вид у него оказался тот ещё. Мало того что выпачкалась одежда, даже на лице явился экстравагантный макияж. Молодой человек досадливо оглядел себя, не зная, как быть. Клава прыснула в ладошку, извинилась, но тут же расхохоталась без удержу.

– Вот оно что! – лукаво прищурился друг и, зачерпнув пригоршню чернозёма, погнался за девчонкой. – Я тебя сейчас раскрашу, Покахонтас. Будешь в другой раз смеяться!

Само собой, игра в кошки-мышки закончилась победой сильнейшего. Пойманная за руку, Клава прикрыла лицо тыльной стороной ладони и понарошку жалобно смотрела на Виталия в надежде на помилование. Молодой человек медлил... Медлил, любуясь синими глазами, каких он не видел больше ни у кого.

– Я не всерьёз, – наконец, отступил он и смущённо добавил: – Мне бы почиститься...

На следующий день, накануне бала, Виталий преподнёс девушке свой сюрприз.

– Клава, у тебя скоро день рождения, и на сей раз я хочу заранее, потому что скоро уеду, поздравить тебя и сделать подарок. Он пригодится тебе в ближайшее время.

– Спасибо, – улыбнулась та в кавычки. – Что же это?

Когда она открыла громоздкую розовую коробку, замерла над ней. Внутри было аккуратно сложенное вечернее платье. Не устояв перед соблазном, девушка подняла его перед собой, чтобы рассмотреть хорошенько. Оно было нежного лазурного цвета. Длинная в пол шёлковая юбка играла переливами на свету, лиф облицовывался тончайшим гипюром, охватывающим стан и окат плеч. К платью прилагались шёлковые перчатки. Под этим сказочным нарядом лежали миниатюрные белые туфли с открытой пяточкой.

– Как красиво! Разве такое можно носить?

– Можно и нужно!

– Прости, но принять твой подарок я не могу, – отступила Клава. – Он слишком роскошный для такой замарашки, как я.

– Даже не начинай этот разговор! У каждой Золушки должен быть бал. Потому что каждая Золушка – нераскрывшаяся принцесса.

Клавдия только вздохнула. С какой радостью она надела бы платье на настоящий бал и, в паре с Виталием, отрешилась бы от реальности в полёте вальса где-нибудь в далёкой стране посреди зачарованного замка. Но явиться в таком виде перед сверстниками и стать мишенью для пересудов – это представлялось сущим мучением.

Её мысли были предсказуемы. Поэтому расторопный юноша позаботился о содействии Андрея Юрьевича. Тот своей родительской властью приказал принять участие в празднике и в подтверждение своих слов преподнес дочери изящное кольцо с голубыми феонитами.

* * *

К выпускному дню уже полностью расправила свои огненные крылья жара. Подготовка к балу была не менее жаркой. Наперекор своим мечтам Клава не желала перевоплощаться в «принцессу» – она стеснялась своей миловидности, которую могло так выгодно подчеркнуть богатое обрамление. Приняв это во внимание, отец не делал ей комплиментов, а Виталий запёрся в своей комнате. Он покинул её только перед уходом Клавдии. Он хотел пожелать ей триумфа, да и остановился в растерянности. Перед ним стояло живое воплощение сказоч-

ной Золушки. Миниатюрная красавица в вечернем платье, с русыми волосами, собранными в скромный пучок. Она беспокойно теребила лепестки ромашек, у которых её фотографировал без конца балагуривший Андрей Юрьевич.

– Ангел во плоти! Прав был Лука, – таков был вердикт эстета.

Когда Клава заметила наблюдателя, тот мигом очнулся и сказал:

– Я восхищён! Клава, ты выглядишь прекрасно. Отбрось застенчивость и почувствуй себя барышней на балу. Просто радуйся этому неповторимому дню. Успеха тебе! И до встречи!

– Спасибо! И до встречи! – повторила девушка, вовсе не подозревая, как скоро состоится эта встреча.

Клава намеренно пришла ровно к назначенному времени, когда в школе сталолюдно. И всё же ей не удалось пройти незамеченной. В клумбе выпускниц пробежал нетерпеливый шёпот, а юноши останавливали на Дворяночке удивлённые взгляды.

– Клава! Сегодня ты просто прелесть, – прошептала Оля и, повернувшись вокруг своей оси, похвасталась: – А как тебе я? Я сама придумала фасон и сшила это платье. Здорово, правда?

– Великолепно! Честно говоря, ты выглядишь даже лучше, чем Алина.

Алина разрядилась, как райская птичка. В своём декольтированном синем платье, с высокой причёской, с блистающим колье она была заметнее всех.

– Надо любить себя, девочки, – проповедовала первая леди класса. – Будешь любить себя – тебя будут обожать другие, и будут преклоняться перед тобой.

Клаве при её словах вспомнилось из недавно прочитанного: считай себя хуже всех, и будешь лучше всех, – и это показалось милее и правильнее. Что бездушная, холодная, эгоистичная красота? Она только блеснёт, но не согреет; воодушевит, но быстро наскучит. Гораздо лучше порадуют людей сердечное участие и доброта.

Подали автобус, и окрылённые свободой, красотой, молодостью выпускники отправились на главную площадь города. А там всё – шествие в колонне, поздравления градоначальника, съёмка корреспондентов – промелькнуло, как сокращённый урок. Потом уже в актовом зале каждый нетерпеливо ждал, когда получит заслуженный аттестат, и каждого публика приветствовала аплодисментами. Клава тоже по принятому порядку получила свой аттестат с единственной четвёркой по физкультуре и медаль за особые успехи в учении – ту, что в народе прозвали серебряной. Напутствия педагогов, слёзы растроганных родителей, озорство беззаботной молодёжи – это проходило, как в любой другой школе в любой год.

Когда торжественная церемония и концерт завершились, Клавдия вздохнула с облегчением. Но не тут-то было. Классный руководитель Вера Петровна мягко взяла её за руку и слёзно попросила в последний вечер остаться хоть ещё ненадолго. Поддержал её и Андрей Юрьевич. Клава не стала упорствовать.

Проходя в танцзал с твёрдым решением стоять у стенки, Клава услышала оживлённое перешёптывание трёх одноклассниц. В толпе они увидели незнакомца.

– Посмотрите, какой красавчик! Кто это? – всполошилась Вика.
– Он явно не из нашего района. Иначе кто-нибудь из нас встретил бы его раньше, – заметила Оля.

У Клавы тоже брови поползли вверх: она узнала Виталия.

В эту минуту вспыхнули прожектора и громогласный голос ведущей перекрыл шёпот девчонок:

– Добрый вечер, наши дорогие выпускники! Будем зажигать?

– Да! – дружно ответила молодёжь.

– Только сначала – дань традиции: знаменитый школьный вальс. У вас три минуты, чтобы найти себе партнёра. Кавалеры приглашают дам.

– Вальс? – растерянно переглядывались ребята.

Клава ещё не успела удивиться, как к ней с поклоном подошёл Виталий.

– Долг платежом красен. Сейчас или никогда, – сказал он.

Сюрприз его удался полностью.

– Как он мог?! – внутренне вознегодовала Клава, но тут же спохватилась: – Ведь он ничего не знает о моём классе. Объяснять долго, а прощение надо обязательно заслужить.

И она, потупившись от смущения, положила руку в протянутую ладонь. К ним присоединилось только четыре пары. Несколько мгновений – и зазвучала лиричная, нежная, словно бы прозрачная музыка.

– Это же «Хрустальный вальс»! – узнала Клава.

– У местных учителей хороший вкус, – заметил Виталий, лукаво улыбнувшись.

И – ни слова о том, что несколько дней назад он приходил в школу, беседовал с директором, убеждая включить в программу вальс, чтобы закрепить, так сказать, эффект терапии. На сей раз он не обращался к помощи кошелька – он воззвал к чуткому сердцу педагога. Не прогадал. Лариса Леонидовна с радостью пошла навстречу лучшему другу осиротевшей семьи, которой она всегда сочувствовала.

Под полюбившуюся музыку Виталий и Клавдия словно порхали, их движения были уверенны, слаженны, грациозны. В этот момент друзья забыли обо всём на свете. И пусть это был не паркетный зал, а украшенный школьный коридор, они ощущали себя словно во дворце. И словно никого вокруг и не было.

Восьмёрка смельчаков, конечно, вальсировать не умела, ребята только переминались с ноги на ногу, чувствуя неловкость рядом с летящей парой.

Музыка закончилась как-то неожиданно. Все остановились, и на несколько секунд возникло замешательство: сюрприз удивил не одну Клавдию.

– Молодцы, ребята! – снова громыхнула тамада. – А теперь подвигаемся по-современному.

– Уйдём, – шепнула Клава другу.

– Вы были великолепны! – выскользнул из толпы наблюдателей Андрей Юрьевич.

– Премного благодарен! – улыбнулся Виталий.

– Да уж! Такой выпускной я точно никогда не забуду, – призналась Клавдия.

Вслед им понеслись первые аккорды дешёвенькой ритмичной песни и довольные возгласы молодёжи. Ромка, словно оцепеневший, проводил глазами Клаву. Она теперь показалась ему недосягаемой.

– Поверить не могу, – засмеялась она, оказавшись в фойе. – Это ты всё устроил?

– Не стану отпираться, – притворно каясь, зажмурился Нечаев. – Но скажи: тебе понравилось?

– Век бы так кружилась! – призналась Клава и, спохватившись, что выдала себя с головой, покраснела, замялась, заторопилась домой. На пороге остановилась и промолвила: – Всё. Прощай, родная школа. Спасибо за знания. Постараюсь помнить только хорошее.

Хотя план Виталия и был довольно наивен, но для ещё более наивной «жертвы» оказался под стать. Стало очевидно, что Клава вырвалась из плена своих мрачных переживаний, что она готова идти по жизни смело и бодро. Выполнив миссию, самим на себя возложенную, молодой человек с неохотой признал, что пора возвращаться в Италию, где наверняка предстоит серьёзное объяснение с отцом.

Виталий не стал медлить и на следующий же день купил билеты. Расставаться оказалось ещё тяжелее, чем в первый раз. Накануне отъезда друзья собрались на террасе за чаем. Разговор шёл легкий, непринуждённый, пересыпанный шутками. Это была штора, за которой скрывалась грусть. Часы отщёлкивали секунды, которым хотелось приказать остановиться.

Такси прибыло даже раньше назначенного времени. Алексей Львович с Виталием встретились, как старые друзья.

– Это первый мой знакомый в Тамбове – Алексей Львович. А это мои главные друзья в Тамбове – Андрей Юрьевич и Клавдия, – представил всех другу Виталий.

Таксист смущённо кивнул и открыл багажник:

– Жаль, приходится вас разлучать.

А потом – удаляющиеся шаги, грохот колёсиков чемодана, деланно бодрая улыбка, прощальный взмах руки, рычание такси...

Евгешины снова остались одни.

* * *

К Клаве жизнь повернулась новыми гранями. Серебряная медалистка и без преувеличения умница, она без особых трудностей поступила на исторический факультет местного университета, воплотив своё заветное желание. Она не просто посещала занятия, она ещё глубже увлеклась краеведческими исследованиями и мало-помалу стала настоящим сподвижником отца Владислава. Батюшка познакомил помощницу с музейщиками, и круговерть поисковой, архивной, писательской работы завлекла студентку целиком. Пока ещё неумеючи,

она участвовала в проектах как волонтер, но ловила каждую мелочь в трудовом почерке старших коллег. Теперь она совсем не успевала шить и читать в своё удовольствие. Её задор и любовь к векам минувшим были нужны в другом важном деле современности – восстанавливать память и связывать нить настоящего с прошлым и будущим.

Параллельно с учебными заданиями Клава принялась проследить свою родословную. Поскольку у отца-матери были тамбовские корни, это облегчало задачу. Но даты рождения, венчания и смерти оставалось искать наобум, что затягивало поиски. Терпение и упорство принесли первые плоды: за два года в громоздких рукописных подшивках отыскались метрики предков четвертого-пятого колен по отцовской линии. Она состояла сплошь из крестьян с редкими именами: дедушек в пятом колене звали Феофилакт и Харитон, Вениамин и Кузьма, бабушек – Марфа и Анфиса, Капитолина и Васса. В каждой из семей она насчитала по семь-одиннадцать детей.

Много старых тайн раскрылось на её глазах и в музейном сообществе. В числе первых Клава узнавала о найденных артефактах, о вновь обретенных в запасниках реликвиях, об участниках исторических событий.

Так и в тот памятный осенний день она увидела новую находку.

– Здравствуй, здравствуй, Клавдия, – ещё в коридоре встретил отец Владислав. – Жаль, ты вчера раньше ушла. Нам взгляни, что принесли.

Батюшка показал на стол, где лежала проржавленная, но всё же уцелевшая офицерская сабля. Ножны почти полностью были разъедены, клинок покрылся пятнами, однако остался почти невредимым, а рукоять сохранилась прекрасно. И даже монограмма Императора Николая II была отчётливо видна.

– Фантастика! – ошеломлённо прошептала девушка.

– В саду нашли, при доме белогвардейского офицера. Почти век пролежала в земле.

В этот момент зазвенели волшебные колокольчики – на мобильный телефон, без которого Клавдия теперь уже не могла обойтись, просился сигнал из Италии. Общаться стало проще: в любой день можно было услышать в трубке знакомый голос. Но обкрадывало их то, что беседу нельзя было сохранить, как сохраняют её чернила и бумага, нельзя было сложить её в шкатулку, а в свободные минуты снова и снова наслаждаться ею, как тогда, когда перечитывается письмо.

– Простите, я отвечаю.

– Конечно.

– Добрый день! Как у вас там дела? – оживлённо спросил Виталий.

– Привет. Всё хорошо, – улыбнулась девушка. Как ей хотелось поделиться с другом радостной новостью, но пока, до детального изучения, о находке распространяться было не принято. А тайны молодая особа, тем более уже официально взрослая, совершеннолетняя, хранила свято.

– У меня приятное сообщение: мне удалось получить десять дней отпуска. Если позволите, я хотел бы приехать. Думаю, замечательный повод встретиться – твои именины. Заодно будет возможность посмотреть на сугробы. Дедушка говорил, что первый снег идёт уже на Покров.

– Конечно, приезжай! – обрадовалась Клава. – Только в ноябре сугробов

точно не будет, они вырастают глубокой зимой. Но мы всё равно будем счастливы увидеть тебя. От отца Владислава тебе поклон.

– И ему поклон. Тогда до встречи!

Виталий прибыл в Тамбов накануне праздника – Клавиных именин. Евгешины ждали его у ворот на промозглом ветру. И когда Нечаев подъехал, они загомонили наперебой. Их эмоции одна за другой взрывались, как фейерверки. И не будь границ приличия, хозяева стиснули бы гостя в объятиях. Даже Алексею Львовичу бы досталось.

Разобрав свои вещи, Виталий заранее преподнес имениннице позолоченные часики, чтобы она их надела на праздник. Андрея Юрьевича тоже не обделил: подарил ему крепкий темно-зелёный зонт (ещё раньше заметил, что защита от дождя у того плохонькая). Да и о столе позаботился – на нём появились итальянские деликатесы: сыр пармезан, пармская ветчина, сухофрукты, сладости, красное вино и под него – хрустальные бокалы.

Душевные посиделки затянулись до самого вечера.

– Вот всегда бы так, – блаженно вздохнув, сказала Клава и, спохватившись, замялась.

Мужчины вроде бы не обратили внимания на её слова. Виталий долил хозяину и себе вина, и разговор побежал в другую сторону – о традициях именин.

– У нас именины позабыты. Только верующие люди их празднуют, и то называют по-другому – день Ангела, день тезоименитства. А большинство даже не знает той даты, на которую он приходится. Наши люди отмечают дни рождения, – пояснила девушка.

– Советская привычка. Никаких дней Ангела тогда не признавали. Да и, знаешь ли, эгоистичны стали русские, себя ставят на первое место. От родных – лишь урвать – да и юркнуть в свою нору. Друг друга сторонятся, – с сожалением отметил отец.

– Не все, – напомнила дочь.

– Ну, да. Покойница всегда говорила – не стричь под одну гребёнку. Думаю, корень этой отрешённости в том, что люди хотят покоя после треволнений минувшего века, после тяжёлого коллективного труда. Но нельзя тратить время впустую, надо же что-то выковывать на будущее. Я убеждён, объединение должно стать нашей национальной идеей на нынешних порах.

– А вера – знаменем, – добавила Клава.

– Уж полночь близится, – взглянув на часы, заметил Андрей Юрьевич. – Пора закругляться. Не всё коту Масленица...

– Бывает и Пасха, – проронила Клава, чем весьма позабавила гостя, который впервые услышал это продолжение известной поговорки.

– Могу я посмотреть клад? – прощаясь на ночь, спросил он.

– Конечно, он же твой, – и Клава вынесла шкатулку из своей комнаты.

* * *

Праздничный для Клавы день был хмурым и холодным. Но это не омрачило торжества, которое началось для неё в церкви. И потом, вечером, вместе с

Виталием она наперекор ветрам и непогоде отправилась на прогулку по Набережной.

– Как долго я ждал этого дня, – протянул Виталий. – Вчера я окончательно кое-что понял. Когда с вами встретился... я будто вернулся домой. Меня необъяснимо тянет на эту землю и... к тебе... Да, нелегко даётся такой разговор...

«Ты напрямки, напрямки ступай!» – как наяву прозвучал голос местной старушки. И Виталий решился:

– Вечером я долго думал обо всём, что с нами случилось, и о тех словах, которые ты уже не однажды говорила. Они дают мне право на надежду и признание. По-моему, то, что я испытываю к тебе... по-моему, это и называется любовью.

Клава смотрела на Виталия недоумённо и растерянно. Метель закружилась в её голове. О таком повороте событий у неё даже мысли не возникало, хотя русский итальянец давно, по-видимому, с самой первой встречи, завладел её сердцем. В этом девушка боялась признаться даже себе самой. И теперь она молчала, раздваиваясь между радостью и страхом.

– Не знаю, когда это началось: может быть, на твоём выпускном, когда мы так волшебным танцевали, нет, скорее всего, раньше, – продолжил Виталий. – Я уже давно люблю тебя, милая моя барышня, и тоже хотел бы, чтобы всегда было так, как вчера, чтобы век идти с тобой рука об руку. Ты теперь совсем взрослая, решай: хочешь ли такого спутника... Вижу, неожиданно прозвучало. Поговорим об этом в другой раз.

Виталий пригласил жестом продолжить прогулку и двинулся дальше. Клавдия машинально тронулась за ним. Они шли медленно и молча. Сколько времени это длилось – тому не придали значения. Воздух уже пропитывали сумерки, когда Клава, наконец, очнулась:

– Снег!

– Какое чудо! – обрадовался Виталий, принявшись ловить морозные звёзды.

Снег повалил хлопьями, которые, падая, тут же таяли. Но в свете фонарей плотный этот поток создавал чарующую сказку. Скоро и шапки, и пальто покрылись ворохами белых пушинок.

– Мы сейчас превратимся в снеговиков! – пошутила Клава.

Смеясь и прыгая, словно беззаботные дети, молодые люди отдались на волю озорству. Всякая неловкость сгладилась, и домой они пришли как ни в чем не бывало, разве что шумные и раскрасневшиеся. Только мысли невидимым шлейфом тянулись за каждым.

«Неужели, – размышлял Виталий, – она не примет моих чувств? Мы слишком далеки, мы из разных миров, между нами столько всего – граница, условности, предубеждение. Но всё это вполне преодолимо. Вполне преодолимо! Важно только одно – отзовется ли её душа?»

«Неужели, – размышляла Клава, – я могла показаться привлекательной как девушка, да ещё и такому завидному жениху? Неужели и у меня, презренной маленькой Дворяночки, есть право на любовь? Достояна ли я такого блага? Вправе ли принять его? Но... какое счастье быть любимой!» Будто ласковый ветерок

из тёплых краёв обдавал её всю – с головы до ног. А любить самой – каково это? Запредельная радость, когда Виталий приезжал, и безмятежность, когда он находился рядом. Желание видеть его, говорить с ним, делать для него что-то приятное, век быть рядом, наконец. И – тайный страх потерять его навсегда. Разве не это любовь? Вспомнились слова Татьяны Степановны о том, что в жизни любовь чаще выражается не в страсти – в преданности и согласии. Так было у родителей. Четыре года вереницей пронеслись в памяти Клавы. И она только теперь поняла, что искру заронила в её сердце незабвенная первая встреча, когда неведомо откуда явился загадочный и прекрасный незнакомец.

Клава заснула только на рассвете. На занятия опоздала, да и не шли они на ум.

– Влюбилась! Точно влюбилась! – подтрунивали однокурсницы над рассеянной подругой и были правы. Хотя лишь отчасти, потому что её чувства вспыхнули не вдруг, а таились долгое время. Теперь же девушка была просто взволнована.

Вернувшись домой, она всё никак не могла прийти в себя. Закрылась в комнате, не ела и не раздевалась. Решиться на ответное признание не хватало духу. Долго ходила из угла в угол, постукивая друг о друга костяшками пальцев. Но наконец собралась с духом и постучалась к гостю.

– Да? – и художник вышел из-за холста ей навстречу. – Рад тебя видеть.

– Виталий, я многое переосмыслила вчера после твоих слов... И поняла, что с самой первой встречи отношусь к тебе, как ни к кому другому... На самом деле я просто в растерянности. Но, думаю, про мой случай идеально сказано в стихах: «Люблю ли тебя – я не знаю, / Но кажется мне, что люблю!» – последнее слово она чуть ли не прошептала, опустив глаза.

В первые мгновения Виталий тоже растерялся – слишком большое счастье пришло к нему. Но вдруг молча подошёл к Клавдии, взял её руку и, склонившись, поцеловал.

Его реакция немало удивила Клаву. Она ожидала чего угодно – всплеска эмоций, восторженных возгласов, даже, стыдно признаться, объятий, – только не этого рыцарского жеста. Но он был в тысячу крат милее. Почему-то не к месту вспомнилась Алина, раскрепощённая настолько, что прямо в коридоре школы сидела на коленях у обнимавшего её парня из параллельного класса. Как-то это было откровенно, бесстыдно и совершенно не о таинстве любви. Тогда учительница подошла к парочке и сказала: «Настоящие чувства не просятся напоказ». Теперь Клава поняла смысл этих слов: ей хотелось просто быть рядом с избранником, в тишине, не проницаемой внешними звуками.

А Виталий?.. Ему с детства прививали благородные манеры. И тут было преклонение, даже благоговение перед девушкой. Бережное и нежное отношение. Сдержанность и целомудрие. Всё то, чего так недоставало в прозаической действительности. Более того, юноша понимал, как резко со своим признанием ворвался в уютный мирок застенчивой девчонки. Он старался быть осторожным и терпеливым. Ему отчаянно хотелось чистоты и нежности. Расчётливость Кон-

стантина и разнuzданность Луки в делах сердечных всегда претили ему. И среди сотен современных доступных красавиц он выбрал, со стороны, простушку – не более чем симпатичную, не менее чем умную. Но лучшего союзника и друга – как советовал дедушка.

– Хотела бы ты так, рука об руку, пройти со мной всю жизнь? – спросил Виталий, не отпуская её руки.

– Да, если папа будет не против.

Влюблённые до сумерек сидели в почти пустой комнатке. Но им было так хорошо и уютно, словно в цветущем саду. Они на сей раз добрым словом помянули бы современное раскрепощение, если бы только об этом подумали. Век назад их ни за что бы не оставили наедине. Впрочем, и теперь не обошлось без пересудов. Тётя Галя даже осмелилась предостеречь соседа: «Ты за девкой-то гляди. А то неровён час дедушкой станешь». Андрей Юрьевич быстро её пресёк: «Я дочери больше, чем себе, доверяю. Она никогда не позволит бесчинства. Да и парень не из гуляк».

– Виталий, мне очень интересно: за что ты меня полюбил? – спросила Клава.

– А я, пожалуй, прежде спрошу: когда мы поженимся, где бы ты хотела жить: в Италии или в России?

– В России, конечно. У меня только одна Родина. Не представляю себя вне её. Я выросла в эту землю, она питает меня. Даже не могу выразить, что для меня значит моя страна... Святыня! Оторви меня от неё – я, наверно, завяну. Я её очень и очень люблю. Она ведь и твоя Родина. Но... возможно, удалось бы глубже полюбить и Италию. Хотя если бы всё зависело от меня, то мой выбор был бы: Россия. Только Россия. А ты-то как думаешь?

– Думаю, что за это я тебя и люблю: за искренность, верность, благородность, за твою удивительную душу и, безусловно, за красоту. Просто за то, что ты – это ты. За то, что цены себе не знаешь. Я всё время чего-то искал. Ни искусство, ни работа, ни общение с друзьями – ничто не утоляло моей жажды. Так продолжалось, пока я не нашёл этот дом, и в нём – тебя. Поначалу меня тронуло твоё доверие и искренность. Но потом... Не знаю... Я всё возвращаюсь к мысли: если бы наши не потеряли тогда чемодан, я бы не приехал сюда. Не зря говорят: что происходит – то к лучшему. Может быть, оно неведомо для нас отзовется через столетие. Желание твоё я разделяю. Россия. Конечно, Россия.

– А ты не будешь скучать по морю?

– Я всегда буду видеть его перед собой – в твоих глазах. Теперь откровенность за откровенность: чем тебе приглянулся я?

– Ты благородный рыцарь.

– Высокого же ты обо мне мнения.

– Таких, как ты, я никогда не встречала. Думала, современные парни как на подбор жестоки, грубы, эгоистичны. Что им только красавиц подавай.

– Здесь мы в чём-то схожи: мне одно время в детстве представлялось, что девочки капризны, плаксивы и корыстны. Дедушка переубедил. Научил ценить их лучшие качества – нежность, жертвенность, чуткость, красоту.

- Молодец твой дедушка. Редко кто вообще об этом думает.
- На самом деле это было сложно разглядеть в своем окружении. В наши дни у людей всё так перемешано. Порой сокровенное прячется за толстой бронёй дерзости и насмешничества. Но мне хотелось верить дедушке. Друзья порой шутили надо мной, говорили, что я Маленький принц, только повзрослевший.
- Мы, похоже, оба инопланетные создания. Даже свидание у нас проходит не так, как у других пар...
- Видишь, под каждый стол найдётся свой стульчик. Только я не хочу, чтобы ты меня превозносила. Сразу признаюсь, что я очень упёртый, да к тому же нетерпеливый, заносчивый и, что касается быта, ленивый. Гвоздя не смогу забить, как у вас говорят.
- Тогда я нерасторопная, мелочная, занудная и вообще синий чулок.
- Прости, не очень понял. Как это – синий чулок?
- Так называют женщину, которая одевается строго, без всяких рюшек-побрякушек.
- Да ты просто скромница. Но вкус у тебя хороший от природы. Ты прекрасно украшаешь своих кукол.
- То куклы. Они красавицы и кокетки. Когда такое на мне и кто-то это видит, я чувствую себя не в своей тарелке. Мягко говоря.
- Уверен, это временно.
- Может быть. Зато всегда со мной будет моё неказистое имя. Знаешь, что оно означает на латыни? Хромая!
- Имя у тебя прекрасное. Его истоки – у родов римской знати.
- Правда? А как тебе смешная фамилия? Завьялов вот – звучная. Хотя происхождение – от глагола «завянуть». Как-то не улыбается. Евгешина, наоборот, от имени Евгений, которое переводится как «благородный».
- Фамилию тебе всё равно менять. Клавдия Андреевна Нечаева. Как тебе?
- Клавдия Нечаева... Звучит!
- Великолепно звучит.
- Скажи, а чего ты не смог бы простить своей девушке?
- Измены, – решительно заявил молодой человек, вспомнив, как тяжело переживал Сандро, искренне любивший, разрыв со своей девушкой, предпочетшей какого-то военного.
- Понимаю. Измена – это предательство. Эгоистический поступок. Впускать в свой семейный мир чужого человека, доверять ему тайны только двоим – чудовищно, даже противно. Да, тут согласна. Обещаю быть верной!
- А ты, чего не смогла бы перенести ты?
- Если когда-нибудь меня ударишь – забудь обо мне, – предупредила Клава, содрогнувшись при одной мысли о том, что может повторить судьбу тёти Риты, терпевшей буйного мужа. Довелось однажды видеть в окно их ссору. После соседка ходила понурая. И такой маленькая девочка видела её не раз, пока был жив её благоверный. Эта история произвела угнетающее впечатление, которое пришлось переживать даже не месяцы – годы. Она заставила понять, что не все

вокруг такие воспитанные и добрые, как мама и папа. Но не заставила принять, свыкнуться. Потому что непреложно верилось в лучшее в человеке.

– Какая экспрессия, право слово! Не волнуйся, я так воспитан, что не смогу поднять руку на женщину ни при каких обстоятельствах, даже при измене. Это недостойно человека.

– Что тебе требуется от жены?

– Боюсь, здесь я не оригинален. Любовь. Забота. Уют в доме. А тебе – от мужа?

– Я вообще-то не думала об этом. Наверное, то же самое. Я бы ещё добавила пожелание ничего не скрывать друг от друга, а решения принимать сообща.

– Разумное предложение. Договорились. Как, например, мы поступим с жильём? Где будем вить гнёздышко? Я хотел бы обосноваться в нашем родовом доме.

– Здесь? А как же работа? А Рэм?

– Работать в наше время можно хоть за тридевять земель от фабрики. Сосед, думаю, согласится продать свою долю за хорошие деньги. Потом мы приведём усадьбу в порядок, всё у нас засияет, зацветёт, заиграет.

– Но общество... Сможешь ли ты жить посреди бескультурья? Когда рядом ругаются последними словами. Когда плюют себе под ноги. Когда пьют до оскотинения, нет, хуже – до омерзения. Сможешь ли ты это терпеть?

– Думаешь, в далёкой Италии подобного нет? – возразил Виталий. – Мы не в силах ни повлиять на общество, ни восстановить былого. Но нашу частную жизнь можно устроить по своему усмотрению. Как корабль. Он будет заходить в порты, принимать гостей, но внутренняя атмосфера останется неизменной.

– Как в старые добрые времена... Всё возвратится. Только поломанные человеческие жизни не вернуть. Мы всё возродим в память о них.

– Пойдём прямо сейчас к Рэму и спросим, не продаст ли он свою часть дома?

* * *

Завьялов сидел на диване, всклокоченный и заспанный, в окружении неизменного беспорядка и специфического кисло-табачного амбре.

– Привет! Мы по делу, – объявила Клава.

– А я думал, на огонёк, – вяло ослабился Рэм.

– Если бы соседи захотели выкупить у вас часть дома, вы бы им продали?

– Евгешины? Да откуда у них? Впрочем, какая мне разница. Лишь бы выбраться из этой постылой рухляди. Новую жизнь начать. Может, за кордон махнуть? Ты из Италии, кажись? Может, пристроишь меня там?

– Чем тебе на Родине плохо? – возмутилась Клава.

– Родина... Что она нам дала, Родина-то?

– Да почему она должна что-то давать?! Мы ей должны. Как говорят на Востоке, если мы пожарим яичницу на своих ладонях, мы всё равно останемся в долгу у матери. И Родина даёт нам немало: место для жизни, свои богатства, культуру, достижения, даёт братство в народе.

– Клава, не бойся о стену. Этот человек тебя не поймёт, видишь, ухмыляется, – остановил Виталий и бросил Рэму: – Так каков ваш ответ?

– Мой ответ однозначен. Пусть они наслаждаются тамбовским чернозёмом. А я предпочитаю места поярче. Только цену я бы назначил сам – мне жильё потребуется.

– Что ж, думайте, только договоримся так: цена не должна выходить за разумные границы, – кивнул Виталий и подмигнул девушке: – Видишь, всё складывается. Можно пока заняться оформлением документов.

– А у нас это дело небыстрое, – печально добавила та.

Давно подмечено, что в скорби и радости следует быть умеренными. Но влюблённые, похоже, не брали этого мудрого совета во внимание. Они весело щебетали, ни о чём не задумываясь. Может, оно было и к лучшему. Всё наносное забудется, а яркие вспышки станут драгоценными воспоминаниями.

– Папа удивится, но, уверена, порадует за нас, – сказала Клава.

– Для моих родных, напротив, эта новость будет большим сюрпризом. Да я и сам, поехав сюда, не знал, что стану обручённым.

– Пока ещё нет. Вот согласие родителей получим, тогда и обменяемся кольцами. А твои мама и папа не будут против нашей женитьбы?

– Их мнение не пользуется моим доверием, – нахмурился Виталий.

– Как так? Они же твои родители.

– Формально.

– Ты что, приёмный ребёнок?

– Нет... Нежеланный. Мать не хотела больше иметь детей, ей двоих было более чем достаточно. Но вдруг она узнала о заявке на новую жизнь. В это время семейный бизнес пошёл в гору, сеньора начала плавно входить в высшее общество. Я был не нужен. Спас дедушка, – Виталий сморгнул набежавшие слёзы и, собравшись с силами, продолжил: – Он пообещал, что воспитание моё возьмет на себя, что обеспечит меня всем необходимым.

– Откуда ты об этом знаешь, ты, может, выдумываешь?

– Однажды, лет десять назад, я услышал разговор дедушки с матерью. Сложно было понять их превратно, они говорили недвусмысленно. Меня тогда как громом поразило. Загадка, почему ко мне так холодны в семье, раскрылась. Раньше я искал расположения родных, но когда всё узнал, тоже стал сторониться их. Только дедушка остался для меня близким человеком. Он безмерно любил меня, а мать с отцом не любят, только иногда снисходят, чтобы выслушать мои пожелания. Для них я что юродивый, отверженный. Всё, чем я живу, им кажется блажью.

– Бедный ты мой, – участливо промолвила Клава. – Даже представить не могу, как бы я, если бы меня не любили мама и папа. А ты живёшь с этим грузом. Но всё-таки родители дали тебе жизнь, и кров, и образование.

– Без любви всё – ничто.

– Конечно, любовь имеет первостепенное значение. Без неё быть семьёй так же невозможно, как жить без воздуха. Всё-таки, думаю, тебя любят, только

выражают это по-своему. Например, одаривают дорогими вещами, ничем не делят.

– Не более, чем остальных.

– Но и не менее. Разве плохо? Когда в ладу, но в нищете – это, поверь мне, тоже очень и очень тяжело. Одной любовью сыт не будешь. Поэтому надо быть благодарными за то, что нам смогли дать. И согласие твоих родителей нам получить нужно.

– Хм...

– И благословение у батюшки надо взять. Но... как же мы будем венчаться, если мы не в одной церкви?

– Право слово, я об этом и не подумал, – огорчился Виталий. – Обо всём переговорили, только не о главном. Но бывало такое, что венчали людей даже разных вероисповеданий. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, сестра Императрицы, выходя замуж за Великого князя Сергея Александровича, была лютеранкой. Потом только она приняла Православие. Надо бы узнать, как нам устроить свою свадьбу.

– Не бывает в мире так, чтобы всё гладко.

– Но теперь можно искать решение сообща.

– Да. Давай не будем паниковать, – предложила девушка. – Мы же оба православные. Не может быть, чтобы не предусматривались такие случаи, как наш. Спросим у священников, как быть.

Первым о тайне сговора узнал Андрей Юрьевич. Когда все трое собрались на ужин, Клава пригласила мужчин в комнату, которая теперь называлась залом. Ей хотелось, чтобы важное событие прошло хоть мало-мальски красиво. Да и мамин портрет там висел. Будто она присутствовала.

– Папа, мы с Виталием... любим друг друга, – просто, без лишних предисловий начала Клавдия.

– Знаешь ли! К тому и шло.

– Как? Ты даже не удивлён? – растерялась дочь.

– Да у вас уже давно всё на лицах написано.

– Только есть проблема, – опустил глаза Виталий.

– Родители против? Ну, это как водится.

– Родители пока не знают. Дела, я бы сказал, более серьёзные: гражданство и церковные разногласия. Между нами нет вражды, но почти нет и общения, – покачал головой юноша.

– Может, на вашу долю и пришлась эта миссия – объединить...

– Это не про нас, мы лица частные, не царской крови, не послы, не дипломаты. Никто и не обратит внимания, если мы поженимся.

– А вот я уверен, история ваша прогремит, – улыбнулся Евгешин.

Отец Владислав, когда молодые люди обратились к нему со своим неразрешённым вопросом, глубоко задумался.

– Ну вы, ребята, даёте. Рад за вас безмерно. Что до венчания, то, правда ваша, задача не из простых. Тут у кого повыше надо благословения спрашивать. А может, и не надо. Я имею в виду, что скоро и так всё разрешится. Процессы по воссоединению Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Рус-

ской Православной Церкви Заграницей идут вовсю, на высших уровнях ведутся переговоры.

– Я тоже об этом слышал, но не вникал – не думал, что меня напрямую коснётся церковное дело, – сказал Виталий.

– А вот видите, оно наше общее дело, – прищурился батюшка.

– Когда же наступит этот день? – спросила Клава.

– Кто может знать? Наверняка он не за горами. Нужно наводить справки, следить за новостями. Думаю, вам ничего не нужно делать – просто подождать, проявить терпение, без него никуда. Рано или поздно всё встанет на свои места, – сказал отец Владислав и, покачав головой, добавил: – Как удивительно складывается жизнь! История творится на наших глазах. И судьба моих друзей зависит от поворота истории.

Теперь влюблённым ещё труднее было принять то, что они не будут видеться каждый день. Виталий снова покидал Россию. Расставались в тоске и неопределённости. С тяжёлым сердцем провожая на поезд Виталия, Клава вздохнула:

– Не женатые, не помолвленные, не свободные.

– Любящие, – поправил Виталий. – Моё сердце остаётся здесь. Жить без сердца нельзя – я обязательно вернусь.

– Жду тебя и уже скучаю.

Виталий ничего не ответил, только нежно и бережно, словно снежинку, обнял свою ненаглядную. Когда он уже ступил в тамбур, то вдруг передумал. Резко развернулся, подбежал к Клавдии и на глазах у всех прохожих поцеловал её в губы. Она хотела убежать со стыда, но поезд скоро тронулся, и она ещё раз, в окне, увидела Виталия, который махал ей рукой.

* * *

В тот редкий день, когда семья Нечаевых была в сборе: праздновали Новый год, – Виталий созвал всех в гостиную. Ему предстояло нелёгкое дело: объявить о своём намерении вступить в брак. Мысль о жёсткой реакции родных заставляла содрогаться, и приходилось отчаянно бороться со своим малодушием. В этом окружении трудно было держаться невозмутимо и с достоинством.

Мягкий закат освещал восьмиугольную комнату, порозовив обтянутый белой кожей мягкий гарнитур, на котором рассаживались Георгий Владимирович, Габриэлла, Мария, Анна и Лука. Ждали только Константина с одной из его бесчисленных встреч.

– Анна, где твоя вторая половинка? Если мы будем ждать господина вице-президента, вечно занятого делами, мы здесь состаримся, – деланно вздохнул нетерпеливый Лука.

– Сынок, к чему такая таинственность? – играя локоном своих крашенных тёмных волос и задорно прищурился золотисто-карие глаза, спросила Габриэлла.

– Всему своё время, – учтиво улыбнулся Виталий. – Вы узнаете первыми.

– Извините, что задержался, – через минуту войдя и располагаясь в кресле, начал Константин. – Говори, что там у тебя.

Так было всегда. Старший брат, уверенный в себе, дерзкий, успешный бизнесмен, превзошедший своего отца и теперь фактически управлявший фир-

мой, ожидал услышать очередную несуразицу. Вито виделся ему безнадежным романтиком и немного странноватым малым. Не будь он братом, Константин, пожалуй, относился бы к нему с презрением. Командный тон, покровительственный взгляд убежденного в своей правоте босса до некоторых пор заставляли «Тушканчика», как звали Виталия близкие, втягивать голову в плечи. Но это прошло теперь – когда любовь вдохнула в него и мужество, и стойкость, и упорство. Юноша был готов к борьбе. Напряжки, напряжки!

– Дорогие мои, – начал он, стараясь обратиться по-родственному, но получилось как-то чересчур официально. – Я собрал вас, чтобы сообщить важную новость: я намерен жениться...

– Что? – в один голос вскрикнули мать и сестра.

– Невероятно! – всплеснула руками Габриэлла. – Я её знаю? Кто твоя избранница? Патриция? Я давно заметила, как она на тебя заглядывается.

– Какой скрытный человек! – погрозил пальцем Лука. – Мы и не замечали за тобой амурных дел.

– Видно, плохо наблюдали, – едко заметила Мария.

– Милый, не томи. Как зовут твою девушку? – принялась за своё мать.

– Дело в том... Это... – пытаюсь смягчить удар, медлил тот, и вдруг решительно заявил: – Это Клавдия, та девушка из России.

– Кто? – после глубокой паузы переспросила Габриэлла.

– Кажется, я припоминаю, так звали девчонку, которая приезжала к дедушке на юбилей, – сказала Мария. – Так и знала, не кончатся добром эти поездки. Неужели мало девушек на твой выбор?

– А я её не видела, или видела и не помню, – опечалилась мать. – Она красивая?

– Она на редкость хороша, – улыбнулся Виталий.

– Кто, эта невзрачная коротышка? – прыснула со смеху сестра.

– Не смей её так называть! Ты не знаешь, какое она сокровище. Подобных ей вы не найдёте. Я люблю Клавдию и хочу быть с ней.

– Тебе нужна крепкая рука, чтоб держала тебя, как воздушный шарик за ниточку, потому что ты всегда рвёшься в облака, – заметила Анна. – Патриция смогла бы. А эта русская сможет?

– У меня нет желания вмешиваться в глупые семейные драмы! – резко встав, заявил Константин.

– Сядь! – приказал отец и спокойно вступил в разговор: – Как я понимаю, девушка без роду-племени, даже хуже – из коммунистов. Где же твоё почтение к столь интересующим тебя традициям русских аристократов? Дворяне, напомню тебе, не смешивались с простолюдинами.

– Я полюбовался этой изящной шкатулкой старых нравов и ставлю её на полку – на видное место, чтобы помнить. Но жить буду, двигаясь вперёд, – отчеканил сын. – Звания, титулы... Они всего лишь плод человеческого измышления. Так что прошу вас уважительно отзываться о людях из другой среды. Хотя мы находимся в разных условиях, мы все равны в человеческом достоинстве. Тем более в наше время сословных границ не существует. Не так ли, Костя?

– Да, я женат на простой итальянке. Но это разные вещи. Её не приходи-

лось вывозить из России, и мы дружили с университета, и она из состоятельной семьи.

– И мою невесту не придётся никуда вывозить. Я вернусь на родину моих предков. Более того, жить мы планируем в нашей семейной усадьбе.

Эти слова прозвучали, как оглушительный взрыв. Хотя в присутствии Виталия здесь никогда особенно не нуждались, но знали, что он рядом и никогда не откажет в помощи. Пожалуй, для этого он и был нужен, да ещё для художественных работ на фабрике. От него требовалось только соблюдать приличия. И вдруг – такое! В этот момент родные поняли, насколько Тушканчик незаменим, а может, даже дорог.

– Ты с ума сошёл? – встрепенулся Константин. – Это решительно невозможно. Братишка, пойми, там же большевики всё перевернули вверх дном...

– Хорошо же вы осведомлены о России, – усмехнулся младший Нечаев. – Создали себе образ, да и верите в него. Издалека смотрите, нет, даже не смотрите и в сущности вещей разобраться не хотите. Потому что так удобнее: в праведном гневе раз и навсегда обвинить и не дать возможности оправдаться. Только кто сказал, что мы, беженцы, должны судить и обвинять, а не нас, например? Почему не мы должны выдумывать оправдания, что не вернулись в Отечество, когда открылись границы? Думаете, нашей России больше нет? Ошибаетесь! Незримые ниточки протянуты между минувшим и современностью. Надо лишь захотеть найти эти ниточки. Я – нашёл! В ней, в Клавдии. А для будущего у русских людей теперь другие идеалы, другие стремления. Коммунизм отжил свой век. Напротив, идёт возрождение всех лучших традиций нашего общего прошлого.

– Хорошо, пусть так. Это всё лирика, не имеющая отношения к реальной жизни. Подойди рационально: Россия – бедная, потрёпанная войнами и революциями страна. Ты будешь не жить, а влачить существование.

– Да, России всегда приходилось нелегко, думаю, немало трудностей и впереди. Но это моя страна, наша страна, и я буду с ней в горе и в радости, не в обиду будь сказано щедрой любимой Италии, – парировал Виталий.

– Ты же там будешь один, – добавила мать, пухлыми пальчиками утирая слёзы.

– Ничуть! У меня будет семья, и друзья уже есть.

– Как же работа? – не унимался брат.

– Моя сфера позволяет не томиться целыми днями в кабинете. Между странами есть электронное сообщение, а в случае крайней нужды я всегда смогу прилететь в Рим.

– Признаться, такого мы от тебя не ожидали, – вздохнул Георгий Владимирович. – Надо бы подумать.

– Понятно: вежливый отказ, – взъершился Виталий. – Все знают, что никто так не скор на решения, как ты. Твое «подумаю» означает «питаю беспочвенную надежду, пока не устанешь».

– А ты изменился, сынок, в лучшую сторону изменился. Сколько помню, слово Кости впечатывало тебя, как гвоздь в притолоку. Теперь ты борешься, стоишь на своём, защищаешь своё право на любовь... Недооценивали мы тебя, недооценивали.

– Вот именно. И я бы теперь не стоял перед вами, как обвиняемый. Это Клавдия захотела получить ваше родительское благословение.

– Желал бы я увидеться с тем загадочным созданием, прежде чем благословить ваш союз.

– Ты что же, согласен? – трепещущим голосом спросила Габриэлла. – Вито, ты всегда был не от мира сего, но сегодня ты превзошёл сам себя. Что о нас люди скажут?

* * *

Дело о воссоединении Церквей уже подошло к кульминации, несмотря на непрекращающиеся дискуссии и подчас противоположные мнения отдельных лиц. Но исторические процессы чаще всего бывают затяжными. Решается всё не вдруг, а либо подспудным течением, либо продуманным курсом. Или, как теперь, тем и другим вместе. Не спеша, лаконично, предусмотрительно.

Всё, хотя с долгими промежутками, шло своим чередом. И, пожалуй, никто так пристально не следил за ходом переговоров и не возлагал на них столько надежд, как наследники тамбовской усадьбы.

Терпение их испытывалось ещё полгода. Но однажды Клавин телефон принял один за другим три нетерпеливых звонка прямо посреди лекции. Студентка, сообразив, что случилось нечто важное, отпросилась с занятия и ответила на настойчивый вызов из Италии.

– Милая, ты не поверишь! – в неистовом восторге воскликнул Виталий. – Скоро нам откроется путь! Мы едем в Москву на церемонию подписания акта о каноническом общении – не можем пропустить этот день. Родители согласились ко мне присоединиться. Правда, всего на два дня. Они хотели бы познакомиться с будущей невесткой. Поэтому прошу: приезжайте и вы с Андреем Юрьевичем.

– Неужели всё это так близко? – обрадовалась девушка. – Идея твоя мне нравится. Думаю, мы приедем. Мы станем участниками исторического события, судьбоносного и для России, и для нас.

На праздник Вознесения Господня, 17 мая 2007 года, Храм Христа Спасителя, возрождённый во всём великолепии как символ нового расцвета веры, стал примирителем рассеянных по свету братьев. Победоносное торжество витало в самом воздухе. Пять тысяч человек, прибывших из разных уголков планеты в этот грандиозный собор, были охвачены волнением и ожиданием.

Евгешины, в жизни не видевшие ничего подобного, совсем растерялись. Стоя в плотной толпе по правой стороне храма, где по условию встретились с Виталием, они ощущали робость и трепет. Да и чья душа здесь не трепетала в этот неповторимый торжественный час?!

Во всех уголках собора отчётливо слышались песнопения ликующего хора. Каждый мог сердцем повторять сугубую молитву Святейшего Патриарха, в которой испрашивалось Божье благословение на братолюбие, на житие в мире и единении чад Русской Церкви. К алтарю были устремлены глаза двух самых нетерпеливых среди прихожан молодых людей. За сотнями участников они не могли видеть ни главных лиц, вершивших историю, ни окружавших их десятков священнослужителей в белых облачениях. Не могли видеть, как неторопливо и

величаво по красной дорожке поднимались на амвон Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй и первоиерарх зарубежной церкви митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Лавр; как они усаживались бок о бок за стол перед открытыми по случаю торжества Царскими вратами; как подписывали документ; как, наконец, обменивались троекратным братским лобызанием со словами: «Христос посреди нас» – «И есть, и будет». Но миг, когда это произошло, не был пропущен. По храму пробежал шёпот.

– Свершилось! – облэгченно вздохнул Виталий, переглянувшись с Клавдией.

– Границы пали! Господи, какое счастье! – молитвенно сложив ладони и подняв глаза на икону Спасителя, прошептала девушка.

Собор благовестил.

– Нет причин больше ждать, – выйдя из храма после продолжительного богослужения, загадочно улыбнулся Виталий.

Прямо на паперти он представил родителей и свою избранницу друг другу. Клава бросила на итальянцев только беглый взгляд – из скромности, но себя чувствовала, как под микроскопом. Что было не удивительно: эти люди видели её, можно сказать, впервые. Поэтому изучали и запоминали.

Все вместе они прошли в тихий тенистый уголок ближайшего сквера. И уже там мастер на сюрпризы Виталий торжественно произнёс:

– Андрей Юрьевич, я прошу руки вашей дочери!

– Рад буду вашему союзу. Совет да любовь! А где любовь да совет, там и горя нет!

– Клавдия, бесценный мой друг, согласна ли ты стать моей женой? – встал на колено Виталий. – Так каков твой ответ?

– Хм, дайте-ка подумать... – приложила барышня пальчик к щеке и, игриво глянув на жениха, ответила: – Согласна! Согласна!

– Прими в знак моей любви и почитания, – сказал он, надевая Клавдии фамильный перстень – тот самый серебряный перстень из клада.

– Но как? Как он у тебя оказался? – удивилась Клава.

– Заручись поддержкой тестя – и ты на коне! – щёлкнул пальцами Виталий.

Габриэлла, заинтригованно взглянув на сына, вставила реплику, из которой тамбовчане уловили только два знакомых слова – Vito и romantico.

– Она говорит, что я романтик, – перевёл юноша и словно в оправдание пояснил: – Так сложилось, что лучше и не придумаешь.

– У меня ещё кое-что есть, – засмеялся Андрей Юрьевич и протянул дочери серебряное мужское кольцо, которое на днях, по сговору с будущим зятем, купил в ювелирном магазине. – Надень-ка ему, чтобы не забылся. Тили-тили тесто, жених и невеста.

– Жених и невеста, – умиленно повторила Клавдия.

– Прогуляемся по Москве – и домой, – предложил Виталий.

А гордый своей дочкой герой, расцеловав обоих, добавил:

– Честным пирком да за свадебку!

Марина АРХИПОВА

Деревня

Стихи

Бабка

На рынок я ходила далеко
За свежим маслом или за сметаной.
Вдруг бабка протянула молоко,
Ну как я ей скажу, что брать не стану!
Ржаные руки отдали бутылъ,
в морщинах вся, глаза синее сини.
Та бабушка была, как поводырь
По добрым уголкам моей России.
Из этих рук я молока напьюсь.
От рек молочных да прибудет сила!
И в ноги я старухе поклонюсь,
Что именно меня остановила.

На карте Тамбовщины

Талинка-проталинка –
весенняя и смелая,
Малиновка – название,
что ягод спелость зрелая,
Красивое, Отрадное,
Приятное, Весёлое...
Мой край, ты как нарядами
себя раскрасил сёлами.

Чашино, Лисицино –
 не хожено, не езжено,
Сосновка и Берёзовка –
 зелёные да свежие.
Деревни и посёлочки,
 да станции далёкие
По имени Озёрное,
 Щегловка да Высокое.
В Садовом – вишни спелые
 в душистом лёгком мареве,
А в Русском – парни смелые
 в багряном летнем зареве
Двухрядкой раззадорили,
 по кнопочкам ударили,
Частушками заспорили,
 кого-то петь заставили.
Им в Соловьёвке песенно
 подсвистывают пташечки.
И шьёт молодка весело
 штанишки да рубашечки
В своей любимой Липовке,
 щебеча что-то нежное,
И звёздочкою светится
 любимое Надеждино.

Деревня

Цикорий простирает руки к небу,
Берёза спорит с ветерком шальным,
В деревне утро пахнет свежим хлебом,
Ещё коровьим молоком парным.
Здесь петухи горланят спозаранку,
И птицы вторят им, взлетая ввысь,
Тут отдадут последнюю буханку,
А то отmaterят – тогда держись!
Издалека оценят зорким взглядом,
Здоровья пожелают на века,
Помогут незнакомцу, если надо,
А в благодарность хватит и кивка.
В простой одежде, сморщенные лица
И пальцы крючковатые в узлах...
Так хочется вам низко поклониться,
Святым всем вашим в избяных углах.

И хоть живу я в городе с рожденья,
Но чувствую душой без лишних слов,
Что Русь жива вне всякого сомненья
Руками деревенских стариков.

* * *

По клавишам бегают пальцы,
Грохочет шальная гроза,
А рядом на стареньких пальцах
Ложатся крестом небеса.
Под музыку небо темнеет,
Ивановка плачет дождём.
А в пальцах, как в жизни, алеет
Закат, рвущий душу огнём.
Сливаются в музыку жизни
Рояль и потоки дождя.
По грому справляется тризна,
И быть равнодушным нельзя.
Последний раскат затихает,
Мгновенье – и нет ничего.
А с ним музыкант замирает
Рахманинов – имя его.

* * *

Расплылся светом крошечный огарок,
Сундук приоткрывал своё нутро,
Со дна свекровь достала полушалок,
На плечи бросила, сощурилась хитро.
«Мне от моей он матери достался,
Его на ярмарке купил тогда отец,
Из самого Тамбова добирался,
Чтоб сговорить соседку под венец».
Свекровь платок погладила руками,
И в зеркале мелькнули хороши
Два поколенья женщин в тонкой шали,
И струны дрогнули разбуженной души.
Ах, сколько песен помнит полушалок,
И сколько взмахов в пляске огневой,
И зазывных гармонии звуков шальных,
И звона колокольцев под дугой.
Смешные, старые из прошлого рассказы,
Ушедшие в истории века.
Хранятся в памяти те трепетные фразы.
Жаль, нет давно истлевшего платка.

Запахи дней

Хруст жаден спелых яблок жарким летом,
Когда на губы вытекает сок.
Зимою в стужу вспомните об этом,
Укутываясь в шарф или платок.
И оба мига маленькие счастья,
Раздумья жизни с запахами дней,
Воспоминаниями серый день раскрасьте,
И станет на душе чуть-чуть светлей.

В город осень вошла

В город осень вошла,
Я листвы слышу шорох.
Смотрят луж зеркала
На одежд пёстрый ворох.
Капля охры сверкнёт
Янтарями на солнце,
То бриллиантом блеснёт
Дождь слезой по оконцу.
Красок столько – не жаль!
Плещет осень повсюду.
Я багряную шаль
Никогда не забуду,
И кленовый убор
Из-под рук мастерицы,
И ковровый узор,
И бархотку в петлице.
Но всему наступает
В этой жизни конец.
Костюмер собирает
Утварь в старый ларец.
Вот уж убраны краски,
позолота и кисти,
И усталые маски,
И опавшие листья.

Валентина МАРКОВА

Жизнь и судьба барышни-крестьянки

Исторический очерк

Юность не задумывается о том, что жизнь наша неразрывно связана с историей большой и малой Родины. И только зрелость начинает понимать, восхищаться и удивляться силе характера, жизненной стойкости женщин нашей семьи, родственниц, односельчанок далёкого двадцатого века, вся жизнь которых была связана с Тамбовской землёй.

Перед вами жизнь моей бабушки, Анны Матвеевны, её описание вобрало в себя историю множества судеб женщин Тамбовской губернии.

Почти двести лет назад поселились на юго-западной окраине России, в Тамбовской губернии, на берегу безымянной маленькой речки казаки, позднее ставшие государственными крестьянами. Плодились и размножались Савенковы, Манаенковы, Пашенцевы, много было Ананских и Ледовских. Откуда переселились – не узнать; Ананские – северная фамилия, Ледовских – польская.

В семье Матвея Ананских в 1892 году родилась дочь Анна. Росла счастливой, родители любили её, родственников очень много было, у отца восемь братьев, сестёр; дом самый красивый на селе – изукрашенный резными наличниками, с террасой. Как все, босиком по межевым тропинкам бегала на речку, на луг, мимо огородов, с золотым морем подсолнечника, украшавшим село Новое Гаритово. Про село её писали, что было оно большим, торговым, жителей более четырёх тысяч. И ещё молоканским. В основе жизни людей этой веры лежал труд, мужчины все отличались трезвостью, культурой поведения, отвергали курение, сквернословие. Девушки отличались целомудрием, скромностью, трудолюбием.

К восемнадцати годам к девушке было привлечено внимание многих гаритовских семей, где надо было женить сыновей. За удивительные глаза цвета «анютиных глазок» стали звать её Анята. Девушка умела прясть, шить, вязать, вышивать. Готовила еду, всю полевую работу освоила – вязала снопы, помогала отцу на сенокосе, огород обихаживала, всякое растение знала. А цветы с детства любила больше всего, особенно полевые. Отец девушки был грамотным, Аняту и её сестру Полину отдал в двухгодичную школу, одевал по-городскому, платья шились

скромные, но модные. И певунья Анна была замечательная. К слову сказать, всё село было певчее. Старожилы вспоминали, как четырнадцать гармонистов вели своих девчат с разных порядков, с Грачёвки, с Сальяна, со Студёновки и Хошиновки на вечерку после полевых работ.

Вскоре пришли сваты из другого уважаемого рода Ледовских, глава которого Фёдор Китаевич уже взял в дом двух снох, пришла очередь женить младшего, шестнадцатилетнего, Петра. Не о таком суженом мечтала Анюта. Она встречалась несколько раз глазами с приказчиком из имения Рахманинова, но наедине с ним ни разу не была. Сердцем знала, что они друг другу нравятся. Да отец сказал: «В семью Ледовских! Свяжу, но отдам замуж».

Вот и не радовала скорая свадьба девушку. В день венчания, глядя на подъехавшего с гостями жениха, худенького, невысокого подростка, с горечью думала она: «Неужели он будет моим мужем!» А жених гордился – хороша была невеста! В первое утро новой жизни Анюта назвала мужа Петрушей, на что он её поправил: «Какой я тебе Петруша, я Пётр Фёдорович!»

Женская замужня судьба была, как у сотен односельчанок... Семья мужа имела недостаток от своих мозолистых рук. Вот уже в доме на троих снох двадцать детей. Старшую сноху Надежду, что в приданое землю принесла, оставляли по хозяйству на подворье и приглядывать за детьми. Две другие гнули спины на полевых работах от рассвета до заката.

Всё бы ничего, да началась Первая мировая война. На семейном совете решили отправить на фронт мужа Петра, так как у них с Анютой на тот год была всего одна дочь. Через несколько месяцев моя юная бабушка, не бывавшая нигде, кроме своего села, очутилась в далёкой Белоруссии, оставив дома грудного ребёнка. Пришло известие, что Ледовских Пётр Фёдорович получил отравление химическими веществами при первой газовой атаке немцев в районе г. Ипр и лежит в госпитале. Жив остался чудом, а инвалидом – на всю жизнь. Тяжёлая работа с этих лет легла на её плечи. С этого времени и Анюту стали уважительно звать на селе Анной Матвеевной. Ей было только двадцать три года.

А потом революция, гражданская война, коллективизация. В колхоз не хотели вступать, своя семья под тридцать человек, как коммуна. По архивным документам в селе были такие артели, как «Молоканская», «Ананская», которые позднее распустили, посчитав их ненадёжными. Вот и шла история нашей Тамбовщины катком по нашей семье и тысячам других. Сначала подняли налоги, кто-то донёс, что в семье есть лишняя крупорушка, а в наказание лишили избирательных прав, начались гонения на веру. А в конце двадцатых годов начали родные и другие односельчане с ненавистью небывалой называть тружеников-соседей кулаками, на сходках до крика требовали всё отнять у них – дома, скот, землю. Обезумели те, с кем прошла рядом жизнь. И только в 1954 году пришли оправдательные документы, что семьи Ледовских, Ананских из шестидесяти человек не были кулацкими.

Но это уже будет позже. А пока село голосовало за то, чтобы выселить «богатеев» на восемь участков пустующих земель в двадцати километрах от Ново-Гаритова.

Так Анна Матвеевна с семьёй очутилась в с. Дулово Избердеевского района, ныне не существующего. С одной овечкой и козой вступили в местную комму-

ну, но вскоре были исключены из неё как «дети кулаков». Выживать помогал труд, вера, что со временем всё наладится. А пока надо, пусть и нищую, жизнь вокруг себя благоустроить. Посадили садик, небольшой огород разбили, и цветы всегда вокруг были. Как-то зашедший в дом сосед, оглядев светлую от чистоты комнату, марлевые занавески на окнах, единственный стол, покрытый белой вышитой скатертью, а на нём банку с полевыми цветами, сказал: «Эх, Матвеевна! Мне бы жену такую!» Она действительно умела создавать вокруг себя красоту и уют, ощущение мирной спокойной жизни.

Не знал её отец, когда, желая ей счастья, выдавал замуж в зажиточную семью, сколько испытаний ей придётся перенести. Но каким крепким стержнем наградили её предки. Теперь правнуки и гордятся ею, и в себе находят что-то от её характера.

В 1931 году пришло новое испытание. Сельская власть явилась в дом неожиданно с постановлением о высылке семьи в Кустанай. Тринадцатилетний Санёк спрятался в картофельных грядках, десятилетняя Клавушка с родителями оказалась в Казахстане, выживали, как многие. Но и отсюда пришли известия о том, как Анна Матвеевна спасала тамбовских ссыльных. Работая поварихой, видела самых обессиленных земляков и наливала им половник супа погуще.

Возвращение на родину было нелёгким. Барачная жизнь в Орше, лесхоз в пригороде Тамбова, где женщина грузила в вагоны брёвна. Затем поиски работы в Мичуринске. В родное село не вернулись, помнили перекошенные от злобы лица односельчан, требующих их раскулачивания. В городе скитались по чужим квартирам, мучились, натерпелись всего.

В сорок первом началась страшная война, с беженцами, ранеными во многих городских госпиталях, с братским кладбищем, с воем немецких самолётов, с самой страшной бомбёжкой станции Кочетовка, от которой дети седали. Спасая семью, вместе с сотнями мичуринцев почти бегом уходила по старой дороге с дочерью и маленькой внучкой в Дулово, где прожили неделю в ожидании хороших вестей.

С военных лет, стоя на коленях, просила она у Бога милости, сохранить жизнь сыну-воину и всем родным на фронте, спасти близких и маленькую внучку в тылу от голода. Своей верой поддерживала и укрепляла себя и своих родных. Каким чудом был куплен в войну домишко на улице Разина, теперь нам не узнать. Но и здесь наша Анна Матвеевна вила семейное гнездо, в котором уже родились мы, послевоенное поколение. В военные годы место её работы – госпиталь в Земской больнице. Многим раненым приносили облегчение её натруженные руки. Этими же руками был обработан каждый кусочек земли на маленьком огороде. Когда совсем нечего было есть, глазками от картофельных очисток она засадила землю. А через месяц, разбудив своих голодных дочку и внучку, со счастливым лицом показала им маленькие, с голубиное яйцо, картофелинки. «Вставайте, девочки, какой я вам суп сейчас сварю!» И сварила, добавив лебеды. Огород и сад были для неё святым местом. Помнят в семье её слова военной весной, когда всё было кипенно-белым от цветения яблонь и вишен, наполнено непередаваемым ароматом. От переполнявшей её душу красоты она воскликнула: «Рай, ты мой Рай! Не знаю, есть ли ты не небе, а здесь, на Земле, есть!»

Чувство прекрасного никогда не покидало её и передалось почти всем её внукам. До конца жизни на её столе в простых банках красовались букеты из ромашек, люпина, сирени, черёмухи, а осенью – из разноцветных листьев. На подоконниках, на тарелках как украшения красовались краснобокие душистые яблоки.

В доме на улице Разина родились все её внуки от сына и младшей дочери. Послевоенная бедность скрашивалась её любовью к нам. Не забыты гостинцы в виде кусочков фруктового чая, большого лакомства для нас, чёрного хлеба, смазанного маргарином, сваренного из яблок компота без сахара. Для нас бабушка Анна была самой доброй, самой первой учительницей истории семьи и нашего края. По молодости мы этого не понимали, но многие её вечерние рассказы помним до сих пор.

Каждый вечер перед сном начинался с её главной молитвы – «Отче наш». С военных лет она молилась только на коленях. Затем начинались ночные были-небылицы, как бы она ни уставала за день. Рассказчицей она была чудесной. Мне уже 76 лет, но я многое помню из рассказанного ею. Я проехала по тем дорогам, где она шла в село Кривец, на родину своей матери. Полевыми дорогами она шла десять километров, называла попутные сёла Старое Гаритово, Казинка, Ярок и вспоминала, как в их селе старики рассказывали, что в давние времена на эти сёла нападали татары окаянные и в полон угоняли человек по двести. А в родном селе её матери, Кривце, на р. Воронеж, есть остров, а на нём стояла башня с вышкой, где дежурили казаки, чтобы степняков не допустить сюда. Её глазами я видела барскую усадьбу Рахманинова в родном селе, большой пруд с лодочной пристанью и купальней, чудесный парк с могучим дубом, соснами, кедрами, берёзами и липами, и сад, бахчу, куда сельские парни пытались проникнуть. Хорошим хозяином считали барина сельчане, в дом провёл телефон – большую редкость для того времени, а телефонисткой, погордилась бабушка, у него служила её сестра Пелагея.

А каким радостным было её лицо, когда она рассказывала о приготовлении к свадебному столу. Какие женщины-умелицы готовили праздничные блюда! Самодельная лапша на двухстах яйцах с бараниной или гусем была необыкновенно вкусна. По особому рецепту готовили картофельные блюда: тушили, обильно приправив мясом, перцем, имбирём. Чудо-картошка получалась в чугуне, когда пять килограммов её, мелко нарезанную, отваренную, заливали полулитром молока, полулитром сметаны, полулитром сливочного масла и парили до готовности. Редко сейчас кто готовит «Чабанаш» – замоченную в рассоле и обжаренную на коровьем жиру печень. Пекли свой особенный молоканский хлеб на хмелю вместо дрожжей. Тесто готовили из варёного картофеля и муки, караваи выпекали крупные. Вкусные и разнообразные ставились на стол пироги и пирожки из картофеля с мукой с разной начинкой. Много готовили солёных овощей: это «Быстросолянка», залитые водой помидоры с кинзой, чесноком и горьким корнем. Быстро готовились залитые водой тонкие ломти огурцов с чесноком, болгарским перцем и петрушкой. Капуста всегда во всех видах была отменной, нарезалась лапшой. Мясных блюд было много, угощались вялеными гусями, привезёнными в подарок из Армавира или Орджоникидзе. Спиртного не было на столах, а вот компоты, кисели, морсы – на любой вкус.

Но самым любимым рассказом для нас была история девушки Лизы и молодого барина с собакой, история их любви со счастливым концом. Этот рассказ повторялся изо дня в день после всех историй. И для последующих, рождённых позже внуков тоже был самым любимым. Каково же было моё удивление, когда, учась в школе, я узнала в бабушкином рассказе повесть А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка».

Красивая душа нашей Анны Матвеевны украшала всё вокруг нас, будь то рассказ или сказка, или трогательный напев заставлял прислушаться к её голосу. В детстве я услышала, как пела она что-то грустное, думала, какой-то молоканский псалом, слова запомнились, и я поискала их в интернете. Оказалось, это цыганский романс, имеющий много поэтических вариантов.

*Чудный месяц плывёт над рекою,
Всё в объятии грусти ночной.
Ничего мне так в мире не надо,
Только видеть тебя, милый мой.
Только видеть тебя бесконечно,
Любоваться твоей красотой.*

Вспоминая это бабушкино послание из другого века, я почему-то думаю о её несостоявшейся любви к приказчику в родном селе, о замужестве в богатую семью по воле отца. О глубоком стыде, что она пережила, когда в выцветшей от стирки кофте, старом платке встретила свою юношескую любовь на козловском рынке. Оба сделали вид, что не заметили друг друга. Барышни Анюты больше не было. Но родилась сильная женщина – Ледовских Анна Матвеевна, которая стойко перенесла незаслуженное раскулачивание, выселение из родных мест, тяжёлую работу, голодные годы, хождение по чужим квартирам. И эта женщина, как и многие из огромной Тамбовщины, сохранила красивую душу, трепетное отношение ко всему живому, любовь к людям. Напряжением своих сил сохранила в самые трудные годы свою семью, согревала её своей любовью. Сегодня мы говорим с любовью и уважением: «Жизнь ты прожила не зря! Мы тебя помним и любим, дорогая наша бабушка Анюта!»

И не только ей, но и многочисленным женщинам – родным и односельчанкам – от нас низкий поклон! Агафьи и Акулины, Евдокии и Лукерьи, Матроны, Марьи, Пелагеи, Степаниды, Фёклы, Федосьи, записанные в «Ревизских сказках». Всем вам от потомков благодарная память! В своём селе вы по Святцам получили имена, росли, выходили замуж, растили детей и трудились весь свой век. Но до старости сохранили интерес к жизни, приветливость, гостеприимство, чувство достоинства. Приехавших гостей при прощании вы одаривали чем могли: куском сала, яйцами, фасолью, огурцами; в военные голодные годы давали мешочек с зерном или с мукой, спасая от голода. А став горожанками, никогда не отпускали односельчанок без чая из ведёрного самовара с маленьким кусочком сахара, хлеб не всегда был в доме.

Вечная память за вашу нравственность, за соблюдение Божьих законов! К сожалению, пока ещё вам не поставлен памятник на Тамбовской земле, памятник женщине-крестьянке, вечной труженице! Но я верю – такой памятник обязательно будет стоять на нашей земле.

Стойкий бумажный солдатик

Биографический очерк об Александре Чернове

Творческий багаж полиграфиста, издателя, краеведа и экслибрисиста Александра Чернова, который отметил в декабре 2023 года своё 85-летие, составляют более двух десятков лично им написанных книг, а уж отредактированных и изданных будет не одна тысяча. Как признаётся Александр Степанович: «Из всего созданного особенно важным считаю книги, ведь создание книги – задача по сложности равная созданию цеха или предприятия. Поверьте, ведь говорю, имея опыт создания и цеха, и предприятия, и книги».

Друг Чернова замечательный тамбовский библиотекарь Александр Сапогов всегда считал книгу настоящим памятником писателю или же какому-либо событию. Вслед за ним и Александр Степанович утверждает: «Хорошая книга – это, действительно, ещё и памятник. Зная, что оставил прочную память, человеку легче уйти. Оставляя после себя книгу, даже если в ней есть ошибки, автор, в какой-то степени, делает памятник, но в то же время очень живое дело, а тем более если она об экслибрисе, красивом явлении».

Эти слова Александра Степановича из его книги «Полвека в мире экслибриса», где описаны события жизни, связанные со знакомством, освоением, исследованиями и продвижением книжного знака. Данный обстоятельный труд тамбовского краеведа будет любопытен всем, кто интересуется историей удивительного направления в художественной графике. Тем более что экслибрисы, созданные и самим Александром Черновым, известны не только на Тамбовщине, но и в мире.

Александр Степанович сделал очень многое для развития полиграфии в нашей области. И всё же краеведческие изыскания и популяризация книжных знаков, на мой взгляд, наиважнейший вклад Чернова в культуру, как нашего края, так и всей страны. При этом Александр Степанович ещё и благотворитель. Собранная им и его братом Аполлоном Черновым огромнейшая (самая крупная в странах СНГ) коллекция экслибрисов не лежит заповедным кладом у него дома. А через регулярно организуемые Черновым тематические выставки книжных знаков постепенно безвозмездно пополняет фонды Тамбовской областной картинной галереи и Тамбовской областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина.

Род Черновых

Как вспоминает Александр Степанович, родители отдали его в открывшуюся в Тамбове детскую художественную школу. Старший брат Аполлон (в семье его называли ласково Лоня) к этому времени уже учился в музыкальной школе.

Черновым хотелось, чтобы сыновья приобщались к искусству. Братья родились в семье тамбовского инженера Степана Андреевича Чернова. Мать Александра Васильевна была домохозяйкой. В обстоятельном труде «Род Черновых» Александр Степанович описал четырнадцать колен своего рода. Потомок однодворцев Черновых Степан родился в селе Туляны на берегу реки Лесной Тамбов. Сегодня бывшее село является частью Рассказово. После революции Степан уехал в Тамбов, получил высшее техническое образование, женился, занимал ответственные посты, вплоть до должности главного инженера.

Так что к концу 30-х годов Черновы были крепкой семьёй служащего, с определённым материальным достатком. Пользовались ежегодными путёвками в санаторий. Степан Андреевич всегда (даже в войну и тяжелейшее послевоенное время) выписывал газеты. В доме имели радио, а оно было далеко не в каждой семье; библиотеку из технических книг отца, романтических романов матери и литературы для детей.

При всём том репрессии 1938 года не минули и семью Черновых. Александра Васильевна была беременна Сашей, когда её мужа арестовали. С 10-летним Лоней она осталась без средств к существованию. К тому же их квартиру тут же «уплотнили», подселив милиционера. Как жене «врага народа» устроиться на работу Черновой не удалось. Поддержала женщину только одна старушка, двоюродная сестра мужа. Саша родился, когда отец был ещё в следственном изоляторе. Оправдание через несколько месяцев судом Степана Андреевича окружающие восприняли как чудо. Правда, сам Чернов считал, что важную роль в спасении сыграло его письмо, посланное из тюрьмы генеральному прокурору.

В Ленинграде

Детей Черновы старались развивать всесторонне. Вот почему, видя тягу у Саши к изобразительному искусству, родители поспешили отдать его в художественную школу. Мальчик учился графике у Алексея Лёвшина, живописи и композиции у Николая Отнякина, но более всего его привлекали уроки скульптуры, которые вёл Юрий Романовский. Он научил воспринимать скульптуру профессиональным взглядом, а ещё брал с собой на стройку, где подрабатывал созданием алебастровых отливок украшений, это умение пригодится Александру во времена студенчества.

Общеобразовательную и художественную школы Чернов окончил одновременно. Его друзья по «художке» решили поступать в Московский текстильный институт. Александр отправился за компанию. И всё же, пообщавшись с абитуриентами, понял, что не сможет всю жизнь заниматься тканями и моделями. Забрав документы, Чернов поехал в Ленинградское училище имени Мухиной. Но там все абитуриенты оказались уже с солидной подготовкой, окончившими художественные училища, и у Александра со школьными знаниями шансов поступить не было. Возвращаться ни с чем в Тамбов юноше не хотелось, и он в последние дни подал документы на юридический факультет Ленинградского государственного университета. Успешно сдав экзамены, Чернов стал студентом.

Готовясь стать юристом-международником, Александр много работал в научной университетской библиотеке. Там впервые он и познакомился с книжными знаками. В 50-х годах экслибрис считался архаичным, чем-то из дворянского быта. Другое дело штемпель личной библиотеки, который воспринимался вполне современно. К тому же у отца Чернова, любившего книги, к примеру, был свой штемпель.

Учась в Ленинграде, Александр посещал «Эрмитаж» и Русский музей, хотя более всего любил бывать в театрах, разнообразие и уровень которых его восхищали. Но чтобы попасть на спектакль, особенно в оперный театр, билеты в который оказались недешёвыми, Чернову пришлось подрабатывать в бригаде оформителей. На втором курсе Александр, всё ещё мечтавший стать скульптором, попытался перевестись в Мухинское училище. Попытка не удалась, но и в университет обратно не взяли. К огорчению родителей, Александр вернулся в Тамбов.

Полиграфическое дело

Отец помог Александру устроиться учеником ручного наборщика в типографию «Пролетарский светоч». Отсюда, когда пришла пора, Чернов ушёл в армию, сюда же вернулся после демобилизации. За несколько лет труда в типографии Александр овладел более чем десятью полиграфическими профессиями, окончил заочно Московский издательско-полиграфический техникум.

«Как и всё типографское дело, работа оказалась сложной и интересной, требующей творческого подхода и находчивости, – вспоминает Александр Степанович. – Глазомер, умение сочетать и противопоставлять чёрное и белое поле, которому я научился в рисунке и графике, помогли мне быстро освоить наборное дело». Чернов постиг многие тонкости полиграфической работы, брался за самые сложные заказы. Одним из таких была вёрстка иллюстраций. Именно через такой заказ в 1961 году Александр и познакомился с краелюбом, как любил себя называть Николай Алексеевич Никифоров.

Чернов уже был наслышан об этой легендарной личности, умеющей удивлять окружающих своими поступками. Удивил он и Александра, попросив сверстать... книжные знаки. Чернов не представлял, что экслибрисы продолжают существовать: «Видя мой интерес, Николай Алексеевич пообещал, получив тираж, подарить оттиски. Слово своё он сдержал, щедро подарив несколько экземпляров каждого экслибриса. Он приходил заказывать экслибрисы чуть ли не каждый месяц, поэтому у меня вскоре получилась их целая коллекция, которую я стал хранить между страниц общей тетради. Так, совсем неожиданно для себя, я стал экслибрисистом.

Мир экслибриса

Александр Чернов считает, что заслуга Никифорова в возрождении русского экслибриса огромна. Ведь Николай Алексеевич наперекор общепринятому мнению стал печатать книжные знаки не только для себя, но и знакомым, и

известным деятелям страны, при этом освещая всё это в прессе. А это немало способствовало популяризации экслибриса. К тому же Никифоров начал активно к созданию книжных знаков привлекать художников, многие из которых и не знали о таком направлении графики.

«Художники потянулись к экслибрису, ведь это очень демократическое творчество, где не надо угождать членам художественного совета или, как в оформлении книги, членам редакционного совета, – говорил Александр Степанович. – Но в то же время это не этикетка, на которой художник не имеет права ставить свою подпись. Да и выставок этикеток, как правило, не бывает; а вот с экслибрисом художник без особых затруднений попадает на выставку, организуемую коллекционерами».

Начав коллекционировать экслибрисы и общаясь с Никифоровым, Чернов познакомился со многими интереснейшими людьми страны, получая возможность пополнить своё собрание не только современными, но и дореволюционными книжными знаками. Но главное, в это время Александр Чернов пришёл к мысли, что ему пора и самому создавать экслибрисы. И в 1963 году он решил сделать сюрприз – книжный знак для Алексея Николаевича. В качестве техники он выбрал обрезающую гравюру, правда не учёл, что вырезать линию на дереве и на бумаге – это не одно и то же. Первый оттиск оказался нечётким. И всё же Никифоров был благодарен и похвалил Александра.

Позже Чернов освоил разные техники книжного знака. Помимо обрезающей гравюры применял цинкографию, офорт, линогравюру. А когда в 1966 году он изготовил сотый экслибрис, Николай Алексеевич предложил организовать в картинной галерее выставку и издать каталог. Это был первый успех и признание Александра. Коллекционеры стали проявлять к работам Чернова повышенный интерес.

Коллекции и выставки

Авторские работы Александра Степановича находятся в коллекциях и библиотеках многих известных общественных деятелей, художников, деятелей культуры и науки Тамбова, страны и мира. Он изготовил книжные знаки для библиотек Юрия Гагарина, Валентины Терешковой, Давида Бурлюка, Рокуэлла Кента, Игоря Ильинского, Дмитрия Кабалевского, для тамбовского поэта Семёна Милосердова, ветерана войны Ивана Одарченко, художника Алексея Бучнева и многих других.

Чернов увлёкся экслибрисом одновременно со своим другом по художественной школе (они даже жили в одном доме и одном подъезде) Алексеем Бучневым, ставшим замечательным художником. Кстати, Бучнев первым сделал книжный знак для Никифорова, а уж вслед за ним Чернов. В 1967 году Александр сделал в дар Алексею книжный знак в технике цинкографии. Подарок явно понравился, и Бучнев через год награвировал экслибрис для Чернова на дереве.

Александр Степанович очень высоко ценил работы друга, собирал его экслибрисы. «Мне хотелось иметь всё, – признавался мне Чернов в интервью на выставке, подготовленной в 2017 году и посвящённой им художнику Алексею Бучневу. – Потому что это действительно маститый талантливый художник,

очень эмоциональный, необычный. На мой взгляд, работы по произведениям Лермонтова и Горького по честности и остроте – это вершина графического мастерства. Необычны его экслибрисы, так же, как и его кресла. Он стремится к непонятным формам, фантазийным образам, аллегорическим символам. Поэтому их так интересно рассматривать, вглядываться, вдумываться. Поэтому у меня особый интерес к нему, чем к другим художникам».

Кстати, эту выставку в картинной галерее, как и последующие другие, Александр Чернов безвозмездно передал в фонды ТОКГ: «Очень хочется, чтобы картинная галерея имела солидную базу для проведения работы по экслибрису. Сегодня это книжные знаки из коллекции братьев Черновых. Эта уже шестая выставка, которую мы передаём галерее. Коллекцию нельзя держать в тумбочке. Она вполне сформировавшаяся, осмысленная, наполненная и должна находиться в руках серьёзных профессионалов. Поэтому мы и решили передать в хорошие руки. А наша картинная галерея – это очень хорошие руки. Надеемся, что экслибрисы будут использованы в экспозициях, тематических выставках».

Популяризации культуры книжного знака на Тамбовщине способствовали не только выставки Чернова, но и секция экслибрисистов при Тамбовском отделении «Общества книголюбов», её председателем долгое время был Александр Степанович.

Издатель

Александр Чернов стоял и у истоков развития офсетной печати на Тамбовщине. В середине 60-х Александру Степановичу предложили в областной типографии перейти на недавно созданный участок офсетной печати, принцип которой основан на фотопроцессе. А так как Чернов фотографировать умел, это дело он освоил хорошо, став на всю жизнь офсетчиком. Работая здесь, он впервые использовал технику офсета для создания двухцветного экслибриса. Это была первая совместная работа с братом Аполлоном. Вместе они сделали книжный знак для Тамбовской областной библиотеки имени А.С. Пушкина.

Каждый из братьев постепенно собрал свою коллекцию экслибрисов, которые со временем объединились в «Коллекцию братьев Черновых». Началась она в Тамбове, а в дальнейшем жила на два города. Хотя большая часть, сформированная в Москве Аполлоном Степановичем, была оформлена так, что именно она являлась основой экспозиций тематических выставок, которые регулярно устраивали братья.

В 1969 году Александра Чернова пригласили в Тамбовский институт химического машиностроения. Ему предложили создать множительную лабораторию. Александр Степанович возглавлял её до 1987 года, выпуская труды учёных, учебную и методическую литературу. В это же время Чернов печатал и каталоги выставок экслибрисов, которые организовывал в институтской библиотеке. Тогда же увидел свет и его первый фундаментальный краеведческий труд «Тамбовское печатное слово» о развитии полиграфии на Тамбовщине. Он вышел в 1976 году. А через десять лет Александру Степановичу удалось опубликовать его расширенное и дополненное второе издание.

В 88-м году Чернов принял руководство хозрасчётным редакционно-издательским отделом, получившим статус издательства. В тот год к нему обратился старый знакомый Вячеслав Тютюнник. Чернову пришлось пойти через немалые трудности, чтобы напечатать его книгу «Альфред Нобель и Нобелевские премии». И все это лишь из-за фамилии одного из лауреатов – Александра Солженицына, упоминания о котором не хотели власти. Но книгу Чернов отстоял. Бойцовский характер Александра Степановича власти испытали на себе и когда он продвигал выпуск смелых книг писателя Елегечева.

К экономическим проблемам, испытываемым РИО в 90-х годах, прибавилась и борьба за сборник «Антоновщина», против выхода которого в свет публично возражал губернатор, а за ним и СМИ. Но сборник всё-таки был опубликован. Правда, РИО продержался ещё два года и был закрыт решением арбитражного суда. Чернов стал безработным. В это время он трудился над книгой «Издатель – имя собирательное».

За то, что Александр Степанович не впал в грех уныния, судьба послала ему заказ на новую книгу. Чернову неожиданно предложили подготовить издание к 120-летию тамбовского водопровода. Параллельно с книгой «Глоток чистой воды» Чернов ещё и сочинял «Сказки для взрослых», издал прелестную книжку «Про чёрного кота», которые подтвердили, что он не только замечательный краевед, но и удивительно яркий прозаик.

Краевед

Титаническая исследовательская работа Александра Степановича в нулевых принесла ему заслуженную славу одного из столпов тамбовского краеведения. В 2003 году Вячеслав Михайлович Тютюнник предложил Чернову подготовить книгу «Нобели: взгляд из старого Тамбова», пригласив в свой Международный информационный Нобелевский центр. Именно здесь вслед за ней Александр Степанович опубликовал и свои основные краеведческие труды: «История Тамбовского края (очерки по истории культуры и литературы)», «Род Черновых: пять веков», «Менделеевы в Тамбове», «Полвека в мире экслибриса». Книжку-малютку «Мастер экслибриса» Чернов посвятил своему другу Алексею Бучневу. А другую книжку-малютку составили стихи и проза Анастасии Ховен. Именно Чернов вернул тамбовской литературе забытое имя этой интересной писательницы.

В большой и кропотливой подготовке краеведческих и художественных изданий и в работе на компьютере ему помогали близкие: супруга Зоя Григорьевна, дочь Саша, сыновья Юра и Гриша.

Неоценимую помощь краеведу оказывают и библиотекари ТОУНБ имени А.С. Пушкина. Долгие годы сотрудничества и крепкой дружбы связывали Чернова с заведующим сектором редких книг Александром Сапоговым. «Сегодня сотрудники отдела редких книг, бережно сохраняя традиции прошлого, продолжают работу по изучению и популяризации редких и ценных изданий. И в этой работе у нас есть такой знающий и надёжный помощник, как Александр Степанович Чернов, – говорит главный библиотекарь отдела Тамара Дмитрие-

ва. – Мы также обращаемся к его книгам, находящимся в фондах Пушкинской библиотеки. Очень ценны нам и его краеведческие изыскания».

Александр Степанович установил факт рождения в Моршанске матери великого писателя Антона Павловича Чехова. Это отражено на сайте Пушкинской библиотеки «Чехов и Тамбовский край», инициатором и соавтором которого выступил Чернов. Узы сотрудничества с областной научной библиотекой у Александра Степановича давние. В 1952 году 14-летним мальчиком он стал пользователем библиотеки. В 60-е создал экслибрис Пушкинской библиотеки, проводил здесь выставки книжного знака. При активном участии Чернова при ТОУНБ был учреждён «Клуб любителей книги», регулярно собиравший библиофилов, краеведов, экслибрисистов. В 80-х годах клуб стал существовать в формате «Тамбовских чтений».

Свои исследовательские статьи Александр Чернов публикует в сборниках ТОУНБ. Большой резонанс, к примеру, в 2010 году получила его статья «Издатель Ф.Ф. Павленков и Тамбов», так как Чернов привёл в ней факты, подтверждающие, что выдающийся издатель родился именно в нашем городе.

И в свои 85 лет Александр Степанович не может сидеть сложа руки. Он всегда в краеведческих изысканиях, в поисках новых фактов, в подготовке очередных изданий и выставок. Размышляя о том, что сделано им за долгие годы, Чернов написал в одной из своих книг: «Не могу сказать, что, прожив немало, проработав и повоевав, как стойкий бумажный солдатик, не добился результатов, положения и известности... Понимаю, что положение в обществе есть, но это для меня не льгота, а скорее обязанность... Приятно, что офсетная технология стала основой всей местной полиграфии... Понимаю, сделано немало. Одних только экслибрисов сделано более 200. Разошлись по миру и бродят по владельцам мои деревянные поделки и чеканки. Ну, а количество наименований книг, изданных мной в качестве издателя и редактора за почти 20 лет в ТИХМе, 10 лет в РИО, страшно сказать, исчисляются тысячами».

Весьма ценны и более двух десятков его краеведческих и художественных книг. К тому же как журналист, который знает и общается с Александром Степановичем Черновым несколько десятков лет, не могу не восхищаться его знаниями, трудолюбием, целеустремлённостью и невероятной скромностью.

Маргарита МАТЮШИНА,
журналист

Восхождение души...

(Статья к 225-летию А.С. Пушкина)

*Я одарю тебя молитвами души <...>
Молитвами любви, смирения и мира.¹
А.С. Пушкин*

Поэтический гений Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837) был явлен миру как истинное чудо. «Наш поэт представляет собою нечто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигде и ни у кого», «ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось»¹, – справедливо утверждал христианский писатель-пророк Ф.М. Достоевский.

Сам Пушкин воспринимал ниспосланный ему талант не только как дар, но и как задание свыше – нести человечеству проповедь Божественной истины:

*И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей» (2, 149-150).*

Стихи словно объаты Божественным пламенем горения духовного. Сердце поэта-пророка – это «угль, пылающий огнём», в согласии с апостольским призывом: «Духом пламенейте; Господу служите» (Рим. 12:11). Неслучайно «Пророк» явился духовным ядром пушкинского творчества как служения пророческого, вместившего «в себе идею всечеловеческого единения, братской любви» (14, 419).

«Велик и свят был жребий твой!..» – восклицал о Пушкине Ф.И. Тютчев. Он же выразил задушевную мысль, излившуюся из самого сердца России:

*Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..*

Последующие поколения русских писателей и читателей, «благоговевя богомольно перед святыней красоты» (если говорить пушкинскими же стихами), в надежде вдохновения и творческого озарения припадали к родникам литературного наследия поэта. Неразделимый с Родиной проникновенный лирик С.А. Есенин писал, что Пушкин «русской стал судьбой». Поразительный есенинский образ соединил величайшего поэта России с главным христианским Таинством:

*А я стою, как пред Причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.*

В торжественном венке, сплетённом «дивному гению», сверкает множество драгоценных жемчужин – художественно-поэтических образов, восторженных слов признательности, изумления, восхищения, благодарности. И в то же время – скорби о ранней трагической гибели великого Поэта России, разделившего участь других убиенных русских поэтов-пророков.

Об их общей судьбе, предчувствуя собственную скорую гибель, писал современный поэт Николай Мельников, погибший при невыясненных обстоятельствах вблизи Оптиной Пустыни:

*На мне стоит клеймо поэта,
А у поэта на Руси –
Так довелось – недолги лета.
Мне тридцать. Господи, спаси!*

Власть предрешающим было ненавистно талантливое честное слово русских писателей и поэтов. «Свободы, гения и славы палачи» избавляются от неудобных разными способами. При этом в каждой любящей Пушкина душе утешительным упованием отзываются строки его заповеди о жизни вечной:

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит (2, 460).*

Как послушание Богу сформулировал поэт программу своего творчества: «Веленью Божию, о муза, будь послушна...» (2, 460). Покорный «веленью Божию», создавал Пушкин нетленные типы и образы своих чудесных сказок, поэм, повестей, «маленьких трагедий», драмы «Борис Годунов», романа в стихах «Евгений Онегин», всей своей многогранной, сверкающей алмазной россыпью лирики: пейзажной, любовной, элегической, анакреонтической, патриотической, вольнолюбивой, философской, религиозно-мистической, молитвенной... И «тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею», «свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды» (14, 434–435).

Ниспосланная величайшему русскому поэту «та особая характернейшая и не встречаемая кроме него нигде и ни у кого черта художественного гения – способность всемирной отзывчивости», способность «любить человечество и носить в себе всеединящую душу» (14, 418–420) сотворила это дивное чудо пушкинского творчества. Во всякой человеческой душе, прикоснувшейся к нему, находит оно свой благодатный отклик. Вот почему каждый с полным основанием может сказать: «Мой Пушкин». Вчитываясь в него, важно сердцем найти самое для себя сокровенное – то, что выбирает душа.

Мой Пушкин – это прежде всего великий «духовный труженик», томимый «духовной жаждой», стремящийся «сердцем взлетать во области заочны»:

*Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата (2, 442).*

Это пламенеющий духом, рождённый «для вдохновенья, для звуков сладких и молитв» поэт-молитвенник:

*Молитесь – да взыдет к Небесам
Усердная молитва православных (4, 210).*

«Пробудясь, Господню волю Сердцем он уразумел», и это дало возможность создать настоящие духовные сокровища русской литературы.

Таковы «**Отцы пустынники и жены непорочны...**» – не просто поэтическое переложение великопостной молитвы преподобного Ефрема Сирина, но подлинное молитвотворчество. Всем сердцем обращаясь ко Господу, с покаянным смирением испрашивает Пушкин благодатных душеспасительных даров:

*Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденье,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи (2, 456).*

Как учил преподобный Максим Исповедник, «у человека два крыла, чтобы взлетать к Богу: свобода и благодать». Пушкин прославлял истинную свободу в Боге как одну из главных ценностей бытия. Он мечтал о ней, «как узник из тюрьмы замысливший побег» (2, 441). Невольником Пушкин ощущал себя не только в ссылках, куда власти изгоняли его за «свободный, смелый дар». Чувство подневольного, рабского положения, отвёденного гениальному художнику в «стране рабов, стране господ», всегда угнетало поэта:

*Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег (2, 387).*

Свободе посвящён маленький шедевр пушкинской лирики «Птичка» – крохотное и трепетное, словно певчая птичка, стихотворение, созданное на «чужбине», во время южной ссылки:

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.*

*Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать! (2, 7).*

Это поистине универсальное творение, которое воспринимается разумом и чувством и в самом малом возрасте, и в юности, и в зрелости, и в глубокой старости. Стихи написаны в связи с умиляющим сердце русским народным обычаем на Благовещение и Пасху выпускать из клеток перезимовавших в домах певчих птиц: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в Светлое Воскресение выпускать на волю птичку? Вот вам стихи на это» (9, 66), – писал Н.И. Гнедичу Пушкин. Благою весть, пасхальную радость воплощает отпущенная в небеса поющая вольная птица. Слышатся в стихах Пушкина и великая вера, и надежда, и любовь. Но любовь, по слову апостола, «из них больше» (1Кор.13:13). Согласно толкованию преподобного Максима Исповедника, «Вера и надежда имеют предел: любовь же, соединяясь с пребесконечным и всегда возрастающая, пребывает в бесконечные веки».

Пушкину в его прозрениях и предчувствиях, несомненно, были приоткрыты духовные тайны «жизни будущего века», Царствия Небесного. Поэт прямо говорил о действии Божьего Промысла в своей судьбе:

*Но здесь меня таинственным щитом
Святое Провиденье осенило,
Поэзия как Ангел утешитель
Спасла меня, и я воскрес душой* (2, 746).

За два года до гибели у Пушкина сложились удивительные, таинственные стихи:

*Чудный сон мне Бог послал –
С длинной белой бородою
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял.*

*Он сказал мне: «Будь покоен,
Скоро, скоро удостоен
Будешь Царствия Небес.
Скоро странствию земному
Твоему придёт конец.
Уж готовит ангел смерти
Для тебя святой венец...»* (2, 634).

Загадочное видение из иного мира отзывается в замирающей душе отрадой, благой вестью: «сон отрадный, благовещный». Но лирический герой, сознавая земность падшей человеческой природы, искажённой первородным грехом, не может в то же время не испытать смущённого замешательства, разноречивых чувств:

*Сердце жадное не смеет
И поверить и не верить.
Ах, ужели в самом деле
Близок я к моей кончине?*

*И страшуся и надеюсь,
Казни вечныя страшуся,
Милосердия надеюсь:
Успокой меня, Творец (2, 635).*

Всё в Божьей власти и Божьей воле. Отходивший ко Господу Александр Сергеевич Пушкин, по свидетельству В.И. Даля, внятно произнёс: «Ну, подымай же меня, пойдём, да выше, выше, ну, пойдём»¹. Душа его начала восхождение. Поэт удостоился святого венца и Небесного Царствия по беспредельному милосердию Божию. Он пребывает в вечной гармонии и бесконечной любви Божией. Но нет на земном языке слов, чтобы выразить то, что непостижимо человеческим разумом. Ибо, как благовествовал апостол Павел, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим» (1Кор. 2, 9–10). Человеку остаётся только уповать на волю Божию – святую, благую, совершенную.

Поэт осознал и прочувствовал это «своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем» (14, 416). И он же, по мысли Достоевского, «дал и великую надежду, <...> что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть» (14, 417). Пушкинское творчество, как и вся русская классическая литература, подобно православному Символу веры, проникнуто христианским пасхальным упованием на воскресение «мёртвых душ»: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века».

*Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук,
профессор, член СП России*

ПРИМЕЧАНИЯ

Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 3. – С. 268. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1880 // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. – Л.: Наука, 1988–1996. – Т. 14. – С. 436, 438. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

Записка доктора В.И. Даля // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – Пг., 1916. – Вып. 25-27. – С. 68.

Владимир САМОРОДОВ

Сигнальный экземпляр

Новеллы

Пиджак

Утром Владимир Борисович надел академический пиджак. Он так его называл. Рука потянулась и к бабочке, но импульс малодушия осёк его.

«С открытым воротником даже больше воздуха», – подумал он, оправдываясь перед собой.

Тот самый пиджак из коричневого вельвета, немного выцветший, с потёртыми локтями, грузновато сидел на нём.

Он был на нём в самые ответственные минуты его жизни: на защите диссертации, публичном обсуждении его первого рассказа, согревал в зимние вечера в библиотеках, где его хозяин находил поэзию даже в трудах по праву.

– Уважаемые студенты! Начинаем занятие по философии права, приготовиться по вопросам домашнего задания! – обратился Владимир Борисович к студентам, которые стали шуршать тетрадами и листами с распечатками, схемами и таблицами.

«Дождались всё же, никто не ушел», – подумал он, смотря на механические часы, сильно расстраивающие его мысли о собственной пунктуальности.

– Владимир Борисович, можно вас? – вдруг прозвучал строгий голос заведующей кафедрой теории права, стоявшей в раскрытых дверях аудитории. Рядом с ней он заметил и директора института.

Дамы, жестикулируя, пригласили его в коридор – на разговор. Владимир Борисович подчинился. Понимая, что разговор будет непростым, он закрыл за собой дверь, оказавшись в ауре удушливых женских духов.

– Владимир Борисович, вы же понимаете, что не имеете права преподавать, у вас нет никакого юридического основания для этого. Что вы делаете в этой аудитории? – выпалила директор института.

Владимир Борисович устало вздохнул и хотел уже на выдохе попытаться что-то ответить, но закашлялся, и его тут же опередила завкафедрой:

– Вам достоверно известно, что договор не продлён, и вы не имеете права здесь преподавать и даже находиться. Мы просим объяснить своё поведение и покинуть аудиторию. В противном случае будут приняты меры.

– Меня попросил профессор заменить его, он в командировке, поэтому я здесь, – отстранённо проговорил Владимир Борисович, понимая, что им всё это давно известно.

– На каком основании, если вы здесь никто! – повысила голос завкафедрой.

– Извините, понимаете... я же просто преподаю...

– Надеюсь, вы нас поняли? Вы упорно посещаете наш университет, не будучи преподавателем. Есть информация, что вы продолжаете вести незапланированные предметы, проводите кружок «Правовед», не имея на это никаких прав. Такое поведение поначалу вызывало недоумение, но теперь шутки кончились. Мы сообщили студентам, что с позапрошлого месяца вы не являетесь преподавателем нашего университета, но продолжаете ходить сюда и подрывать дисциплину. Мы категорически заявляем вам, что вы не вправе проводить здесь занятия. Понятно?

– Понятно, извините, – проговорил Владимир Борисович и вернулся в аудиторию.

Вспотевший, он снял пиджак и повесил на спинку стула.

«Я же не могу просто так встать и уйти, объявив студентам, что, мол, не имею права у них преподавать. Это будет срыв занятия», – думал Владимир Борисович. Ему не хотелось и подводить профессора, который бы принял за малодушие оставить студентов.

Владимир Борисович пытался взять себя в руки, но образовавшаяся какофония в его голове зазвучала минорными нотами фортепиано, переливающимися в слова директора «не имеешь права», «не имеешь права»... накладывались удары барабана, тяжелые, как слова редактора толстого литературного журнала: «Ваша литература – это пародия на реализм», «пародия на реализм». Неразбериху звуков захлестнул пронзительный, неправдоподобно быстрый этюд скрипки, похожий на визг и плач болеющего старшего сына: «Па, полежи со мной», «полежи со мной»... Потом пролился обволакивающий нежный голос жены, поющей колыбельную для детей, для него, но, наверное, больше для себя, уставшей.

Владимир Борисович тёр виски, пытаясь успокоиться и сгладить тяжесть бессонных ночей.

– Вы от нас не уходите, нам стихи нравятся, они не мешают, – неожиданная реплика студента окончательно вернула Владимира Борисовича в аудиторию.

Он напрягся оттого, что студенты могли слышать разговор за дверью.

– На кафедре говорят, вы много стихов читаете на парах, что тут не филфак, тут юриспруденции учат. А вы от нас, правда, уйдёте? Вы извините, мы просто интересуемся, всегда ждём ваших занятий.

Владимир Борисович хорошо помнил, что около двух лет назад его идею проводить со студентами литературные вечера не поддержали в университете:

«Не относится к учебному процессу», при этом он знал, что на кафедре уголовного права давно официально действовал кружок бардовской песни. С тех пор он проводил вечера подпольно при поддержке профессора. Ходить туда студентам было интересно, вечера были откровенными и притягательными, там влюблялись в литературу, друг в друга, клялись служить праву. Студентов, посещавших вечера, называли декабристами.

«Володя, брось эти вечера, пустое это, юрфак не филфак». «Бабочку опять надел, университет с театром перепутал?». «Не гневи людей, поставь зачёт Фролову, он сын судьи, ему всё равно поставят», – вспоминались обронённые слова знакомого преподавателя на кафедре. Владимир Борисович тогда всё кивал головой в ответ, отмалчивался, писал объяснительные, учил, грустил.

Молчание в аудитории прервала вновь появившаяся заведующая кафедрой. И через пару минут, разлучённый со студентами, он оказался в её кабинете.

– Вы понимаете, что не имеете права вести занятия у студентов, но продолжаете это делать. Так любой человек, зашедший с улицы, может встать за кафедру? Вас юридически здесь нет и быть не должно. Сколько раз вам это повторять?

Владимир Борисович почему-то смотрел на её вздувшуюся синюю венку под чулком телесного цвета на ноге, голос её слышался то тише, то громче, превращаясь в сознании в монотонный гул. Он потёр глаза в надежде проснуться. Но она всё продолжала, говорила, ходила, властвовала.

В его голове звучали стихи Рильке:

*«Все падаем. Так повелось в веках.
Глянь, рядом падает рука небрежно.
Но Некто есть, кто бесконечно нежно
Паденье это держит на руках».*

Ему было странно от всего этого и необычно, ведь он учился здесь, преподавал, даже мечтал.

Владимир Борисович вышел из кабинета, заведующая напоследок сказала:

– Если вы не поняли и пойдёте в аудиторию к студентам, я буду вынуждена вызвать охрану, будет такой скандал, который дойдёт до ректора. Не заставляйте меня это делать. Больше вас здесь быть не должно! А профессору передайте, чтоб больше никогда не просил его подменять. На него мы тоже управу найдём, если он и дальше будет противопоставлять себя коллективу кафедры, – говорила она вслед молчаливо идущему к выходу силуэту.

«Пародия на реализм...» – в очередной раз всплывали в сознании прилепившиеся слова.

Сев в машину, Владимир Борисович поспешил домой. Но на середине пути его автомобиль неожиданно остановился. Он вспомнил, что забыл свой пиджак в аудитории.

О любви

Владимир Валентинович работал корректором. Он вычитывал и правил рукописи, проходившие через типографию, в основном прозу и поэзию местных авторов. Поначалу работа угнетала его творческий ум, было скучно, он замечал многочисленные литературные оплошности, некоторые авторы даже не доканчивали предложений в романах или рассказах, но не по умыслу – скорее, из-за небрежности или спешки: все хотели быстрее издать книгу и стать писателями.

В небольшом городе работу найти было сложно, и теперь Владимир Валентинович был даже рад, что повезло заякориться здесь на несколько лет, хотя и по случаю. До него корректором трудилась Евгения Васильевна, но из-за проблем со зрением её перевели в вахтёры.

Владимир Валентинович старался никому не мешать. Сидя за компьютером, он вычитывал и правил, вычитывал и правил. В перерывах слушал в наушниках классические увертюры, симфонии, фортепианные циклы. Его уважали, но как-то больше формально, и даже слегка побаивались: ведь он был единственным во всей типографии человеком, близким к искусству литературы. Все работавшие рядом с ним были наладчиками, менеджерами, экономистами или юристами – людьми, далёкими от возвышенных мыслей, на них и держалась старая типография, несколько раз прошедшая реорганизацию, но потихоньку пытаящая, кормящая.

Обычно раз в месяц директор вызывал к себе Владимира Валентиновича в кабинет, представлял какому-нибудь дородному дяденьке в пиджаке с галстуком и говорил уже заученную фразу:

– Вот заведующий отделом корректуры Владимир Валентинович. Между прочим, человек образованный, окончил Литинститут в Москве, ценим и держимся за такие кадры.

Гость в ответ вымучивал умное лицо и кивал головой, как поплавок с ленивой поклёвкой. После этой повторявшейся процедуры Владимир Валентинович удалялся к себе. Такая роль его ничуть не смущала, он даже сам как-то обретал второе дыхание, убеждал себя, что вот, дескать, всё же не зря учился на литработника, рассказывал жене о похвале начальника.

Учиться в столицу его отдали родители. Мама, заведующая библиотекой, преданная Шиллеру, заметила поэтические способности сына и непременно захотела хороший институт с историей и традициями. Отец, будучи второй скрипкой в областном академическом оркестре и дома, спорить не стал. Он и сам чувствовал талант сына, но жалел, что ему теперь придётся оставить фортепьяно. А ведь они могли играть на одной сцене.

Владимир Валентинович как-то незаметно для себя самого окончил вуз, продолжал сочинять стихи, даже увлёкся прозой. Ему предлагали остаться при кафедре, заниматься поэтикой Державина, но он вынужден был вернуться домой: надо было помогать матери ухаживать за отцом, которого разбил инсульт. Отец скучал по сыну, волновался и всё больше злоупотреблял красненьким. Вот и свалился однажды на репетиции со стула. Кто-то из оркестра выкрикнул: «Валентин замечтался!» Никто не заметил, как скрипач состарился...

По приезде из столицы с Владимиром Валентиновичем случилась любовь, появилась семья, двое детей приказали забыть мечты о карьере писателя и начать «жить реальной жизнью», как говорила «супруга-спасительница». Он так часто её называл. Несмотря на постоянную нехватку денег, она умудрялась как-то экономить. И когда нужно было расплачиваться за подарки детям, коммуналку, книгу, она, видя растерянное лицо Владимира Валентиновича, откуда-то из сумочки доставала деньги. Он и не противился, смирился и, казалось, нащупал счастье.

Так долго он ещё не задерживался ни на какой работе. Однажды устроился разнорабочим, но его обманули и не заплатили обещанного, пришлось искать новое место. Пара лет журналистом-фрилансером в независимом интернет-издании не оказались успешными: начали критиковать за недостаточную остроту материала и излишнюю художественность. Последнее место было в отделе поэтического наследия Державина. Владимиру Валентиновичу там очень нравилось, но отдел вскоре сократили – реорганизация, оптимизация. Он даже побывал в областной администрации, пытаясь отстоять отдел, но принимавший чиновник сказал, что Державин – это государственный деятель, а не поэт, и он не понимает, почему этот отдел так долго существовал, да и зачем. Владимир Валентинович не нашёл, что сказать, попытался прочитать наизусть стихотворения Державина, доказать, отстоять отдел, но его чуть ли не вывели силой.

Так Владимир Валентинович, забрав все публикации, газеты, книги из отдела, остался с поэтическим наследием Державина на улице. «Благо родительская дача ещё не продана, можно оставить всё там до весны», – вспомнил он.

Зато сейчас супруга была довольна стабильностью и положением дела, тем более что директор его ценит.

Да и он со временем полюбил свою работу.

«С обычной корректурой любой современный компьютер справится, а вот литературная правка – это другое дело, это «человеческое занятие», надо понять автора, почувствовать», – думал он про себя.

Сейчас Владимир Валентинович ничуть не жалел, что пришлось покинуть Москву после учебы, тихая жизнь ему была по душе, всё знакомо, есть время подумать, помечтать... Однажды он придумал, что человеку для счастья нужно не менее получаса в день мечтать, и даже поместил эту фразу в повесть местного автора, заменив нелогичное предложение, и филигранно доработал ещё некоторые места. В последующем, перечитывая, утвердился, что всё встало удачно, главный герой наконец-то стал романтиком.

Он понимал, что поступает не совсем правильно, внося изменения в тексты, но ничего не мог с собой поделать. Часто даже останавливал себя, но опять всплывали слова отца: «Каждую ноту нужно сыграть правильно. Слушатель не должен понимать, как сделана мелодия, он должен наслаждаться и лететь...» И Владимир Валентинович снова правил...

Он был последним, кто читал эти тексты перед отправкой в печать, возможно, и оставаясь единственным внимательным читателем многих выпускающихся в типографии книг. Лишь малая часть рукописей не подвергалась его правке: это были либо переиздания произведений уже ушедших мастеров пера,

либо живущих, ценящих слово и понимающих его силу. К этим книгам Владимир Валентинович относился с особенной бережностью, получая удовольствие от музыки слов, рождающих переживания и мысли. В эти минуты он особенно любил свою работу и дорожил ею, ведь она заключалась в простом наслаждении литературой... Бывало, Владимир Валентинович делился содержанием прочитанной книги с коллегами, рассказывал про удачные места, сюжет. Но это было настолько неинтересно его слушателям, что даже из вежливости никто не спрашивал, чем закончилась история и кто её автор. Раньше с ним беседовала верстальщица, но она уже второй год была в декрете и, к сожалению, научила его техническим азам вёрстки книг, поэтому Владимир Валентинович занимался и её обязанностями за небольшую доплату к жалованию. «Пока не найдём замену», – говорил директор, перекладывая дополнительные задачи на него. И вот уже год Владимир Валентинович думал, ищут ли замену или об этом уже забыли. Но ему не было в тягость верстать книги, наоборот, он сейчас бы обиделся, если бы кого-то нашли. Теперь он был убеждён, что сверстать книгу и сделать хорошую обложку мог только человек, прочитавший, почувствовавший и полюбивший её.

Экземпляры книг, отпечатанные и лежавшие на полках в типографии, доставались сотрудниками только для показа клиенту размера шрифта, качества бумаги, плотности обложки. Это нормально, рабочий процесс. Иногда заходил директор и, взяв несколько новых книг, тасовал их, как игральные карты, заключая: «Хорошие книги получились, качественные материалы, не стыдно показать людям». Это была одна из заученных его фраз, он произносил её каждому клиенту.

Владимир Валентинович с уважением относился к директору и старался не обращать внимания, что тот совсем не читает книг, занимая такую должность. «Но, может, это и хорошо, – думал он про себя, – а то бы лез в работу, отвлекал, навязывал, а здесь каждый занимается своим делом, как на любом приличном предприятии». Хотя иногда ему приходили странные мысли, что директор мог бы с таким же успехом торговать, например, трубами, и ничего не изменилось бы, он так же договаривался бы с клиентами, продавал, хвалил товар. А менеджер и экономист считали бы погонаж металла или пластика, а не бумаги.

В один из дождливых осенних дней Владимир Валентинович пришёл в типографию и заметил некоторые изменения, которые как-то неприятно настрожили его: продавленный стул пропал, а рядом с его компьютером стоял другой – крутящийся, современный. Включив компьютер, он увидел, что часть файлов находятся не на своих местах. Не успев всё обдумать и понять, что произошло, Владимир Валентинович услышал, как его позвали более официальным тоном, чем обычно, в кабинет начальника. Там его ожидал сам директор и юрист.

– Вчера в обед у нас в типографии был Евгений Михайлович Трубников, он крайне недоволен нашей работой и обоснованно негодовал. Как вы знаете, он является депутатом, крупным предпринимателем и благотворителем. Недавно, по-моему, месяц назад, он издал у нас книгу стихов большим тиражом в твёрдой обложке. Да что тут скрывать, я сам, давно зная Евгения Михайловича, заверил его, что всё будет в лучшем виде, и уговорил издаваться именно у нас. Это

один из самых денежных заказов за этот год. Вы понимаете? Я лично просил вас, Владимир Валентинович, уделить внимание этой книге. А получилось, что книга вышла, я даже не знаю, как сказать... Он вчера обнаружил, когда читал стихотворение о любви из своей книги на одном из тожественных вечеров, что оно полностью исправлено, из него убраны все слова «люблю», хотя стихотворение называется «О любви»! Он сказал, что перечитал книгу и не нашёл почти ни одного не исправленного стихотворения. У нас на производстве, кроме вас, никто не читает книги и, соответственно, не может исправлять их. Я не понимаю – зачем? Или даже за что? Всё это крайне плохо отражается на нашей репутации, а если дойдёт до суда, то мы просто можем закрыться. Не отвечайте, послушайте, что я скажу. Я вчера, когда вас не было, дал задание сверить некоторые поступавшие рукописи и направляемые в печать после корректуры. Вы правили почти все недавно поступившие тексты, вы не просто исправляли ошибки, а дописывали слова, предложения или удаляли авторский текст, не имея никакого права! Да что тут говорить, вы поправили несколько стихотворений председателя Союза писателей нашей области, от него идёт тридцать процентов заказов. Интеллигентный тихоня, а по факту безумец, у меня нет других слов... Я принял решение вас уволить.

Владимир Валентинович вышел из директорского кабинета. Проходя по коридору, он увидел за своим рабочим столом вернувшуюся к корректуре Евгению Васильевну.

Уже у выхода из типографии он присел на свободное вахтёрское место. «А ведь на заводе этого депутата работает моя супруга», – с неотвратимой тяжестью вспомнил Владимир Валентинович и вдруг представил, что будет, если депутат узнает, кто исправил его стихи.

Проливной дождь не выпускал Владимира Валентиновича из типографии. Как много времени и сил он посвятил этой книге. Сейчас было тяжело думать о будущем. Хорошо, если бы дождь лил до конца рабочего дня, и прийти с работы как обычно, не расстраивать супругу плохой новостью. Они так хотели всей семьёй съездить на море, вывезти немного окрепшего отца. Теперь ему представилось, что ещё и супруга из-за него потеряет работу, они уже не смогут жить как прежде, будет скандал. Он закрыл глаза и стал шептать стихи для успокоения.

Вдруг Владимира Валентиновича коснулась чья-то рука, он открыл глаза, даже не перестав нашептывать.

– Шеф просит тебя к себе. Хорошо, что ты не ушёл, – проговорил с улыбкой юрист.

В кабинете он увидел радостное и одновременно недоумевающее лицо директора, который поспешил по-дружески потрогать его за плечо и примирительным тоном произнести:

– В общем, мне сейчас звонил Трубников, говорит, что он всем очень доволен, что погорячился по поводу произошедшего. Ему, оказывается, сейчас звонил какой-то известный критик из столицы, которому он недавно передавал свою книгу. Хвалил стихи, сказал, что даже напечатает несколько стихотворений в толстом журнале, назовут подборку «О любви».

Сигнальный экземпляр

1.

– Уважаемые члены литературной гостиной, адвокаты-литераторы, писатели, читатели, художники... Я рад всех приветствовать на очередном вечере в адвокатском бюро. Сегодня насыщенная программа, но прежде всего хотелось бы презентовать книгу Владимира Юрьевича под названием «Этюды», – проговорил один из корифеев, держа в поднятой руке маленькую книжицу на скобах в однотонной обложке.

Публика, собиравшаяся по пятницам в адвокатском бюро, слушала разных литераторов, их было разрешено критиковать, что охотно и делалось, можно было спорить, и здесь чаще обычного звучали умные речи в городе. Каждый пришедший считал, что он не случайный человек, а специальный, часть чего-то большего. Владимиру Юрьевичу передали его книгу, и он, запуская её по рядам, сообщил публике:

– Это сигнальный, нужно быть аккуратным, скоро будет тираж и каждый получит экземпляр от автора. Книга передаётся для обозрения, – повторял взволнованно автор.

В это время кто-то уже начал читать свою «новинку». Началось мучительное испытание прозой с перерывами и дискуссией – тот самый литературный процесс. Талантливые произведения в стенах литературной гостиной были редкостью, поэтому часто приходилось имитировать интерес в процессе слушания, общаться мимикой, вздыхать и радостно удивляться вибрации звонка телефона как основанию выйти. Но как бы ни было порой тяжело, каждый уважительно слушал, зная, что, возможно, потом настанет и его черёд читать. Казалось бы, но именно слабые литературные произведения сплывали и часто дарили странные приятные чувства, но в этом никто не признавался, да и не надо было. Часто чтения и обсуждения так же подогревались крепким алкоголем и дымящимися заграничными сигарами. Приходили хорошенькие девушки. Было не так всё и плохо.

В этот день Владимир Юрьевич был особенно дерзок в суждениях и смел в осуждениях, он как никогда уверовал в то, что много понимает в литературе. Требовал объективности от обсуждающих, спорил и ждал, ждал, когда уйдёт его дедушка, корифей от местной литературы, и тогда он сможет затянуться заграничной сигарой и порядком навообразить себе. На обсуждение последнего отрывка из романа наложились звуки джаза кем-то поставленной пластинки, и этот вечер окончательно закрутился в иррациональном осмыслении прочитанного с затяжными вздохами собеседников. Происходящее вокруг в силу выпитого постепенно приобретало стихийные элементы, не так чтобы... Но появлялись намеки на пошлость, признания в бездарности и обратное, обнажались словами мечты... Наконец Владимир Юрьевич умело пожёг сигару и несколько затяжек помогли ему представить себя солидным писателем с потенциалом. Да он, собственно, и не скрывал это ни от кого, как-никак, вторая книга выходит... Кто-то чихнул в этот момент. Он улыбнулся, что-то пробормотал и постучал три раза по

ножке стула. Потом подумал, что ему показалось, но это уже было не важно. Очередной литературный вечер удался, и уже ничто не могло помешать насладиться его послевкусием. Зимний вечер, хороший джаз, неплохая сигара под Черчилля и лёгкий привкус от в меру талантливой прозы с литературного вечера, что ещё нужно?

2.

В понедельник Владимир Юрьевич, вернувшись на работу в бюро, обнаружил пропажу своей книги, осматривая столы и книжные полки, он утвердился в этом мнении.

– Пропала, украли, – проговорил он про себя и в эту минуту лишь малую часть страдал от недоумения из-за утраты книги, а большую – тихо ликовал от обретения тайного поклонника. Действительно, ситуация складывалась нестандартная. Владимир Юрьевич, всё ещё раз осмотрев, даже немного испугался, что может вот так просто её найти в каком-нибудь пыльном углу или просто убранной в стол, даже просмотрел содержимое мусорных вёдер, мало ли... Какое странное чувство – искать и не желать найти.

– Пропал сигнальный экземпляр моей книги, которую в пятницу презентовали гостям. Предполагаю, что, скорее всего, книга украдена, – радостно объявил Владимир Юрьевич своим коллегам адвокатам-литераторам за обеденным чаем.

– Такой комплимент ещё никто не получал из нашего общества, Владимир Юрьевич. Но верится в эту историю, конечно, с трудом. Вы нас разыгрываете, – ответил его коллега Семён Розанович. – Нет, книга, конечно, достойная, но чтобы так... – добавил он.

– Пропала действительно, всё обыскал сегодня, однозначно украдена, – улыбаясь, заключал Владимир Юрьевич.

– На кого же думаете? – с заботой спросил его второй коллега писатель Эдуард Серафимович.

– Да не знаю даже. Думаю, могли бы спросить, я бы подарил, но это же сигнальный экземпляр, там даже незначительные пометки автора есть. Мне не хочется про кого-то думать так плохо или хорошо, – немного каламбурил Владимир Юрьевич.

– Возможно, случайно унесли, не переживайте, – успокаивал Семён Розанович.

– Да если бы случайно, уже бы принесли или позвонили бы. Так что не думаю.

– Владимир Юрьевич, это, кстати, неплохой сюжет для рассказа, можно закрутить, что сам автор украл для придания интереса книге и тому подобное, заперчить это как следует, например, заявлением в полицию и интервью журналистам, мол, книгу молодого тамбовского автора украли до её издания. Пошло, конечно, но что поделать... Я, кстати, ни на что не намекаю, – проговорил Семён Розанович, допивая чай, и, спешно одеваясь, направился в судебный процесс, прихватив пару газет с рассказами для раздачи.

– Семён Розанович, передайте газету моему знакомому адвокату, с которым вы будете участвовать в процессе, если увидите, скажите обязательно, что там напечатан мой рассказ «Дело 37/0».

– Да, я видел его недавно, он не взял газету, сказал, ему не интересно, – ответил Семён Розанович.

– Значит, завидует.

– Будем надеяться, – проговорил уже в дверях Семён Розанович.

Эдуард Серафимович немного позже повторил путь Семёна Розановича, оставив коллегу наедине с собой и случившимся.

Владимир Юрьевич стал думать, кто же действительно мог похитить его книгу. Коллеги не могли, им это не нужно, возможно, это был известный поэт-авангардист, периодически бывающий на вечерах и появившийся именно в этот вечер, вполне возможно. Может, его друг, известный человек в сфере нового искусства, приехавший из Петербурга и споривший в тот вечер с ним. Хотя я себе льщу, но почему же... – проговаривал про себя Владимир Юрьевич, – возможно, она ему потребуется для новой инсталляции, – сморщился Владимир Юрьевич. Нет, скорее всего, это тот пожилой дяденька – музейщик и собиратель всякого старья, да, скорее всего, он, экземпляр сигнальный с правками автора, единственный, так сказать, в нём, кстати, моя фамилия и имя были мелко написаны, в тираже побольше будут – я настоял в типографии. Эта книга будто была сделана для кражи и последующего выставления в музее. Хотя, может, та женщина, которая читала сонную прозу, может, она пригрела, так сказать, на груди мою книгу, я не против, ведь для этого они и издаются, – усмехнулся Владимир Юрьевич от этих мыслей. Может, всё же этот специалист в области нового искусства? Слышал, что он на одной выставке совершенно бездарную книгу женщины сделал одной из самых популярных, поместив её в женский чулок в сеточку и выставив посреди зала в музее. Да, я и сам её зачем-то прочитал потом.

Да, украденная и ещё не вышедшая книга в провинции – это, конечно, серьёзно, можно сказать, судьба. Перебирал мысли у себя в голове Владимир Юрьевич, даже невольно подумал, не дать ли действительно интервью знакомому журналисту, или написать заявление в полицию, подогрев, так сказать, интерес к книге. А что, кого-то даже могут задержать, будет суд. Я прощу его в суде, заплачу...

Владимир Юрьевич был в некой эйфории, его жесты и походка изменились, они стали по-настоящему писательскими. Он даже думал увеличить и без того большой, по современным меркам, тираж книги, но успокаивал себя тем, что в последующем книгу можно будет переиздать, и не факт, что за свои. Всю эту ситуацию он воспринимал даже несколько мистически, естественно, в пользу своего таланта. Таинственный флёр глубоко и обнадёживающе пугал...

3.

Сигара обожгла пальцы, пластинка молча крутилась, кто-то тихо сказал, что пора домой, уже поздно, все разошлись. Владимир Юрьевич, приоткрыв глаза, понял, что литературный вечер подошёл к концу.

Юрий САВЧЕНКО

Погляди на небо, выходя из дома

Стихи

Голая правда

Что тут молвить о Малороссии?
Не срослась, вот такие дела...
Не затем её ляхи *матросили*,
Чтоб она за Ивана пошла.

Детям Рады* не рады племянники,
Да и дети-то... – зря, что ль, малы?
Старший строг, хоть давал и на пряники,
Да вкусней – из-под панской полы.

Где та воля, доля казацкая?
Где та правда, что Сечь – али смерть?
Стая волчья, зубами клацая,
Ходит, ходит тебя смотреть.

То подлижет, то в горло вцепится,
То харчей плеснёт со стола...
Эх, Украина, дуплявая репица,
За морковку себя отдала.

*Переяславская Рада 1654 г.

А теперь не знаешь, как вырваться, –
Далеко на брата зашла.
Слышишь лишь униата да выродца,
Да волков, что вовек не замирятся, –
Ох, горьки волам удила...

Дебальцево девятнадцатого года

Природа безмолвна и нища.
Война здесь дурила всерьёз.
Дубов перебиты ручища
И щиколотки абрикос.

Здесь клёнам, отросшим кустами,
Стройней не бывать никогда.
Здесь в стены впечатано пламя
И вплавлены провода.

Холодный луганский автобус
По бывшей дороге бредёт.
Здесь страшного времени фокус
Сквозит через бреши ворот.

Не верить нельзя, невозможно,
Что лучшею будет судьба.
Но мертвен откос подорожный,
Где целого нету столба.

* * *

Скулы кряжей над Осколом
Нежная румянит рань.
Речки, собранные Псёлом,
Обнимают Обоянь.

Тихая Сосна бессонно,
Как дыхание, течёт...
Силы медленного Дона
И ключи днепровских вод

Здесь на странствие родятся,
Нарекая всё кругом.

Здесь выросли старообрядцы
В благодатный чернозём.

Волей властною Закона
Неизменна навсегда,
Зову дольного уклona
Подчиняется вода.

Только выросшие внуки
Всё не могут поделить
Эти гибкие излуки,
Эту землю, эту сыть,

Вольной волею склониться
Пред Склонителем всего,
Стать недремлющей зеницей
Под десницею Его,

Водопою глиной топкой,
Где замешан был Адам,
Не затоптанною тропкой,
Что стопкою неторопкой
Он на Царство сходит Сам...

* * *

Сонной долины лоно,
Медленный шелест вод...
Бабочкой Ориона
Ночь над землёй плывёт.

Смолкнув, глуха граница,
Спит, как остывший ствол.
В норах рагуль таится,
На ночь затворы взвёл.

Вывалив гору страха,
Думаешь, что возьмёшь?
Выродок рода, бляха,
Как же ты жалок всё ж.

Что тебе шепчут воды?
Выслушав, утопись,

Карта чужой колоды,
Недоросль природы,
Русского русла слизь...

* * *

Погляди на небо, выходя из дома,
Коли крест прицела выбрал наш закут.
Нет у нас ни базы, ни аэродрома,
Лишь деды и бабы на селе живут.

Сыновья да внуки бьются под Херсоном,
Грудью закрывают запорожский фронт.
И зятья при деле, – за лесным кордоном
Стерегут бессонно ближний горизонт.

Колотнуло глухо, будто вбита свая,
Просверлила небо дура, вереща,
А навстречу – наша, охнула, родная,
Запустив к вечеру жирного леща.

Дымными ночами у окна, босая,
Ты не стой, не слушай вздохов тишины.
Это клёны шепчут, листья осыпая,
Что не спят в дозоре наши пластуны.

Это просто ветер сонными крылами
Вздрагивает, верно, в забытье своём.
Это лишь комарик заблудился в раме
И стучится в стёкла тощим хоботком...

* * *

Вдоль кручи выстрел покатил.
Трепещет снежная округа.
Чего ей ждать? Метели с юга –
Или ответа сбройных* сил?

Вяз – или ясень в полумгле?
Хотя бы лист один остался...
Снаряд чуть слышно разорвался
Вдали, закончив дефиле.

Восходит к ночи Орион,
Мечом на поясе мерцаю.
Крута его сажень косая,
Приметная со всех сторон.

Спадет стужа. Лес шуршит.
Слепы́, слезятся звёзд снежинки.
Артиллерийские разминки
Отмеривают сельский быт...

Железо подлого врага
Давите, воины отчизны!
Огонь ваш свят, и мысли чисты,
Ломайте буйные рога!

Как Орион теснит Быка,
Пора взмутить Донец и Лопань,
И око пьяного циклопа
Пусть ваша не щадит рука!

*вооружённых (укр.)

* * *

Сле́пят ветвей перекрестья
И приглушают слегка
Свет, отражённый от жести
Кровельного уголка.

Реже разрывы глухие.
Выгляни, посмотри:
За́ год, наверно, впервые
Снова горят фонари.

Окон оживших мерцанье,
И тишины благодать...
Съехались, живы сельчане, –
Только детей не слышать.

Месяцем вечер украшен.
К луже осколок примёрз.
Взяли Авдеевку наши,
Вот бы к весне – Краматорск...

Вымести, если не жалко,
Горькую боль из груди.
Всё впереди, Таволжанка,
Всё у нас впереди...

* * *

Чего я в этой жизни ни мостил! –
Диагонали жёсткие стропил,

Перила над пристроенным крыльцом,
Само крыльцо, и изгородь кольцом,

Дорожку прихотливую в саду,
Которую за изгородь уйду –

Туда, где, не известный никому,
Примеченные образы приму:

Сенных жердей, что ветхи и просты,
Но будто в небо чистое мосты;

Косматых трав, чьи рыжи острова,
Где след остыл, намеченный едва;

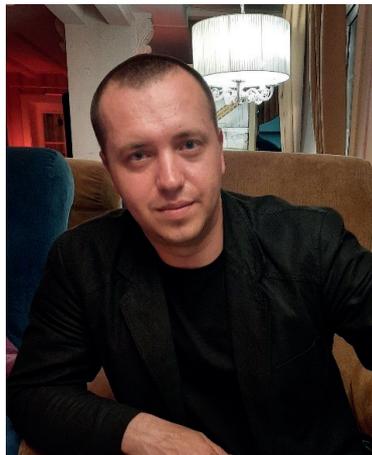
Пера в лесу, что ворон обронил;
Сыпучей кручи каменных белил, –

Всего того, чем жизнь испещрена,
Что, как флюид, наводит письменна,

Мосты меж неприкаянных сердец, –
Чтоб в людях отозваться, наконец...

Евгений ХАРИТОНОВ

Здесь, на западной границе

Стихи

Поведай, Русь

Поведай, Русь моя святая,
Душа покоя не даёт:
Что жизнь настала непростая,
Народ наш скоро ли поймёт?

Гуляют жители столицы,
Спешат на море в отпусках...
А здесь, на западной границе,
Ведут сражение войска.

А здесь снарядами разбиты
Десятки русских деревень.
И местный житель от обиды
Клянёт Москву и ночь и день.

За то немое равнодушие,
С которым вешали Христа.
За то, что там считают глушью
Войною стёртые места.

На могиле солдата

Скоро май, и знамёна парада
Растекутся по русской земле.
Мне припомнилась нынче ограда
На могиле солдата в селе.

Неприметная вроде бы с виду.
Проржавела. А дед говорил:
«Если рыжая, значит, обиду
На кого-то солдат затаил».

А солдат, как нарочно, весною
Прикрывает могилу травой,
Чтоб его обошли стороною.
Не тревожили сон вековой.

Чтоб не клали на холмик конфеты,
Рукава перед тем засучив.
Лишь кукушка лесная всё лето
Прилетает к нему и молчит.

За Отчизну отдавший все силы,
Не просивший взамен ничего!
...И шагает парад по России
В честь великой Победы его.

Глядит Россия в перекрестье

За то, что не осталось чести,
За то, что враг наполовину,
Глядит Россия в перекрестье
Который год на Украину.

Уже давно шамальнуть бы надо,
Согнав нацистских кур с насеста.
А мы всё пробуем прикладом
Поставить им мозги на место.

* * *

Друг на друга дни похожи.
Стены Родины трещат.
Знаем, что учил нас, Боже,
Всех врагов своих прощать.

Всё бы так, да жалость в сердце
Нам отныне не слуга,
Раз уж русского младенца
Мир считает за врага.

* * *

Всё больше мыслей о войне,
Всё чаще пишется о Боге.
А как порой охота мне
От жизни спрятаться в берлоге,
Уснув медведем до весны...
Да только вот подозреваю,
Что по весне своей страны
Я, пробудившись, не узнаю.

* * *

Два года не ведаем сна и покоя...
Уснёшь ли, когда рядом с домом бои?
Атаки на город *по матушке* кроя,
Сидим, притаившись, как те воробьи.

Колотится сердце, вздуваются вены,
Заметив на небе белёсый надрез.
И стало привычным под звуки сирены
От смерти бежать в незнакомый подъезд.

За счастье увидеть от уха до уха
Улыбки на лицах друзей и родных.
Но мы, белгородцы, не падаем духом,
Хоть нет от обстрелов у нас выходных.

Какие б ещё ни обрушились беды,
Мы вынесем их, как бывало не раз!
И в день неизбежно грядущей Победы
Не скроем промокших от радости глаз.

* * *

Село на краешке Руси.
Обычный дом. Печурка. Столик.
Мужик жене: «Не голоси!
Вернётся наш сынишка Толик.

Чего расклеилась с утра?
Приснилось, может, что, дурёха?
Налить водички из ведра,
Пока опять не стало плохо?

Ну хватит, милая, сполна!
Услышат местные «сороки».
Да, тьфу... Подумаешь, война –
На пару месяцев мороки.

Придёт, и женим наконец
Его на Зинке из аптеки.
Наваришь к свадьбе холодец...
Давай, суши на щёчках реки.

Успеешь, милая, внучат
Утешить ночью в колыбели.
Они ещё перекричат
Всех нас у новогодней ели!»

Не слыша слов, рыдала мать,
К своей груди прижав иконку,
Не зная даже, как сказать,
Что им прислали похоронку.

На краю Третьей мировой

Ярко светятся доспехи
На груди святой Руси.
Мы стоим у крайней вехи,
В мыслях: «Господи, спаси!»

Дикий свист бесовской плети
Носит эхо над страной...
Чем запомнится столетие?
Как и прошлые – войной.

«Новороссия гроз. Новороссия грёз»: сакральное пространство Донбасса

Статья

Человек существует в культуре, формируя сакральные пространства на основе культурной памяти и экзистенциального опыта. В военное время человек оказывается в ситуации предельного выбора, когда его личный опыт опирается на культурную память народа и земли, сохранённую в виде архаичных культурных архетипов. Одним из древнейших архетипов русской культурной памяти является образ России как пространства реализации христианской святости, которая проявляется в подвиге самопожертвования. В современном Донбассе в период войны с Украиной, идущей с 2014 года, ситуация предельного выбора приводит к воссозданию хранящегося в культурной памяти образа России как христианского пространства. Литература Донбасса получила мощный жизненный импульс, прикоснувшись к этим первичным структурам человекотворческой реальности в их действенности. Одно из бесспорных имен этой новой литературы – Елена Заславская, создающая в поэме «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020) сакральное пространство русского военного Донбасса.

Война – это время обращения к глубинным пластам культурной памяти. Структуры коллективной психологии, латентно хранящиеся во времени рутины, разворачиваются в период предельного выбора, когда каждый человек и социум в целом должен ответить на вопрос о смысле существования и борьбы за свою идентичность. Война в Донбассе поставила эти вопросы не только перед теми, кто находится в окопах на передовой, но и перед всеми людьми Русского мира. Живущие в Донбассе люди мирных профессий также оказались в ситуации экзистенциального выбора, когда каждый должен своей решимостью и своим действием утверждать своё собственное бытие и его сакральные основания, воплощая смыслы русской культуры, сохранённые в культурной памяти.

В русской культурной памяти хранится образ России как пространства, в котором сакральные христианские ценности в принципе могут быть реализованы. Одной из наивысших ценностей в христианской культуре является жертвенность – способность человека повторить путь Христа, пойти за Ним вслед, отдав свою жизнь за других. Места, где совершается христианский подвиг жертвенности, сакрализуют пространство, создают выделенные топосы реализации христианской святости.

Христианский подвиг жертвенности является принципом, формирующим сакральное пространство Донбасса в поэме «Новороссия гроз. Новороссия

грёз» (2020), созданной на протяжении военных лет, начиная с 2014 года. В поэме показаны воюющие республики, Украина, Европа, настроения революционеров Майдана и ополченцев Новороссии. Поэма связывает настоящее и прошлое Украины и России, повседневный и сакральный планы бытия и показывает Донбасс как место жертвенного подвига.

Новороссия – исторически сложившееся название южнорусских территорий, значительная часть которых находится сейчас в границах Украины. Новороссия включает Северное Причерноморье, Донбасс, Крым, Кубань, область войска Донского. В 2014 году, после антирусского государственного переворота на Украине, Новороссия стала территорией сопротивления. Крым был присоединён к России в марте 2014 года, Северное Причерноморье осталось в составе Украины, а Донбасс начал войну за свою независимость от Украины. В первый год войны, описанный в поэме, Новороссия стала символом русского сопротивления. В последующие годы важнейшим в символическом плане регионом Новороссии стал Донбасс.

Тема родного Донбасса занимает центральное место в поэме Заславской, что подчёркивается сильной позицией текста – эпитафиями. Первый эпитафия, в котором описывается сакральный смысл происходящего в поэме, представляет собой цитату из жития старца-диакона Филиппа Луганского:

«13 июня 1905 года явилась Царица Небесная старцу Филиппу и сказала: «...И день сей явления Моего граду Луганскому помни, и учи всех чтить его, о граде же сем скажу, что к концу мира наречется он – Святоград Луганский. И многие люди будут съезжаться сюда в преддверии этих грозных дней, сами не зная зачем». Как разворачивается судьба Святограда Луганского в грозные дни 2014 года, показано в поэме.

Еще один эпитафия принадлежит японскому писателю Кобо Абэ и взят из романа «Женщина в песках»: «Да, у нас строго придерживаются заповеди: “Будь верен духу любви к родине”». Так происходящее в Донбассе вписывается в общемировой контекст. Последний эпитафия – это всего два слова Героя России Магомеда Нурбагандова: «Работайте, братья!». С помощью этих слов события включаются в российскую действительность, становятся частью русской современности.

В этих заданных на первой странице координатах и формируется сакральное пространство Донбасса, в котором помещаются Луганск и другие донбасские города.

Луганск выступает как Святоград – сакральный и смысловой центр поэмы. Для жителей Донбасса и луганчан Луганск с первых же строк поэмы – «край света, край мира, фронт, где дышит война». В то же время в Луганске находится дом героини, сохранивший довоенный уют: «Взвалить бы его на спину и унести, как уносит улитка, со всеми пожитками, со старыми фотографиями и открытками, с детскими локонами и дипломами, книгами, письмами, записками, со всеми важными датами, впечатанными в альбомы, с родительскими портретами, дедушкиными наградами, с рисунками самыми первыми, сохранёнными мамой,

с его очагом и памятью, – всем тем, что зовём мы домом, всем тем, что навсегда остаётся с нами...»

Довоенный Луганск задаёт ориентиры, позволяя героине выстоять и выжить во время войны, в период масштабной трансформации и экзистенциального выбора: «И вдруг я понимаю, что привыкла к безжалостному лику войны, внушающему липкий страх и животный ужас. О, как я раньше боялась, но что-то, видно, внутри сломалось... Я мыслям своим улыбнулась. Я больше не буду пушечным мясом, а буду ядром, снарядом, маленьким жгучим адом, ответкой! Меня заждались, поди уж».

Решение защищать родной город и свою землю соединяет героиню с другими русскими людьми, вводит её в пространство памяти, сохраняющей погибших и живых:

«Однажды ты встаёшь на тропу войны, а она оказывается широченным проспектом! Братья и сёстры, дочери и сыны летят на скорости прямо в бессмертие. Жалят осколки, бьют по глазам, липнут бессмертники прямо к берцам, и не выдерживают тормоза. Главное, выдержало бы сердце» [3, с. 14]. Так земля Донбасса, Новороссия гроз становится пространством реализации жертвенного подвига, местом оживания исторической памяти и формирования христианского пространства на западном рубеже Русского мира.

В сакральное пространство Донбасса включены и другие донбасские топосы, включённые в сакральное пространство войны: «Мирной жизни не существует. Это иллюзия и обман. Кони АТОкалипсиса вытоптали Новосветловку, вытоптали Горловку, вытоптали Сутоган. Пронеслись по Донбассу, без жалости, оставляя кровавый след».

Городки Донбасса конкретизируются в человеческих судьбах, в реакции людей, там проживающих, на идущую войну, воспринимаемую ими как вызов, требующий ответа в христианском пространстве самопожертвования. Так автор выстраивает все образы донбасской земли: деревню, пострадавшую от артобстрела, разрушенный завод, затопленную шахту.

«Хаты, побитые градами. Хаты, побитые гадами. Помню, дом с перекошенным ртом дверного проёма застыл в вопле немом после артоналёта. Бабулька собирает пожитки: “Жили мы, жили, да ничего не нажили. Только привычку к простору, чтобы выйти в поле и сколько хватает взора – степь: ковыли да маки, и сокол летает, как ангел”».

Аналогично строится образ завода в одном из городов Донбасса – локализация места действия даётся вместе с комментарием пережившего событие человека: «На заводе прокатных валков – Сталинград. Три дня подряд горел цех разливки стали, когда его обстреляли. “Была бы станина, – мечтает начальник цеха. И руки его от работы черны и огромны. – Станки отстроим. Отремонтировали же домну!”».

Одна из многочисленных шахт Донбасса, пострадавших во время войны, также показана в двух аспектах: как символ войны и разрухи, но одновременно как воплощение веры и надежды людей, для которых подвиг самопожертвования

стал принципом существования: «Ствол шахты “Знамя коммунизма” затоплен. Грунтовые воды. Старейшая шахта 4-бис. И люди сидят без работы. “Разве это жизнь? Доедаем свои гробовые. Горе, мне горе, – вздыхает бабуля, – а впрочем, и это неплохо. Еще немного, и придут гуманитарные конвои, весна, а там, глядишь, и Победа”».

Такое двухплановое построение образа позволяет поэту показать читателю весь Донбасс как землю Святограда, которая оживает и освящается страданием людей, её любящих, оставшихся на родине, защищающих её и надеющихся на победу наперекор всему. Именно незаметный подвиг людей, их любовь к родной земле, стремление работать для её восстановления, способность пожертвовать за неё жизнью вводят донбасскую географию в сакральное пространство.

Без сопереживания и осознания подвига жителей Донбасса его территория предстаёт десакрализованной землёй ада: «Как-то в газетах писали укропы, что город наш подобно Содому с Гоморрой должен ответить за грехи его обитателей. Роль Бога они отводили украинской армии...». Так, для одних героев поэмы Луганск – Святоград, потому что его жители жертвуют своей жизнью за родину, а для других Луганск – грешный город, который должен быть стёрт с лица земли, потому что не хочет существовать в культурном пространстве постмайданной Украины.

Взгляд с другой стороны представлен в поэме в монологе украинского добровольца, карателя АТО:

«Я отправился на восток. В регион тринадцать. В город, в котором детство моё живёт, в город, в котором мой младший брат остался. Я вырос в сердце Донбасса, среди шпаны и урок. В городе Перевальске, или в городе Парижской коммуны, как раньше он назывался».

«О, эти маленькие донбасские города! Как говорят креативные блогеры, депрессивные. Каждый такой, будто чёрная дыра... достал сиги, затянулся, вспоминая пацанов из своего двора. Тоха сторчался, Вовчик спился, Серёгу подрезали в тюрьме... И как эпитафия на пачке надпись “мучительная смерть”».

Неспособность противостоять смерти, распаду и аномии, которые герой видит вокруг себя в довоенных депрессивных городах Донбасса, вызвана недостатком душевной силы, веры и любви к людям. Такое мировидение приводит к тому, что человек не может участвовать в преображении мира и нацелен на разрушение, а не на созидание. Сначала он идёт на Майдан, чтобы разрушить то, что в его представлении мешает создать новую Украину, потом идёт на войну, чтобы стереть с карты Донбасс, который не вписывается в новые реалии. Неспособность увидеть за событиями людей, почувствовать их живые души на разрушенной и бедной земле приводит к тому, что украинский военный не видит сакрального плана событий: «И всё-таки мне невдомек, на хрена вы воюете тут? На хрена умираете тут? На хрена вы схватились за земли эти корнями и жизнями, которые никуда не ведут?»

Противостояние двух взглядов на историю, двух способов осмысления происходящего проводится в поэме до самого финала:

«Последний часовой стоит на страже родного града. И над ним проносятся чёрная конница – чёртовы дети ада! Он падает замертво, успев понять, что позади пустота – Фата Моргана – нет ни Святограда, ни Новороссии, а только дикое голое поле истории. И поле возделывает простой ополченец, вернувшись с войны. И восходит солнце, дети собираются в школу, липы благоухают, и мне сдаётся: любовь не сдаётся и не умирает! Ведь так, пацаны?!»

Итак, в образе Луганска и городов Донбасса в поэме выражены две версии истории – сакральная и десакрализованная. В первой из них Луганск – это Святоград, попавший в сакральное христианское пространство благодаря самопожертвованию своих жителей. Во второй, десакрализованной версии, которую высказывает украинский доброволец, Луганск и Донбасс – безжизненная территория, лишённая смысла, дикое поле истории, на котором ничего нет. Однако это поле засевают люди, превращают его в возделанную землю, создавая смысл своими действиями, чувствами, любовью.

В поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020) Донбасс предстаёт как порубежье Русского мира, где в реальной жизни объединены темы памяти, защиты Родины, христианского самопожертвования ради других. Война Донбасса с Украиной в 2014 году показана в её символическом значении, а художественные образы городов Донбасса в поэме позволяют сохранить военные события в культурной памяти русского народа.

Нина ИЩЕНКО,
философ, культуролог, литературный критик,
кандидат философских наук
Луганск

Валентина ДОРОЖКИНА

Наши юбиляры

Биографический очерк

2024 год богат значительными событиями, юбилеями выдающихся личностей, связанных с Тамбовским краем. В этом году мы отмечаем столетие со дня рождения писателей-фронтовиков, оставивших заметный след в истории, – поэта Ивана Сергеевича Кучина, прозаиков Алексея Емельяновича Шилина, Валентина Петровича Баранова и краеведа Бориса Ивановича Илёшина. Их объединяет и общая малая родина (все они родились на Тамбовщине), и фронтовая биография, и литературная деятельность, которой они занимались до конца своих дней...

«Подумаем о слове, не о славе...»

Имя Ивана Сергеевича Кучина хорошо известно тамбовским читателям разных поколений: он был, как говорят, безотказным в организации встреч с читателями. Его слушали актёры и студенты, военнослужащие и медицинские работники, школьники и рабочие заводов, труженики полей... И сегодня трудно найти жителя Тамбова, кто не знал бы знаменитые строчки из стихотворения «Тамбов», – своеобразный ответ М.Ю. Лермонтову, автору «Тамбовской казначейши», где дано такое «определение» нашему городу: «Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда...» А у Ивана Кучина так:

*Растущий,
строящийся,
индустриальный,
Распахнутый в солнечные года,
Тамбов на карте генеральной
Кружком означен НАВСЕГДА!*

Родился Иван Сергеевич 21 января 1924 года в деревне Берёзовка Шехманского (ныне Петровского) района Тамбовской области в бедной крестьянской се-

мье, учился в сельской школе, трудился на колхозных полях, работал учётчиком. В 1938 году вступил в комсомол, по комсомольской путёвке из 9-го класса ушёл на строительство оборонительных сооружений, а в 1942-м – в действующую армию. В этом же году появились во фронтовой печати его первые стихотворные публикации. Рядовым пулемётчиком он сражался на Юго-Западном фронте, под Сталинградом. Был ранен и контужен...

Литературная известность к Кучину придёт потом, а пока, в 1942 году, «поэзии красноармеец» только начинался. Появится стихотворение «Порох» – о советском бронебойщике:

*Он умер так,
как умирает порох:
Не тленье, не горенье –
взрыв.*

Уже тогда стихи молодого поэта были отмечены страстной гражданственностью. Она навсегда осталась его «передовой».

Поколение писателей, к которому принадлежит Кучин, называют фронтовым. Великая Отечественная война формировала их характеры, определяла ведущие литературные сюжеты, оформляла эстетические позиции. В стихах, написанных на поле боя, в землянках и блиндажах, жил, любил, боролся, умирал лирический герой, хорошо осознающий, что исход войны зависит от него самого, от его силы сопротивления врагу.

После войны Иван Сергеевич окончил факультет русского языка и литературы Тамбовского педагогического института, несколько лет был на газетной работе. Его стихотворные сборники «Наследство» (1959), «Январские розы» (1963), «Цветы и порох» (1968), «Линия жизни» (1984), «Чтобы жить» (2000) и многие другие всегда пользовались, пользуются и сейчас, спросом читателей...

Для поэтов-фронтовиков тема войны и мира всегда была ведущей. Они писали, говоря словами Кучина, не только «по закону сердца и строки», но и «по мандату памяти и долга». И сегодня их лирический герой смотрит на мир глазами солдата, от которого зависит всё, для которого не было и быть не может уклончивости в принимаемых решениях: «И в жизни всё – от крупного до малого – сверял с тобой, мой вечный Сталинград».

*И мы не только кумачовой датой
Нацелены
и, как стволы, прямы, –
Мы каждый день
встречаем как солдаты,
К любым боям всегда готовы мы.*

Немало душевных строк посвятил поэт однополчанам, воинам бывшей 35-й гвардейской стрелковой дивизии. Его перу принадлежат проникновенные строки о подвиге Зои Космодемьянской, о других героях, защитивших Отчизну. О значении поэзии Ивана Кучина говорят многие факты: о его книгах писали в тамбовской и центральной прессе, на его стихи местными композиторами созда-

ны песни. Каждый из десяти томов Книги Памяти, выпущенных в Тамбове, начинается со стихотворения Ивана Сергеевича Кучина «Победа»:

*Всё дальше памятная дата.
Уходят дни, летят года.
Но в сердце каждого солдата
Ты остаёшься навсегда.*

Лауреат областной журналистской премии имени первого редактора «Тамбовской правды» И.А. Гаврилова (1969) и областной комсомольской премии имени Зои Космодемьянской (1972), Иван Сергеевич Кучин был и человеком, и поэтом разносторонним: это и страстный публицист, и нежный лирик. Печатался в центральных газетах и журналах, альманахах «Поэзия», «День поэзии», занимался переводами. Непосредственный организатор и участник литературных праздников на Тамбовской земле.

Когда в издательстве «Советская Россия» вышел сборник Ивана Кучина «На том стою» (это был первый его сборник, изданный в Москве; до этого вышло девять поэтических книг в Тамбове и Воронеже), на неё откликнулись не только тамбовские почитатели таланта Ивана Сергеевича, но и известные московские поэты. Так, Владимир Котов, высоко оценив творчество нашего земляка, процитировал строки из стихотворения, открывающего сборник:

*Если стоять –
то скалой,
Если упасть –
то в бою,
Если лететь –
то звездой,
Веря в орбиту свою.*

И особенно подчеркнул: «Сказать хлётко и многозначительно сегодня умеют многие. А вот сказать скупой и богато, чтобы буквально за каждым словом была энергия и точность мысли, как в этом стихотворении, на это нужно право – право гражданской личности». Кучин это право имел, он его заслужил, доказал и оправдал всей своей жизнью. Вот какими стихами фронтовик обращается к своему поколению поэтов: «Давай послушаем, что скажут // Солдаты праведной строки»:

*Те, что пылали дважды в танке,
Нигде о том не говоря,
В журнальные не лезли драки,
Стихом пронзительным горя.
Не красовались на эстрадах,
Не млели под восторгов вой
И о друзьях писали правду:
«Его закрыли в шар земной...»*

Актуален призыв поэта: «Подумаем о слове, не о славе...». Так обращался он к собратям по перу и написал произведение, принесшее автору пачки писем

из разных городов нашей страны, – поэму «Тысяча белых журавликов». Школьники присылали Кучину бумажных журавлей, на раскрытых крыльях которых они писали слова о мире и дружбе.

Поэта-фронтовика не стало 10 октября 2000 года, но жизнь его продолжается в стихах. В 2007 году в Тамбове вышел сборник «Прими таким». Немаловажен тот факт, что в сборник вошли стихотворения о Великой Отечественной войне, написанные Кучиным на фронте и опубликованные в газете «Соколы Родины» в 1942 году. 4 мая 2016 года в Тамбове, на доме, где жид поэт (улица Энгельса, 8), в память о нём установлена мемориальная доска.

Его четвёртый патрон

Отрадно сознавать, что читатели, приходя в библиотеки, спрашивают книги о Великой Отечественной войне. Роман Алексея Емельяновича Шилина «Четвёртый патрон» зачитан, как говорится, «до дыр».

Писатель родился 10 февраля 1924 года в селе Дмитриевка Покрово-Марфинского уезда Тамбовской губернии. Окончив семилетку, работал почтальоном, заведовал сельской избой-читальней. Участник Великой Отечественной войны. Вернувшись с фронта, связал жизнь с железной дорогой, работал машинистом. Первый рассказ был напечатан в газете «Комсомольское знамя» в 1953 году. Потом появились книги рассказов и повестей. И вот – в 1970 году – увидел свет роман «Четвёртый патрон».

Автор, бывший моряк, прошедший войну, написал книгу, как собственную биографию: здесь всё – правда, суровая, беспощадная правда. Оттого и читается она с неослабевающим интересом.

У героя романа Иванникова было тяжёлое голодное детство, а юность его – краснозвёздная. В годы гражданской войны малограмотный деревенский паренёк, закрутившийся в вихре исторических событий, пытается понять: что же происходит вокруг? Хватит ли у таких, как он, сил отстоять правду? Время ответило на все вопросы... Отгремела гражданская война. Можно было бы облегчённо вздохнуть. Но дальнейшие события исключили отдых и покой. Настоящую школу гражданского мужества прошёл Алексей Иванников в годы коллективизации, в период борьбы с ожесточившимся врагом Советской власти. Только встало родное село на ноги, только окрепли колхозы, как новая беда обрушилась на страну. Великая Отечественная война принесла с собой разруху и гибель людей; она испытывала человека на прочность на фронте и в тылу; она сделала несчастной не одну семью: похоронки приходили и на действительно погибших, и на тех, кто остался в живых чудом. Так случилось и с Иванниковым.

Своеобразным продолжением «Четвёртого патрона» является очерк Алексея Шилина «Чайки над фиордом», опубликованный в газете «Правда» 25 августа 1983 года. Автор переносит нас в далёкие военные годы, но как современно звучат антивоенные мотивы, как остро поставлена проблема счастья детей всей земли, независимо от расовой принадлежности. Запоминается такой эпизод из воспоминаний писателя. Военный катер задержался в Киркенесе, чтобы очи-

стить от вражеских мин фиорды, но неожиданно налетел на мину и получил пробоину. Кое-как добравшись до причала, моряки занялись ремонтом. «Я подошёл к шлюпке, – пишет Алексей Емельянович, – но что-то заставило меня обернуться. Женщина и мальчик стояли на берегу, за хлопьями падающего снега. Женщина держала руку на плече мальчика, и я заметил под снегом кончики её тонких, словно из белого мрамора, пальцев. Другую руку она прижала к груди. И эта её рука снежно белела на чёрном лёгком пальтишке. «Кушать», – произнесла женщина на ломаном русском языке. Я метнулся на камбуз. И вот уже, словно выстрелы, захлопали дверцы шкафа: мои товарищи брали с полок пачки сахара, хлеб, банки с мясной тушёнкой... Толкаясь, мы поднялись по трапу на причал. Женщина, как в моей деревне... молитвенно сложила на груди руки...»

И через многие годы продолжает видеть писатель глаза норвежской женщины и её сына, и теплом наполняется сердце от воспоминаний о том, как в едином порыве поспешили помочь ей советские моряки. Они и помыслить не могли о том, что женщина не русская, что она и её сын – «чужие», что надо прежде всего заниматься восстановлением катера: ведь шёл только декабрь сорок четвёртого года. С гордостью и восторгом восклицает Алексей Шилин: «Характер у русского человека!»

Это он и о себе сказал... Писателя не стало 23 июня 2007 года. Но, как и многие другие представители его поколения, он оставил след на земле – вкладом в Великую Победу. И, конечно, своими книгами...

Не смолкает эхо войны

Процесс становления личности, раннее взросление юношей и девушек в годы войны показаны в произведениях прозаика, члена Союза писателей России Валентина Петровича Баранова. Родившись 9 июня 1924 года в селе Верхнеспаское Рассказовского района, Валентин Петрович всю жизнь посвятил родному Тамбовскому краю. Только война на несколько лет разлучала его с малой родиной.

Вернувшись с фронта, будущий писатель работал директором школы, секретарём райкома партии, занимался краеведением и научно-исследовательской работой, связанной с проблемами культурной жизни Тамбовской области. Много лет был ректором Тамбовского института культуры. Начиная с 1985 года, выпустил несколько книг, большинство из них – о Великой Отечественной войне.

Точность географических названий, описание конкретных фронтовых событий отличают повесть «В дни грозовые». Не случайно она названа автором документальной. Это не только не снижает её художественного уровня, но делает более значительной, дополняя правдивыми страницами автора-очевидца летопись Великой Отечественной войны и истории страны в целом.

В герое повести Валентине Баринове легко угадывается автор книги Валентин Баранов, возмужание которого происходит буквально на глазах читателя. Вот он провожает на фронт отца, зная, что скоро наступит и его очередь. Отец на

прощанье отдаёт сыну свои часы со словами: «Сверяй эти часы с часами добрых людей...»

Нельзя не заметить, какое внимание уделяет автор природе: «Странно, но каждый раз, как только на селе провожали мобилизованных, стоявшая солнечная и сухая погода преображалась: день становился хмурым и дождливым...»

В повести показаны не только страдания людей, но и деревьев, цветов; с сердечной болью говорит автор о небывало богатом в 1941 году урожае, который некому было убирать. Но, мобилизованные собственной совестью, юноши и девушки, подростки, как-то сразу повзрослевшие, стали работать за своих ушедших на фронт отцов.

Не оставляет равнодушными читателей и ещё одна книга Валентина Баранова – «Эхо войны». Автор рассказывает о поездках по местам сражений, о неожиданных встречах с людьми, испытавшими тяготы военных лет, о друзьях-однополчанах. Он не скрывает горечи от сознания того, что на дорогах войны потеряны миллионы людей, среди которых были, возможно, будущие учёные, писатели, художники, музыканты. Но страницы книги полны и радостью от сознания величия победы, оттого, что вернувшиеся с фронта встали в строй мирной жизни – созидания и творчества. Валентин Баранов тепло пишет об известном писателе Юрии Бондареве, воевавшем в составе 2-й Гвардейской армии, сформировавшейся на Тамбовской земле. Во многих школах области работают музеи боевой славы. Один из них – в гимназии №12. Руководителем музея много лет была Ольга Сергеевна Завадская, заслуженный учитель Российской Федерации. Она много лет вела переписку с Юрием Бондаревым. Его роман «Горячий снег» – весомый вклад в литературу о Великой Отечественной войне.

Есть в книге В. Баранова «Эхо войны» и горькие раздумья о настоящем дне России, о том, как живут сегодня победители и побеждённые. Несколько очерков посвящены послевоенному поколению – тамбовским поэтам, чьи отцы не вернулись с войны, но светлая память о погибших живёт в сердцах и творчестве детей.

И память о Валентине Петровиче Баранове, скончавшемся 6 декабря 2004 года, жива – в сердцах его воспитанников, читателей его книг, которые наряду с книгами других писателей дополняют историю нашего края и страны в целом.

Не зарастут литературные тропинки

Писатель, краевед, журналист, член Союза писателей и Союза журналистов России Борис Иванович Илёшин родился 12 декабря 1924 года в селе Уварово Тамбовской губернии (ныне – город). Окончив среднюю школу, поступил в Воронежскую спецшколу ВВС. Участник Великой Отечественной войны.

Вернувшись с фронта, Борис Илёшин поступил в Воронежский университет, по окончании которого приехал в Тамбов. Работал редактором молодёжной газеты, заместителем редактора областной газеты «Тамбовская правда», начальником областного управления культуры. В 1960-1961 годах в Тамбовском книжном издательстве вышли его книги «Свидетели живые», «Е.А. Баратынский».

В 1964 году Борис Илёшин переехал в Москву, работал в газете «Известия»: редактором отдела культуры, заместителем редактора. Очерки журналиста часто появлялись на страницах газет: помимо «Известий» он печатался в журналах «Наука и жизнь», «Огонёк», «Подъём». Журналистская работа не мешала ему заниматься краеведением. Скорее, наоборот: в поездках по городам и сёлам, в том числе и Тамбовской области, Борис Иванович, встречаясь с людьми, интересовался историей края, великими людьми, оставившими свой след в литературе, искусстве, науке. В 1970-1980-е годы в различных издательствах Москвы, в Воронеже вышли книги Бориса Илёшина «Река золотых зорь», которая была издана дважды – в 1974 и в 1984 годах, «...И голубые небеса», «Литературные тропинки отчего края», «Глоток малиновой воды». В них автор, отдавший много сил и времени работе в архивах, раскрывает малоизвестные страницы жизни выдающихся людей, связанных рождением, пребыванием и творчеством с нашим краем: поэтов Г.Р. Державина, Е.А. Баратынского и А.М. Жемчужникова, декабриста М.С. Лунина, композиторов С.В. Рахманинова, А.Н. Верстовского, П.И. Чайковского и многих других.

Рассказывая о работе над книгой «...И голубые небеса», Борис Илёшин в предисловии к ней писал: «Когда мы говорим «моя родина», нашему воображению рисуется та маленькая частица большой Родины, где начиналась наша жизнь, где звенели детские годы, где мы росли и мужали, – край, светлый образ которого навечно хранится в каждом сердце... Для меня большая Советская Родина начинается с земли тамбовской. Не скрою: мне всё здесь дорого, всё люблю. И это вполне естественно: на Тамбовщине я родился, там прошли школьные годы, там связал свою судьбу с журналистикой...»

Борис Иванович Илёшин скончался в июне 2007 года в Москве. Ни один краевед не дал нам столько сведений о значительных личностях, историко-культурных событиях, сколько дал Борис Иванович Илёшин. Его книгами до сих пор пользуются все, кто не равнодушен к истории своего края.

Победители детского областного конкурса «Снегирь»

Тамбовская областная детская библиотека ежегодно проводит творческие конкурсы среди учащихся. Общее название конкурса «Снегирь», но темы разные. В этом году конкурс был посвящён Году семьи. Более 100 авторов прислали стихи на заданную тему. А если учесть, что у многих авторов было по два-три стихотворения, то в общей сложности членам жюри Марии Знобищевой, Александре Николаевой, Елене Туевой и председателю жюри Валентине Дорожкиной пришлось прочитать 170 стихотворений. Высокой активности юных стихотворцев, без сомнения, способствовало обещание, что произведения победителей будут опубликованы в «Тамбовском альманахе».

Возрастная номинация 10-14 лет

Константин Мазалов, 6 класс,
МБОУ «Кадетская школа «Уваровский кадетский корпус имени Святого Георгия Победоносца»

Есть богатство у меня!

Есть богатство у меня!
Не про деньги вовсе я.
Скажу, ни капли не тая:
Моё сокровище – семья!

В семье меня всегда поймут,
В семье всех любят, берегут.
Дороже всех богатств земных –
Любовь и преданность родных.

Семья – приют души земной,
От суеты мирской покой.
Где бы мы ни были с тобой,
Душа всегда спешит домой.

Мама, папа, мы с котом,
Бабушка придёт потом,
Мои братишки и друзья –
Вся огромная семья!..

Станислав Середин, 4 класс,
МБОУ «Никифоровская СОШ №2»

Моя семья

Я родился в обычной российской семье,
Как все ребяташки, играл во дворе,
Как все, в детский садик до школы ходил,
Потом я подрос и уроки учил.

Я маму и папу люблю, уважаю,
Фаину, сестрёнку свою, обожаю.
Две бабушки есть у меня – это классно!
В общем, жизнь хороша и прекрасна!

А в деревне живёт мой любимый дед,
Он – работяга, а не домосед.
Любит дед в поле хлеб убирать,
Траву косить и землю пахать.

Есть мне чему у родных поучиться,
В жизни потом это всё пригодится.
Мама покажет, как надо стирать,
Готовить обед и стол накрывать.

Папа научит гвозди вбивать,
Чинить самокат и грибы собирать.
Когда у деда в гостях я бываю,
То животных ему кормить помогаю.

Обе бабули мои – педагоги,
С ними люблю я вести диалоги,
О том, как важно читать и считать,
И в тетрадках красиво писать...

Пройдут года, я вырасту большой
И благодарен буду сердцем и душой
Родной семье, которая меня взрастила,
Лелеяла, заботилась и горячо любила.

Когда из дальних мест приеду я домой,
То в ноги поклонюсь семье родной.
Она меня учила быть хорошим сыном,
Своей страны достойным гражданином.

Возрастная номинация 15-20 лет

Ольга Иванова, 9 класс,

СОШ № 31, г. Тамбов

Семья – оплот России

В сплочённости людей – большая сила,
Для этой истины не надо лишних слов...
Я знаю, что семья – оплот России,
Её надежда, вера и любовь.

В войну все семьи выживали трудно,
Взаимопомощь выручала их тогда.
Победу праздновали многолюдно,
О ней мы не забудем никогда.

Пока крепка семья – крепка держава,
Со всеми трудностями справится она.
По-прежнему могуча, величава,
И станет дальше процветать страна.

И снова недруги воюют с нами,
Но у России есть герои-сыновья.
Одержим мы Победу над врагами,
Жить в мире будет каждая семья!

Татьяна Пачина, 10 класс,

МБОУ «Сатинская СОШ»

Маме

Давай попьём с тобою чаю
И поболтаем обо всём...
Мы вместе – мы не заскучаем!
И пусть в беседке под дождём.

В твоих глазах я вижу Бога,
И в них Он – словно солнца свет.
Пусть не проста к Нему дорога,
Но ты ведёшь нас с малых лет –

По той дороге шаг за шагом
Нас учишь Богу и Любви...
Неважно где – ты с нами рядом,
Пусть не летят так быстро дни!

Секунда каждая с тобою –
Подарок свыше – знак любви!
И пусть накроет небо мглою –
В молитве страхи далеки!

Да, материнскою молитвой
Господь от бед нас бережёт!
В любви она твоей умытой
Слезами руки обожжёт...

За детство, счастье и надежду,
За жизнь, что лучше, чем в мечтах –
Благодарю! Будь самой нежной!
Пусть счастье светится в глазах...

Вот, наконец, вскипел и чайник,
Ромашки создали уют...
Стучали капли в умывальник.
И знала Жизнь, что здесь живут.

Давай попьём с тобою чаю...
И поболтаем обо всём.
Бог слышит всё, я это знаю!
И счастьем был наполнен дом!

Рифма, виды рифм

Лекция

С рифмой мы встречаемся раньше, чем начинаем говорить. Родители читают детям стишки, потешки, поют колыбельные. Поэтический текст органично воспринимается во многом из-за ритма, но рифма – не меньшее волшебство.

Рифма – это сходные по звучанию окончания поэтических строк. Термин происходит от греческого «соразмерность, ритмичность». Рифмующиеся слова обозначают границы строки, а пары рифм – границы строф. Немаловажным условием созвучия является ударение. Должны совпадать именно ударные слоги, на которых и держится звуковой облик слов.

Например, когда Незнайка из сказочной повести Носова пытался научиться основам поэтического мастерства у Цветика, он подумал, что прекрасный пример рифмы: «веник-пряник». Однако того, что оба слова заканчиваются на «ник», оказалось недостаточно, ведь ударные гласные – разные. Чтобы стало совсем понятно, подберём настоящие рифмы к слову «веник»: пленник, соплеменник, денег (звучит как денник), вареник. А со словом «пряник» созвучны слова: племянник, странник, многогранник. Может быть, вы придумаете ещё?

Из истории термина

Любопытно, что рифма – сравнительно молодое явление человеческой культуры. Письменные памятники древнейших народов не знают рифмы. Шумерские и аккадские эпические поэмы, памятники раннеиндийской цивилизации строго структурированы по ритму, богаты ассонансами, но лишены рифмующихся строк. Дохристианская Греция чрезвычайно тонко обращалась с ритмикой и звукописью, но и там рифма в чистом виде отсутствовала.

Учёные пришли к выводу, что первыми открыли и развили полноценную систему рифм китайцы. В сборнике древней китайской поэзии «Шицзин», составленном великим Конфуцием, представлено более 300 стихотворений со сквозной рифмой, что говорит о достаточно давней и хорошо разработанной традиции. Знала рифму и древнейшая арабская поэзия. Ещё в доисламский период в лирических песнях кочевых народов присутствуют рифмующиеся окончания.

Широкое распространение рифмы началось в период раннего восточного средневековья. Так, в III-VII веках индийская поэзия обогатилась мощной структурой рифмующихся двустий. С Востока эта традиция перешла на Запад, закрепилась в раннехристианской, а затем – в монастырской европейской

культуре. Со временем рифма в большинстве европейских стран стала считаться неизменным условием «правильного» стихосложения.

Что касается России, то рифма была присуща народному стиху раешнику, но отсутствовала в более древних памятниках (воинских повестях, былинах, сказаниях). Её распространение характерно для периода христианизации Руси и последовавшего вслед за тем расширения культурных границ. В светскую литературу рифма пришла в XVI-XVII веках через переводную латинскую и французскую поэзию.

Виды рифм

Всякий поэт знает, что рифма различается:

- 1) по количеству совпадающих звуков (точная, неточная);
- 2) по числу слов, входящих в рифмующиеся словосочетания (простая, сложная);
- 3) по общему количеству слогов (равносложная, неравносложная);
- 4) по тому, на какой слог падает ударение (мужская, женская, дактилическая);
- 5) по фонетическим особенностям (усечённая, замещённая, йотированная).

Точная – неточная. Если в рифмующихся словах совпадает большинство звуков, рифма считается точной: **конь** – **огонь**. Если совпадает меньшая часть фонем, рифма неточная: **снежок** – **ледок**.

Простая – сложная. Когда мы рифмуем отдельные слова, это простая рифма (пень – лень), когда соединяем между собой группы слов (в окне – на дне) или одно слово с группой слов (давно – всё равно), рифма называется составной или сложной.

Равносложная – неравносложная. Равносложной бывает такая пара рифм, в каждом из слов которой число слогов одинаково: **зи-ма** – **са-ма**. В неравносложной количество слогов различно: **зи-ма** – **ку-терь-ма**.

Мужская – женская – дактилическая. Если ударение падает в рифмующихся словах на последний от конца слог, такая рифма называется мужской: **пожАр** – **самовАр**. Если ударение падает на предпоследний слог, рифма является женской: **гОрод** – **распОрот**. Когда же ударение падает на третий и далее от конца слог, рифма считается дактилической: **орУжие** – **обнарУживая**.

Усечённая – замещённая – йотированная. Усечённая рифма имеет место тогда, когда на конце слова как бы отсекается звук или слог: **тепло** – **слов**. Пара держится на ударном слоге «ло», а концевой согласный отпадает. Йотированная – разновидность усечённой рифмы. «Пропадает» звук «й» на конце одного из слов: **дно** – **родной**. При замещении один звук меняется на другой в начале слова (**речка** – **печка**), середине (**вагон** – **ворон**), конце (**поток** – **потом**). Замещённая рифма очень нравится детям, она полезна для развития речи.

Способы рифмовки

В классическом стихосложении, представленном в школьной программе, поэтические тексты чаще всего делятся на четверостишия. Это вид строфики – самый распространённый в русской поэзии. Рифмующиеся строки могут располагаться внутри четверостишия по-разному. В зависимости от этого выделяют следующие способы рифмовки: параллельный (парный); кольцевой (опоясывающий); перекрёстный.

Проиллюстрируем все три вида.

1.

Над землёй метель **кружится**,

Словно сказочная **птица**.

Где падёт её **перо**,

Там сияет **серебро**.

Слова «кружится» – «птицы», «перо» – «серебро» стоят рядом, в соседних (параллельных) строчках и образуют пары. Такую рифмовку называют парной или параллельной.

2.

Над землёй метель **кружится**,

Сыплет белое **перо**.

Там сияет **серебро**,

Где земли коснётся **птица**.

Теперь рифмуются 1 и 4, 2 и 3 строчки. Если соединить их линиями, получится часть колечка или пояска с короткой внутренней и длинной внешней стороной, поэтому такую рифмовку называют кольцевой или опоясывающей.

3.

Самая привычная для нас схема выглядит так:

Над землёй метель **кружится**,

Рассыпает **серебро**,

Словно сказочная **птица**,

Обронившая **перо**.

Рифмуются 2 и 4, 1 и 3 строки. Если соединить двумя линиями пары рифм, эти линии пересекутся, образуя крест. Данный способ рифмовки назвали перекрёстным.

Использование всех трёх видов рифмовки в одном стихотворении, если человек только начал осваивать стихосложение, не всегда выглядит убедительно, но мастер способен сотворить из такого соединения чудо! Так, А.С. Пушкин придумал новый вид строфы, записав три четверостишия с разными способами рифмовки и увенчав их итоговым двестишием. Таким стихом написаны главы романа «Евгений Онегин». Созданная поэтом строфа получила название «онегинской».

Многие современные поэты устали от рифмы и с удовольствием пишут белые стихи, в которых присутствует ритм, а рифма считается необязательной. Если поэт отказывается не только от рифмы, но и от регулярных стихотворных размеров, тексты называют верлибрами. Не думайте, что авторы верлибров не умеют рифмовать. Умеют, но иногда им хочется освободиться от любых условностей и отпустить свою мысль на волю. Ведь творчество – это и есть свобода.

Мария ЗНОБИЩЕВА,
кандидат филологических наук

Авторы

Лёвин Сергей Александрович – поэт, прозаик. Родился в 1978 году в г. Котовске Тамбовской области. Окончил филологический факультет ТГУ имени Г.Р. Державина. С 2001 года живёт в Анапе. Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов, автор 16 книг стихов и прозы для взрослых и детей, публикаций в журналах «День литературы», «Север», «Подъём», «Перископ», «Дон», «Родная Кубань» и других, постоянный член жюри Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова».

Зайцева Елена Михайловна – поэтесса, член Союза писателей России. Родилась в Омске. Окончила художественное училище в Бишкеке, Омский технологический институт. По профессии – модельер. Много лет жила и работала в Санкт-Петербурге. Автор трёх сборников стихотворений: «Перекрёсток стихий» (2012), «Перекрёсток надежд» (2014), «Оставь меня себе на память» (2015), «Визитная карточка поэта» (2023). Публиковала стихи в коллективных сборниках, в журнале «Сфинкс». В 2016 году стала финалистом VIII Международного литературно-музыкального фестиваля «Мгинские мосты без границ».

Пчелинцев Юрий Николаевич – поэт. Родился в 1961 году в селе Сурава Тамбовского района Тамбовской области. В 1978 году окончил среднюю школу и поступил в Тамбовское высшее авиационно-инженерное училище. После окончания училища служил в частях дальней авиации СССР. Поступил на службу в органы внутренних дел. В 1998 году уволился по достижении выслуги лет, работал в нескольких организациях. Первые публикации состоялись в 2019 году, публиковался в журнале «Литературный Тамбов», в «Тамбовском альманахе», в журнале «Подъём» (2024).

Анурьев Василий – поэт. Родился в 1965 году в деревне Криуша Мордовского района Тамбовской области в крестьянской семье. В 1983-1985 гг. служил в Советской армии на средней Волге, в Тольятти. С 1985 по 1995 годы жил в Тамбове, работал на заводах «Пигмент», КПД, АРТИ. Первая попытка издать книгу относится к 1991 г. В 2013 году вышел первый сборник стихов «Неутолённость», всего издано пять книг. В последнее время пишет прозу. Живёт в Тамбове.

Селивёрстов Владимир Иванович – прозаик, краевед, ветеран МВД, адвокат. Член Союза писателей России. Родился в 1945 г. в Котовске. Окончил Волгоградскую высшую следственную школу МВД СССР. Автор исторических романов, в т.ч. о тамбовском правителе Г.Р. Державине, о губернаторах: П.А. Нилове, Д.Р. Кошелеве, А.М. Безобразове, И.С. Миронове, фон дер Лаунице и других. Лауреат литературной премии им. Е.А. Баратынского. Организатор творческих встреч «Трегуляевские среды».

Баранова Наталия Ивановна – прозаик, член Союза писателей России. Родилась в 1961 году в Тамбове. Окончила Моршанский библиотечный техникум, Московский институт культуры. Работала заведующей детской библиотекой №9 им. И.А. Крылова ЦБС г. Тамбова. Пишет рассказы и сказки, издан сборник «Злокачественная форма одиночества». Публиковалась в журналах: «Москва», «Подъём», «Литературный Тамбов», «Александръ», в «Тамбовском альманахе», в региональных СМИ.

Альберт Зверев – журналист. Родился в 1968 году в Сибири. Отслужил в армии, окончил исторический факультет Тамбовского государственного педагогического

института. В журналистике с 1988 года. Работал редактором газеты «Тамбовские губернские ведомости», заместителем редактора газеты «Тамбовская жизнь», на телевидении. Автор книг «Очерки тамбовской областной ветеранской организации», «Генерал Виктор Коробцев» и др. Член Союза журналистов России.

Курбатова Татьяна Львовна – поэтесса, педагог, член Союза писателей России. Родилась в Тамбове, окончила музыкальное училище им. С.В. Рахманинова, факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института. Автор десяти сборников лирической поэзии и стихов для детей. Возглавляет литературное объединение «Радуга» при областной писательской организации. Несколько её стихотворений стали песнями, музыку к которым написала композитор Ольга Егорова. Награждена Знаком «За достижения в культуре» Министерства культуры РФ.

Джурович Наталья Александровна – поэт, член Союза писателей России. Родилась в Москве, детство провела в селе 1-я Иноковка Тамбовской области. Окончила филологический факультет Российского Православного университета св. Иоанна Богослова. В Черногории преподавала курс русского языка для сербов. Переводит прозу и поэзию с сербского языка на русский. Переводчик сайта <http://studenicainfo.rs>. Автор книг «Нескончаемое лето», «Крестonosная Румия/Румија крстonosна» (автор и переводчик), «Двуречие». Публиковалась в журналах: «Москва», «Наши современники», «Гостинный двор», «Подъём», «Волга – XXI век», «Эхо Бога», «Славянская лира». Лауреат конкурса им. Григорьева.

Колмогорова Наталья Ивановна – поэт, член Союза профессиональных литераторов. Родилась в 1963 г. в Самарской области, по образованию педагог. Издан ряд книг: «Дик», «Средство против хулиганства», «Когда ты был Богом», «Время собирать звёзды», «Чужие мои дети», «Там, где пасётся Пегас» и другие... Публиковалась во многих печатных изданиях: «Параллели» (Самара), «Чем жива душа» (Ярославль), «Писатели 21 века» (Германия) и др. Награждения: медаль имени Маяковского (2018, Москва), медаль «Хранители наследия в действии» (2018, Прага).

Татьяна Столярова – прозаик, член Союза писателей ДНР. Родилась в г. Донецке. Окончила биологический факультет Донецкого гос. университета. В настоящее время – ст. преподаватель кафедры ДонГУ. Публиковалась в сборниках «Выбор Донбасса», «Живи, Донбасс!», «Донбасс живёт»; в журналах «Уральский следопыт», «Сибирские огни», «Северо-Муйские огни», «Огни над Бией»; в альманахе Союза писателей ДНР «Пушкина, 30А», в сборниках Издательских домов СКОЛ и СеЖеГа и Клуба Импорт-Фантастики. Издан авторский сборник рассказов «Посмотрим, что ТАМ...». Дважды лауреат ежегодного конкурса «Крымское приключение».

Афонин Михаил Евгеньевич – прозаик, поэт, редактор, член Союза писателей России. Родился в 1974 г., по образованию – горный инженер. Живёт в Донецке. Автор книг для детей и соавтор литературных сборников «Час мужества», «Воля Донбасса», «Юзовка Сталино Донецк» и др. Лауреат Международного музыкально-поэтического конкурса имени М.В. Исаковского «Связь поколений» (2021), дипломант конкурса «Мгинские мосты» (2021). Победитель VIII Международного поэтического конкурса Петровской академии наук и искусств «Россия, перед именем твоим...» в номинации «Вставай, страна огромная» (2021).

Бережной Сергей Александрович – прозаик, публицист, военный корреспондент. Родился в 1955 году в Воронежской области. Окончил ВГУ, академию МВД СССР, Рос-

сийскую Академию государственной службы. Служил в Советской армии, органах МВД, участник боевых действий. Федеральный судья в отставке. Публиковался в журналах «Наши современники», «Роман-журнал XXI век», «Звонница», «Пограничник» и др. Автор более десяти книг. Лауреат «Большой литературной премии России», «Щит и меч Отечества», «Имперская культура им. Эдуарда Володина», «Прохоровское поле». Секретарь Союза писателей России, руководитель Военно-художественной студии писателей Минобороны РФ.

Черняк Станислав Владленович – поэт. Родился в 1973 г. в Котовске Тамбовской области. В 1995 г. окончил ТГУ им. Г.Р. Державина по специальности преподаватель химии и биологии. Избирался депутатом Котовского городского Совета народных депутатов. Выпустил сборники стихов: «Я вновь пишу тебе стихи» (2010), «Я выбираю свет...» (2023), «Високосные стихи для детей и взрослых» (2024). Публиковался в журнале «Великоросс», местных СМИ. Лауреат региональных поэтических конкурсов «Молодёжь региона - 2022» и «С малой родиной я говорю» (2022, 2023).

Михайлова Александра Анатольевна – прозаик, публицист, член Союза писателей России. Родилась в 1984 г. в Тамбове. Окончила ТГУ им. Г.Р. Державина, институт филологии. Редактор газеты «Наши город Тамбов», корреспондент Тамбовской областной общественно-церковной газеты «Колокольный звон», главный редактор сайта www.palomnik.land. Автор рассказов и научных статей в области литературоведения. Автор книг для детей и семейного чтения «Доброе дело» (2019) и «Дворяночка» (2023). Дипломант национальной премии «Искра» в номинации «Фельетон» (2011), три призовых места в конкурсе журналистских работ администрации Тамбова «Три пчелы» (2015), медаль «За развитие русской мысли» им. Ивана Ильина (2015).

Архипова Марина Викторовна родилась в 1959 г. в Котовске Тамбовской области. Член Тамбовского отделения Союза литераторов России. Руководитель Заслуженного коллектива народного творчества РФ «Ансамбль русской песни «Тальяночка» (Тамбов). Автор текстов песен. Получили признание на «Зелёной неделе» в Берлине «Тамбовская картошечка» (музыка О. Егоровой), «Чулочки из Рассказова» (музыка А. Ноздрюхина), «Улицы Сасова», а «Тамбовские красавицы» (музыка О. Егоровой) стала визитной карточкой ансамбля «Тальяночка». Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. С.Н. Сергеева-Ценского «Преображение России» (2021).

Маркова Валентина Александровна – педагог, краевед. Родилась в 1947 году в г. Мичуринске. Окончила Мичуринский педагогический институт, работала учителем русского языка и литературы, замдиректора школы. Изучает историю Тамбовщины, написала родословное древо по линии прадеда Ледовских-Ананских. Подготовила и передала в Петровский музей истории материал о жизни поэта-драматурга И.Г. Гладких родом из исчезнувшего села Казинские Подворки Петровского района. Вместе с журналистом Н.М. Сухоруковым выпустили книгу о драматурге «Мозаика воспоминаний». Публиковалась в газетах «Сельские зори», «Мичуринская правда», в журнале «Александръ».

Матюшина Маргарита Вячеславовна – член Союза журналистов России. Родилась в 1958 г. в Тамбове. Окончила Тамбовский государственный педагогический институт. С 1997 г. редактор отдела «Тамбовских известий», с 2002-го – корреспондент, редактор отдела культуры газеты «Тамбовская жизнь». Имеет сертификат театроведа, сотрудничает с российскими театральными журналами. Печатается в газетах

«Культура», «Аргументы и факты», «Труд», «Российская газета», «Сельская жизнь», «Московский комсомолец», журнале «Работница» и др. Лауреат международных и всероссийских конкурсов, литературной премии «Светунец» им. В.А. Богданова.

Новикова-Строганова Алла Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России. Автор четырёх монографий и свыше 500 научных и художественно-публицистических работ о творчестве классиков мировой литературы. За книгу «Христианский мир И.С. Тургенева» (изд. «Зёрна-Слово», 2015) удостоена Золотого Диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат премий журналов: «Зарубежные записки» (2014), «Наш современник» (2018), Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н.С. Лескова (2020), премии «Российского писателя» (2021, 2022). Работы опубликованы в десятках научно-популярных и общественно-литературных изданий России и других стран. Член Диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям «Русская литература», «Зарубежная литература» Орловского ГУ им. И.С. Тургенева.

Самородов Владимир Юрьевич – автор коротких рассказов. Родился в 1992 году в Тамбове. Практикующий адвокат, кандидат юридических наук. Слушатель Высших литературных курсов Литературного института имени А.М. Горького (семинар прозы, мастерская Е.А. Попова). Рассказы печатались в журналах «Подъём», «Литературный Тамбов», «Наша молодёжь», сетевых изданиях «Молоко», «Великороссь». Член литературного актива Союза писателей России (Тамбовское отделение).

Савченко Юрий Элланович – поэт, член Союза писателей России. Родился в 1954 году в семье геологоразведчика. Окончил Московский геологоразведочный институт. Работал геологом на разведке месторождений в Донбассе (Никитовка, ртуть), в Монголии (фосфориты), в Восточном Казахстане (титан). С 2011 г. в Белгородской области, село Новая Таволжанка. Автор трёх поэтических книг. Публиковался в журналах: «Простор», «Литературная учёба», «Слово», «Наш современник», «Московский вестник», «Молодая гвардия», «Братина», «Нёман», «Кедр», «Белая скала» и др.

Харитонов Евгений Николаевич – поэт, член Союза литераторов при Белгородском отделении Союза писателей России. Более 100 публикаций в периодических изданиях России и стран СНГ: «Литературная газета», «Подъём», «Берега», «Звезда Востока», «День и ночь», «Нижний Новгород», «Невский Альманах», «Воин России», «Крым», «Северо-Муйские огни», «Южная звезда», «Таврия литературная», «Бийский Вестник», «Пять Стихий», «Наша Молодёжь» и т.д. Лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости» партии «Справедливая Россия – За Правду» (Москва, 2022).

Ищенко Нина Сергеевна – культуролог, литературный критик, кандидат философских наук, член Союза писателей ЛНР. Родилась в 1978 году. Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск-2014» (2020), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021), «Южный фронт: Россия – Украина – Донбасс» (2021). Редактор-составитель шести сборников Философского монтеневского общества Луганска. Редактор сборников стихотворений Е. Заславской «Год войны» (2015), «Бумажный самолёт» (2018), «Донбасский имажинэр» (2020) и др.

Дорожкина Валентина Тихоновна – поэт, прозаик, литературовед, член Союза писателей и Союза журналистов России. Родилась в 1939 г. в Мичуринске. Окончила историко-филологический факультет ТГПИ. Работала ст. редактором в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве. Автор более тридцати книг, соавтор «Тамбовской энциклопедии». Лауреат литературных премий: имени Е.А. Баратынского, Зои Космодемьянской, И.Г. Рахманинова, И.А. Гаврилова. Заслуженный работник культуры РФ, почётный профессор ТГУ имени Г.Р. Державина, Почётный гражданин г. Тамбова. Награждена орденом Дружбы.

Знобищева Мария Игоревна – поэт, прозаик, критик, член Союза писателей России. Родилась в Тамбове, окончила Институт филологии ТГУ им. Г.Р. Державина. Кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Волга – XXI век», «Вопросы литературы», «Крещатик», «Пересвет», в «Литературной газете», на сайте «Российский писатель» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, премии журнала «Наш современник» им. Ю.П. Кузнецова, региональной литературной премии имени Е.А. Баратынского, дипломант Международного Волошинского фестиваля. В 2021 г. признана «Лучшим поэтом года» по версии Союза писателей России. Руководитель Центра творческого развития детей «Мир слова».

Содержание

ЭПИГРАФ

Татьяна Курбатова. Да свершится! *Стихи* 3

ПРОЗА

Сергей Лёвин. Хроника Синь-камня. *Рассказ*..... 4

Владимир Селивёрстов. Ваша честь. *Рассказ* 42

Наталья Баранова. Окна дома напротив. *Рассказы*..... 45

Александра Михайлова. Дворяночка. *Роман. Окончание* 121

Владимир Самородов. Сигнальный экземпляр. *Новеллы* 183

ПОЭЗИЯ

Елена Зайцева. Не прогневи небесный свет... *Стихи* 24

Юрий Пчелинцев. И плачет оттепелью верба... *Стихи* 30

Василий Анурьев. Тебе к лицу ромашковый венок. *Стихи*..... 36

Татьяна Курбатова. В саду оливковом Иисус молился... *Духовные стихи* 66

Наталья Джурович. Запиши моё имя на этом листке. *Стихи* 71

Наталья Колмогорова. От святого истока. *Стихи* 78

ДОНБАСС

Татьяна Столярова. Домой. *Рассказ*..... 90

Михаил Афонин. Тося. *Рассказ*..... 97

Сергей Бережной. В прифронтовой полосе. *Записки волонтера*..... 102

Юрий Савченко. Посмотри на небо, выходя из дома. *Стихи* 193

Евгений Харитонов. Здесь, на западной границе. *Стихи*..... 199

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

Альберт Зверев. «Угрозило же меня стать русским и тамбовским поэтом... Ну, что тут сказать – повезло!» *Интервью с поэтом Евстахием Начасом* 60

Сергей Кочуков. Дорога домой. *Очерк к 35-летию окончания Афганской войны*..... 84

Маргарита Матюшина. Стойкий бумажный солдатик. *Биографический очерк об Александре Чернове*..... 171

ИМЕНА

Алла Новикова-Строганова. Восхождение души... *Статья к 225-летию А.С. Пушкина* 178

Валентина Дорожкина. Наши юбиляры. *Биографический очерк* 208

НОВЫЕ ЛИЦА

- Станислав Черняк. Предновогодняя молитва. *Стихи* 112
Марина Архипова. Деревня. *Стихи* 162

ИСТОРИЯ

- Валентина Маркова. Жизнь и судьба барышни-крестьянки.
Исторический очерк 166

КРИТИКА

- Нина Ищенко. «Новороссия гроз. Новороссия грёз»: сакральное
пространство Донбасса. *Статья* 203

ТВОРЧЕСТВО ЮНЫХ

- Детский областной конкурс «Снегирь». *Стихи победителей* 215

АЗБУКА ПИСЬМА

- Мария Знобищева. Рифма, виды рифм. *Лекция* 219

ГАЛЕРЕЯ

- Фотокартины Алексея Герасина 117

АВТОРЫ

- Краткая информация об авторах 27-го номера «Тамбовского альманаха».. 223

Тамбовский альманах № 27

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Главный редактор

Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Редакционная коллегия

Валерий АРШАНСКИЙ
Сергей БЕРЕЖНОЙ
Юрий БЕРИДЗЕ
Валентина ДОРОЖКИНА
Наталья ЖЕЛТОВА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Геннадий ИВАНОВ
Сергей КОЧУКОВ
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА
Вячеслав ЛЮТЫЙ
Светлана ПЕШКОВА
Людмила ПРОНИНА

Корректор

Александра МИХАЙЛОВА

Вёрстка

Ксения ПОПОВА

ISBN 978-5-6051826-9-6

Формат 70x100 1/16
Бумага *mu print*. Печать цифровая
гарнитура *Minion Pro*. Печ. л. 18.69
Тираж 100 Заказ № 14
Студия печати Галины Золотовой
studiapechati@bk.ru
8 953 715 48 36